ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

1873

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ — ДЕКАБРЬ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1873

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

ОСНОВАНІЯ НАКАЗУЕМОСТИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ

по

РУССКОЙ ПРАВДѢ.

Общее понятіе объ уголовныхъ наказаніяхъ по Русской Правдѣ.

Русскую Правду, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, нельзя не признать за одинъ обширный кодексъ древне-русскаго обычнаго права, пополняемый и измѣняемый первыми русскими князьями. Изъ ея содержанія видно, что она заключаетъ въ себѣ преимущественно древнѣйшія положенія обычнаго права и законодательныя распоряженія князей первыхъ вѣковъ, съ отраженіемъ на ней слѣдовъ христіанства. Большая часть положеній, начинающихся словами „оже,“ „или“ и обнимающихъ собственно частные случаи, доказываютъ, что это были обычаи, записанные въ той непосредственно-простой формѣ, въ какой они вышли изъ устъ народа. Съ другой стороны, законодательныя распоряженія Ярослава, Изяслава и Владиміра Мономаха, изданныя ими по совѣщаніи съ дружиною, и вошедшія въ составъ Рус. Правды, показываютъ, что она была разновременнымъ памятникомъ древне-русскаго права. Такимъ образомъ, со стороны матеріальной, Рус. Правда представляется преимущественно, какъ выраженіе народно-юридическаго сознанія, со стороны формальной, какъ разновременное возведеніе рус-

скими князьями нормъ обычно-юридическаго сознанія въ нормы положительнаго законодательства, съ присоединеніемъ своихъ узаконеній. По этому Рус. Правду также нельзя принять за исключительный сборникъ обычаевъ, какъ нельзя допустить, чтобы она могла быть оффиціальнымъ законодательнымъ памятникомъ.

Не входя въ подробный разборъ мнѣній о составѣ Рус. Правды, скажемъ только то, что вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, будто Рус. Правда, узаконяя то или другое правило, относится къ роду или семейству и обнимаетъ собою большую часть родственныхъ отношеній; мы думаемъ напротивъ, что постановленія Рус. Правды имѣютъ въ виду общину, извѣстный союзъ лицъ, безъ всякихъ родовыхъ отношеній между ними. Конечно, какъ остатки прежняго быта, эти родовыя отношенія проявлялись и по призваніи князей, но они едва замѣтны и проявлялись можно сказать болѣе фактически, уступая мѣсто юридическому господству новыхъ понятій, новаго быта. Вервь по Рус. Правдѣ, не представляется родовымъ союзомъ, и вообще Рус. Правда, обращаясь или къ верви или къ частному лицу, только по исключенію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, касается семейныхъ и родовыхъ отношеній. Рус. Правда говоритъ объ верви, какъ исконно-бытовомъ союзѣ; она установляетъ ея права и обязанности, безъ всякихъ родовыхъ основаній. Рус. Правда дѣлаетъ различіе между исками, возникшими въ своей общинѣ и чужой, безъ всякихъ родовыхъ различій. Она узаконяетъ обязанность сочленовъ верви помогать другъ другу при извѣстныхъ случаяхъ и т. д. Обязанность эта и защита сочленовъ верви точно также не основывается на родствѣ, потому что помощь верви сочлену обусловливалась только его помощью сочленамъ. Если кто не помогалъ верви — „тому людье не помогаютъ." Рус. Правда наконецъ говоритъ о дѣятельности общества въ судебно-уголовномъ отношеніи; она говоритъ о 12 мужахъ присяжныхъ; она говоритъ о поимкѣ и отыскиваніи въ своей верви преступниковъ: „оже будетъ розсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имь же ловлено или сѣть, то по верви искати въ собѣ татя." Нѣкоторыя сдѣлки

и заявленія о пропажѣ вещи, по словамъ Русской Правды, должны происходить на торгу, предъ свидѣтельствомъ своей общины; точно также полученіе опекуномъ наслѣдства за малолѣтнихъ должно быть при лучшихъ людяхъ своей общины. И все это даже безъ указанія на родовое устройство первичныхъ общинъ. Сказаннаго достаточно, чтобы не раздѣлять опровергаемое мнѣніе. Рус. Правда не знаетъ рода, въ смыслѣ самостоятельной единицы; Рус. Правда ничего не говоритъ про отношенія семьи къ семьѣ и рода къ роду; лишь только община и ея отношенія, ея права и обязанности находятъ въ Рус. Правдѣ подробныя узаконенія и доказываютъ, что Рус. Правда, хотя и не исключительно, но по преимуществу есть кодексъ общиннаго быта русскихъ славянъ, вызванный, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Н. С. Таганцевъ, окончаніемъ родоваго быта славянъ и переходомъ къ общинно-государственному. *)

Наказанія по Рус. Правдѣ, распадались вообще по своей сущности на двѣ категоріи: наказанія, имѣвшія собственно характеръ уголовныхъ и наказанія съ характеромъ гражданскихъ взысканій. Первыя составляли прерогативу княжеской власти, вторыя—обиженной стороны.

Всѣ наказанія, носившія уголовный характеръ по Рус. Правдѣ, наказанія лицъ свободныхъ, правоспособныхъ распадались, смотря по средствамъ, на личныя—потокъ и обращеніе въ рабство, и имущественныя, или скорѣе денежныя—разграбленіе и княжескія пени—виру и продажу.

Потокъ и разграбленіе вмѣстѣ назначались Рус. Правдою въ трехъ случаяхъ:

1) За разбой, или убійство безъ всякой ссоры (свады) съ

*) Повтореніе преступленій. Нельзя однако согласиться съ Таганцевымъ, чтобы Рус. Правда, какъ онъ полагаетъ, „вся основана на нормахъ, сложившихся еще въ родовомъ быту и потому всѣ ея постановленія пропитаны родовымъ началомъ.“ Конечно нельзя отвергнуть всецѣло первое положеніе автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и придти къ такому заключенію, какъ онъ; тѣмъ болѣе, что онъ же самъ признаетъ, что Рус. Правда возникла въ общинный періодъ жизни русскихъ славянъ.

убитымъ, т.-е. не вызванное имъ, но и не случайное, а слѣдовательно злонамѣренное;

2) За конокрадство;

3) За поджогъ гумна или двора.

Сущность потока заключалась въ древній періодъ русскаго права въ изгнаніи, въ высылкѣ обществомъ изъ среды себя преступнаго члена, что впослѣдствіи обозначилось терминомъ „выбити изъ волости вонъ.“ Затѣмъ, по призваніи князей, изгнаніе или ссылка эта превратилась собственно въ выдачу князю преступника для ссылки его. Разграбленіе же соединяемое въ Рус. Правдѣ съ потокомъ, было лишеніе преступника части или всего имущества, которое за удовлетвореніемъ истца, или забиралось княземъ, или дѣлилось самимъ обществомъ, причемъ иногда извѣстная часть доставалась и князю. И такъ три сказанныя преступленія наказывались самыми высшими средствами наказанія по Рус. Правдѣ, такъ какъ всѣ прочія наказанія не лишали преступника всего имущества и не соединялись съ лишеніемъ свободы. Нельзя по этому не признать, что сказанныя преступленія составляли самыя тяжкія правонарушенія по Русской Правдѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что основаніе наказуемости не было одинаково для этихъ преступленій. Такъ въ убійствѣ безъ всякой свады за основаніе принимался способъ совершенія преступленія; въ двухъ остальныхъ, т.-е. въ конокрадствѣ и поджогѣ, вообще жизненная необходимость въ объектахъ преступленія, въ частности, опасность для общества отъ поджоговъ и вѣроятно, сильное распространеніе конокрадства, вызвавшее статью о наказаніи конокрадовъ, вмѣсто прежнихъ денежныхъ пеней потокомъ. *)

Рабствомъ, по Рус. Правдѣ, наказывались три правонарушенія, но въ уголовномъ смыслѣ собственно два: побѣгъ закупа отъ хозяина и воровство, совершенное закупомъ. **)

---

*) 12, 25, 29 ак. сп.; 28, 40 тр. сп.

**) XXI, XVII изд. Калачова; 115 тр. сп. см. ibid. XII.

Такимъ образомъ обращеніе въ рабство, относившееся только къ закупамъ, составляло по Рус. Правдѣ исключительный родъ наказанія, основаніемъ установленія котораго служили, кромѣ явной злонамѣренности и другія соображенія.

Закупъ, какъ человѣкъ неимовитый, фактически рабъ, по Рус. Правдѣ, едва ли могъ уплатить значительную пеню, малая же не соотвѣтствовала по взгляду Рус. Правды тяжести его преступленія; что же касается до потока, то закупъ не связанный никакими особенными интерессами съ оставляемой имъ мѣстностью, едва ли могъ чувствовать тяжесть подобнаго наказанія; скорѣе могъ желать его, если же уплата значительной пени не могла быть примѣнима къ закупу, то разграбленіе и подавно. Подобныя соображенія, съ явною злонамѣренностью преступленій и вѣроятное желаніе болѣе или менѣе гарантировать хозяевъ закуповъ, въ случаѣ ихъ преступленій, служили къ установленію такого наказанія. Всѣ остальныя уголовныя наказанія по Рус. Правдѣ были денежныя, княжескія пени, раздѣлявшіяся на два рода: виру и продажу. Вира бралась за убійство всякаго свободнаго, продажа за остальныя личныя и имущественныя правонарушенія. Такъ какъ большая или меньшая тяжесть наказанія въ денежныхъ пенахъ зависѣла отъ ихъ количества, то естественно, что за тяжкое преступленіе пеня взыскивалась большая сравнительно съ менѣе тяжкимъ; такъ за убійство взыскивалась вира, пеня по количеству гораздо значительнѣе продажи, взыскиваемой за остальныя правонарушенія. Убійство по этому составляло одно изъ тяжкихъ преступленій по Рус. Правдѣ, но убійство безъ свады наказывалось самымъ тяжкимъ наказаніемъ, чисто уголовнымъ—потокомъ и разграбленіемъ. Слѣдовательно вира взималась за убійство менѣе преступное, уплачивалась преступникомъ за убійство открытое, явное; однимъ словомъ вира бралась за убійство съ извѣстными смягчающими преступность обстоятельствами. По количеству вира была не многосложна—въ 80 и 40 гривенъ. Вира въ 80 гр. бралась за убійство лица привиллегированнаго—княжескаго дружинника; въ 40 гр. за убійство всякаго свободнаго. Существовала еще полувира въ 20 гр.

за лишеніе какого-нибудь члена тѣла. Основаніемъ наказуемости убійства, по Рус. Правдѣ, кромѣ важности самаго преступленія убійства, служило и привиллегированное положеніе дружинниковъ, отъ чего и произошло удвоеніе простой виры. Гораздо многочисленнѣе, не по количеству, а по разнообразію самихъ преступленій ими оплачиваемыхъ, другой родъ княжескихъ пеней—продажа. По количеству она раздѣлялась на три вида: въ 12 гр., въ 3 гр. и въ 60 кунъ. 12 гр. продажа взыскивалась: за убійство несвободныхъ и за убійство пойманнаго и связаннаго вора; за увѣчье, раны или побои, нанесенныя безъ всякой свады; за продажу закупа въ рабы его хозяиномъ; за похищеніе раба или рабы и за кражу бобра; за злонамѣренное истребленіе и порчу чужой собственности; за уничтоженіе межъ, межныхъ и другихъ разграничивавшихъ поземельную собственность знаковъ.

3 гр. продажа взыскивалась: за увѣчье, раны и побои, нанесенныя въ ссорѣ; за кражу домашнихъ животныхъ и птицъ изъ перевѣса; за укрывательство бѣглыхъ рабовъ; за утайку чужой вещи; за запирательство; за ѣзду на чужой лошади.

Послѣдній видъ продажи 60 кунъ взимался за кражу ладьи съ рѣки и скота въ полѣ.

При назначеніи 12 гр. продажи основаніе мѣры наказанія было различно: при нанесеніи увѣчья, ранъ и побоевъ основаніемъ былъ образъ совершенія преступленія и явная злонамѣренность, проявившаяся въ преступленіи; при истребленіи чужой собственности или торгѣ злонамѣренность, проявившаяся въ преступленіи; таже злонамѣренность служила основаніемъ наказанія за похищеніе раба или рабы. Цѣнность бобра въ тогдашнее время служила основаніемъ мѣры наказанія за его кражу.

При назначеніи 3 гр. продажи основаніемъ мѣры наказанія служило: при нанесеніи увѣчья, ранъ и побоевъ—образъ совершенія преступленія (въ ссорѣ). При кражѣ мѣсто совершенія преступленія, кража изъ извѣстнаго помѣщенія. Наконецъ, при назначеніи 60 гр., самой низшей по количеству пени, принималось за основаніе мѣры наказанія также

мѣсто совершенія преступленія,—кража съ открытаго всѣмъ мѣста, не изъ помѣщенія.

Все сказанное указываетъ на различіе и средствъ и мѣры наказанія по Рус. Правдѣ. Въ послѣдующемъ изложеніи разсмотримъ, какія изъ основаній мѣры наказанія по Рус. Правдѣ обусловливались самой природою преступленія; какія были исконно-русскими началами обычнаго права, какія создались вліяніемъ призванія князей и наконецъ, какія создались вліяніемъ византійско-теократическихъ тенденцій.

Юридическое наказаніе, чтобы быть справедливымъ необходимо должно уравновѣшиваться съ преступленіемъ. Оно должно, по возможности, равняться ему въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Преступленіе, какъ извѣстно слагается изъ двухъ, основныхъ признаковъ воли и факта, субъективной и объективной стороны. Тѣмъ полнѣе и оконченнѣе преступленіе, чѣмъ полнѣе связь воли и факта, сознаніе совершаемаго и самаго совершенія. Наказаніе необходимо должно имѣть въ виду эти двѣ стороны преступленія, чтобы быть юридически справедливымъ; слѣдовательно наказуемость преступленій должна основываться на степени отношенія воли и факта въ извѣстномъ преступленіи. Поэтому при мѣрѣ наказаній главнѣйшимъ основаніемъ наказуемости служатъ два, присущихъ преступленію, элемента: субъективный—воля на совершеніе и сознаніе совершаемаго объективный—совершеніе чего-либо, ведущаго къ преступленію (приготовленіе, покушеніе), или самаго преступленія. Если одного изъ этихъ элементовъ не достаетъ, нѣтъ и преступленія, нѣтъ и наказанія. Такимъ образомъ мѣра наказанія за преступленія основывается на степени причинной связи воли и факта, на извѣстномъ соотношеніи субъективной и объективной стороны. Но преступленіе, какъ родовое понятіе, обнимаетъ такое множество видовыхъ различій, что странно было бы къ извѣстному преступленію примѣнить исключительно извѣстнаго рода наказаніе, не смотря на огромное разнообразіе его видовыхъ оттѣнковъ. Если же преступленіе извѣстнаго рода, какъ причина наказанія разнообразится въ своихъ частныхъ проявленіяхъ, то наказаніе.

какъ слѣдствіе его не можетъ быть одинаково. Преступленіе можетъ быть совершено изъ гнусной и доброй цѣли, преступленіе можетъ быть совершено по злобѣ, по глупости, по бѣдности, по привычкѣ. Всѣ эти мотивы слишкомъ не одинаковы, чтобы сообразно имъ, не измѣнять наказаніе. Кромѣ того образъ дѣйствія преступника, время совершенія преступленія и мѣсто, средство совершенія и многія другія, такъ называемыя обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину, вліяютъ на наказаніе. Наконецъ не въ понятіи преступленія и его обстановкѣ, а въ самомъ субъектѣ преступленія могутъ заключаться извѣстныя свойства, вліяющія на мѣру наказуемости: сюда относятся полъ, возрастъ, умственное состояніе, общественное положеніе и проч. Всѣ исчисленныя обстоятельства, вліяющія на мѣру наказанія, не во всѣхъ законодательствахъ и не во всякое время представляются одинаковыми; онѣ измѣняются, сообразно духу времени и законодательства. Вотъ почему всѣ подобныя обстоятельства, имѣющія значительное вліяніе на мѣру наказуемости можно назвать третьимъ элементомъ наказуемости, элементомъ духа времени и законодательства, и если вспомнимъ аксіому уголовнаго права nullum crimen, nulla poena sine lege, то должны принять, что всѣ разнообразныя обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія наказаніе и не входящія въ указанные два элемента наказуемости существуютъ въ законѣ (принимая и обычай) и составляютъ особый, цѣльный, измѣняемый законодательствомъ третій элементъ наказуемости, который по этому справедливо можно назвать легальнымъ.

Субъективный и объективный элементы мѣры наказанія по Русской Правдѣ.

Субъективный элементъ — содержаніе и объективный— форма преступленія могутъ быть или въ полномъ равновѣсіи между собою и содержаніе наполнять всю форму, или же эти элементы могутъ перевѣшивать одинъ другой. На различіи соотношеній субъективнаго и объективнаго элемен-

товъ въ уголовномъ правѣ принимается различіе наказуемости умысла, приготовленія къ преступленію, покушенія на преступленія, совершеннаго преступленія, неосторожности и случайности. Глядя на преступленіе съ его внутренней стороны, со стороны его содержанія, мы видимъ, что форма или сполна наполняется содержаніемъ, когда преступникъ, что задумалъ, то и сдѣлалъ—совершеніе преступленія; или содержаніе переполняетъ форму, когда преступникъ задумалъ только совершить преступленіе—умыселъ; или же форма болѣе содержанія, когда преступникъ совершаетъ то, на что не имѣлъ прямаго намѣренія—неосторожность; наконецъ, случай, гдѣ содержаніе и форма, воля съ знаніемъ и дѣло окончательно расходятся между собою. Все сказанное находило въ Рус. Правдѣ примѣненіе и большее, или меньшее проявленіе воли и знанія въ правонарушеніи вело къ различію мѣры наказаній. Вѣроятно, не безъ вліянія были въ этомъ отношеніи положенія древней Кормчей, которая содержала подробныя узаконенія о вмѣненіи и наказуемости различныхъ проявленій воли. Между многими мѣстами изъ Кормчей, относящимися къ этому вопросу, въ особенности замѣчательна 21 глава. „Убійства убо суть, ово *вольная*, а другая *невольная*, иная же *близъ вольныхъ*. Аще убо кто верже сѣчиво на кого и убіетъ того и иже мечъ иземъ или ножъ иземъ убивъ кого, и разбойници и супостати, иже ово убо богатства ради убиваютъ, ово же явѣ убити хотятъ противящеся имъ, тіи убо вси вольніи убійцы нарицаются, понеже волею убиваютъ: тако же и жены, дающія дѣтогубныя зелья, яко да уморятъ младенцы, сущія во чревѣ и дающіи и вземлющіи—волею убиваютъ и яко убійци судъ пріемлютъ, тако же хотящіи, да быша отъ нѣкоего мужа любими были и смѣсивше таковое зелье и то давше ему пити и омраченіе творяше уму его и аще умретъ отъ зелья того и се вольное убійство вмѣняется. Аще же камень вергъ на пса, или древо, хотя возбранити ему отъ себѣ и погрѣшивъ пса и ударитъ человѣка и отъ того умретъ и сей въ невольныхъ убійцахъ вмѣняется. Аще же роскоторався и въ гнѣвѣ древомъ или рукою рану нѣкому нанесъ

нещадно въ смертное мѣсто и убивъ его, близь есть вольнаго убійства". *)

Въ Рус. Правдѣ не встрѣчается постановленій о голомъ умыслѣ и наказуемости его, но вообще видно, что Русская Правда обращаетъ сильное вниманіе на завѣдомость и умышленность въ преступномъ дѣйствіи, что ясно видно изъ слѣдующей статьи: „Аже кто крьнетъ (купитъ) чюжь холопъ, а не *вѣдая*, то първому господину холопъ поняти, а оному куны имать ротѣ ходивше яко не вѣдая есмь купилъ; вѣдая ли будеть купилъ; то кунъ ему лишену быти." **) Изъ этой статьи видна вся разница во взглядахъ Правды на завѣдомость, знáніе совершаемаго и неумышленность.

Рус. Правда наказываетъ только сознательно совершившееся преступленіе—умышленнаго преступника, но не совершившаго преступленіе по одной простой случайности. Это же самое начало проглядываетъ и въ положеніяхъ Правды о помощи, оказанной бѣглому холопу: „аже слышавъ кто, или *зная* или *вѣдая*" оказывалъ ему какую-нибудь помощь, говоритъ Правда, то долженъ былъ заплатить извѣстную сумму рабовладѣльцу, но если помощь или укрывательство раба были неумышленны, то укрыватель, или оказавшій помощь рабу „*не вѣдая*", не считался виновнымъ, а слѣдовательно не подлежалъ и наказанію, ***) „а платежа ему въ томь нѣтуть". Такое различіе между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, умысломъ и случайностью замѣчается во многихъ и другихъ статьяхъ Рус. Правды. Такъ она установляетъ: „Аче же холопъ, кдѣ куны вложить, а онъ будеть не *вѣдая* вдалъ, то господину выкупати, али лишитеся ему его; вѣдая ли будеть вдалъ, то кунъ ему лишитеся" ****). Далѣе сюда же относится XII ст. Рус. Правды. Если какой-нибудь купецъ терялъ, вслѣдствіе несчастнаго случая (воды, огня, войны), чужія деньги, данныя въ заемъ, то его кре-

---

*) Гл. XXI, 159 стр.

**) IX ст. изд. Калачова.

***) LIII.

****) LVI.

диторъ не имѣлъ права ни насиловать, ни продать его въ рабство, „занеже пагуба отъ Бога есть, а самъ *не виноватъ;*" но если этотъ же купецъ самъ отъ себя терялъ чужой товаръ или деньги, «то воля тому чьи куны,» *) говоритъ Правда, и въ этомъ случаѣ кредиторъ могъ продать своего должника въ рабство, чтобы возвратить потерянныя деньги. Эта статья, довольно рѣзко выражающая различіе между умысломъ (dolus) и случайностью (casus), замѣчательна еще въ томъ отношеніи, что едва ли яснѣе прочихъ указываетъ на примѣненіе византійско-теократическихъ тенденцій къ русскому праву. Наконецъ, также какъ купецъ неотвѣчалъ „за пагубу отъ Бога," закупъ не отвѣчалъ предъ своимъ хозяиномъ за преступленіе, совершенное въ его отсутствіи, напр. если безъ него что-либо похищали у его хозяина, „а погыбнеть что *безъ него,* то того ему не платити своему господину." **) Точно также, если крали изъ хлѣва, или вообще изъ какого-бы то ни было запертаго помѣщенія, то закупъ за это не отвѣчалъ; если по его неосмотрительности произошла кража, если онъ не заперъ, напр. скотъ въ хлѣвѣ, или не загналъ его куда слѣдуетъ; здѣсь ясно высказывается различіе между полной невинновностью и неосторожностью.

И такъ почти во всѣхъ статьяхъ Рус. Правда обращаетъ вниманіе на субъективный элементъ преступленія—волю и знаніе, ясно разграничивая умышленность отъ неумышленности и наказывая только первую. Кромѣ того это вниманіе къ субъективному элементу видно и изъ того, что особенная злонамѣренность, высшая степень злаго умысла, проявившаяся въ преступленіи, наказывалась, по Рус. Правдѣ очень строго. Такъ, если „кто *пакощами* порѣжеть конь или скотину," то платитъ за это 12 гр. продажи и урокъ владѣльцу вещи, тогда какъ за воровство лошадей, воловъ и проч. животныхъ изъ хлѣва, или обкрадываніе клѣти, ви-

*) XII.
**) XVIII.

новный платилъ только 3 гр. и 30 купъ. *) Точно также, уведшій чужаго раба платилъ 12 гр. продажи. Понятно, что въ уведеніи чужаго раба есть вѣроятность предполагать не только намѣренность, но и большую твердость намѣренія, чѣмъ напр. при укрывательствѣ раба. Правда и обращаетъ на это вниманіе и облагаетъ уводъ чужаго раба или холопа высшей продажей, какъ преступленіе, въ которомъ субъективный элементъ играетъ весьма важную роль. Вообще, чѣмъ яснѣе и сильнѣе высказывалась въ преступникѣ намѣренность, сознательность, чѣмъ болѣе перевѣшивалъ въ преступленіи субъективный элементъ, тѣмъ болѣе была вина и тѣмъ болѣе поднималось наказаніе на лѣстницѣ степеней по Рус. Правдѣ. Правда до того была проникнута этимъ началомъ, что назначала даже уголовное наказаніе за простое запирательство **) и предписывала человѣку нарушившему общественное довѣріе не вѣрить, какъ и татю: „оже человѣкъ полгавъ купы а побѣжить въ чюжу землю *вѣру ему не яти*, какъ и татю“. ***) Энергія злой воли и преступность привычки, обыкновенно считаются проявляющимися въ повтореніи преступленія и служатъ по этому основаніемъ увеличенія мѣры наказанія; это видимъ и въ Рус. Правдѣ: „Аже господинъ переобидитъ закоупа, а оувидить (увидять) купу его, или отарицю, ****) то то сму все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; *паки ли* приметь на немь купъ, то опять сму воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити 3 гривны продажи. *****) Изъ сказаннаго видно, что Рус. Правда 1) обращала значительное

---

*) CVIII.

**) CXXXVI. „Аже гдѣ взыщеть кто на другѣ проче (процѣ = прокъ), а онъ ся запирати почнеть то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще будеть обидя не вдалъ будеть достойно ему свой скотъ, а за обиду 3 гривнѣ.“

***) CXVI.

****) Купа=копить, купить, выкупъ, копна, копѣйка, означаетъ вообще сумму, количество; здѣсь означаетъ деньги, слѣдующія закупу. Отарина= отъ орать, отпахать, часть пахатной земли.

*****) 55 тр. сп. XX ст. изд. Кал.

вниманіе на субъективный элементъ преступленія; 2) что только умышленныя преступныя дѣйствія наказывались; *) 3) что дѣйствіе само по себѣ преступное, но неумышленное не наказывалось; **) 4) что простая случайность приравнивалась неумышленности и оставалась безъ наказанія; ***) 5) что преступная неосторожность наказывалась; ****) 6) что наказаніе увеличивалось по степени умышленности, такъ что предумышленность наказывалась строже простой умышленности; †) 7) что злонамѣренность увеличивала наказаніе, †*) и наконецъ 8) повтореніе преступленія также увеличивало наказаніе. †**)

Разсматривая съ объективной, внѣшней стороны, преступленіе, со стороны его формы, мы видимъ, что или форма всецѣло охватываетъ собою содержаніе — совершеніе преступленія, или же содержаніе — воля и знаніе болѣе формы—дѣла, что будетъ составлять приготовленіе, если преступникъ, замысливъ преступленіе приготовляется къ нему, но не начинаетъ его, слѣдовательно не высказываетъ явнаго намѣренія совершить преступленіе; покушеніе когда преступникъ началъ преступленіе и высказалъ тѣмъ намѣреніе совершить его.

Обращаясь къ объективному элементу преступленія, вліяющему на мѣру наказанія, мы не находимъ въ Рус. Правдѣ понятія о приготовленіи къ преступленію, но за то находимъ различіе покушенія на преступленіе (conatus perfectus) отъ преступленія совершеннаго (delictum perfectum et consumatum). Сюда относятся двѣ статьи Правды: „Аже ли ударить мечемъ, *а не утнетъ на смерть*, то 3 грив. про-

---

*) LIII XII, XVIII.
**) LIII.
***) XII.
****) XVIII.
†) CVII.
†*) CVIII.
†**) XX.

дажи, а самому гривна за рану, оже лечебное есть, а потнеть ли на смерть, то вира.“ *)

„Оже ли кто вынезъ мечъ *а не тнетъ* тотъ и гривну положить.“ **).

Въ первомъ случаѣ за совершенное преступленіе Рус. Правда полагаетъ виру въ 40 и 80 гр., во второмъ за ударъ мечемъ полагается 3-хъ гр. продажа. Числовая уменьшенность наказаній за покушенія на эти преступленія довольно замѣтна: отношеніе наказаній за покушеніе на преступленіе и за самое совершеніе преступленія будетъ по первой статьѣ 4:40:80, по второй 1:3:4. Обыкновенно прежніе изслѣдователи по древне-русскому праву считали объективный элементъ преимущественнымъ, если не единственнымъ, масштабомъ виновности, а слѣдовательно и основаніемъ мѣры наказанія по Рус. Правдѣ; ***) но изслѣдованія г. Власьева и А. П. Чебышева - Дмитріева доказали полную ошибочность такого взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, внѣшній вредъ, матеріальный ущербъ, происходившій отъ преступленія, послѣ всего сказаннаго Рус. Правдой о субъективномъ элементѣ, теряютъ всякое значеніе и не остается никакого повода думать, что Правда при мѣрѣ наказаній основывалась на объективномъ элементѣ. Напротивъ, постановляя слишкомъ подробно о субъективномъ элементѣ, она за исключеніемъ приведенныхъ статей, ничего не говоритъ объ объективномъ, о которомъ слѣдовательно нечего и распространяться много.

Что касается расположенія преступленій по степени ихъ

---

*) XCIX.

**) C.

***) *Эверсъ*. Древ. рус. право въ истор. раскрытіи, 1835 г. 345 стр. *Рейцъ*. Опытъ истор. рос. госуд. и гражд. закон 1836, 190. *Ратовскій* о покушеніи на прест. 1841, 81. *Поповъ*—о Рус. Правдѣ въ отнош. къ угол. праву 1841, 37, 38 и проч. *Деппъ*—о наказ., существов. въ Россіи до Алексѣя Михаилов. 1849, 47 и др. *Богдановскій*—разв. понят. о прест. и нак. въ рус. пр. до Петра Великаго, 1857, 97, 98. *Ланге*—изслѣд. объ угол. пр. 1860 г. 266 стр. *Колосовскій* СС. Арх. истор. 1859 г. 3 кн.

тяжести, а слѣдовательно и по величинѣ наказанія, то по Рус. Правдѣ они стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

A. 1) разбой, или убійство безъ свады, 2) поджогъ, 3) конокрадство *), за нихъ потокъ и разграбленіе.

B. 1) побѣгъ закупа отъ хозяина, 2) воровство, совершенное закупомъ=рабство. **)

C. 1) убійство свободнаго = вира, 2) изувѣченіе = полувира. ***)

D. 1) убійство несвободныхъ и связаннаго вора, 2) нападеніе на здоровье, 3) нападеніе на свободу, 4) злонамѣренное истребленіе и поврежденіе чужаго имущества, уводъ рабовъ, 5) утайка, 6) воровство; ****) за эти преступленія назначалась продажа.

Изъ сказаннаго видно:

1) Что Рус. Правда, обращая вниманіе при мѣрѣ наказаній, на объективный элементъ придавала ему менѣе значенія, чѣмъ субъективному, и

2) Что Рус. Правда допускала различіе между совершеніемъ преступленія и покушеніемъ на него, наказывая первое строже втораго. †)

Легальный элементъ мѣры наказанія по Русской Правдѣ.

Гораздо многосложнѣе и разнообразнѣе третій элементъ мѣры наказанія—легальный, измѣняемый законодательствомъ и отъ него зависящій въ своей сущности и бытіи, противуположно двумъ первымъ, неизмѣнно сохраняющимъ свой

---

*) 1) LXXI, 2) LXXIII. 3) LXXII.

**) 1) XXI, 2) XVII.

***) 1) LXXIV, LXXVI—LXXVIII, LXXIX. 2) XCII.

****) 1) LXXIV, LXXV, LXXXII, 2) XCIII, XCVI, CXXXI, CXXXII, CXXXIII, IV, — V; XCVII—XCIX; 3) XX, 4) CI—CVII, 5) CXXIII, 6) CXXIX, VIII, CVII, CXIV, LXXII, LXXXIV, XLII.

†) XCIX, C.

присущій имъ характеръ, обусловливаемый природою самаго преступленія. *)

1. Способъ совершенія преступленія.

Между видами преступленія убійства въ Рус. Правдѣ, главнымъ образомъ, различалось убійство въ свадѣ и убійство безъ свады, безъ ссоры, или драки. Къ разряду убійства въ свадѣ слѣдуетъ отнести слѣдующій случай: „аже ударитъ мечемъ, а не утнеть на смерть, то 3 гр., потнеть ли на смерть, то вира;" **) слѣдуетъ отнести сюда и не дозволенное убійство связаннаго татя. Нельзя не согласиться также съ г. Ланге въ томъ, что Рус. Правда исключала изъ числа преступленій, подлежащихъ наказанію, убійства, совершенныя безъ свады, но въ тоже время и не въ свадѣ, т.-е. убійства, совершенныя случайно, вира же взыскивалась только за убійство въ свадѣ. Такъ Рус. Правда узаконяетъ: „Будеть ли сталъ на разбои безъ всякой свады, то за разбойника люди не платять, не выдадять и всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и разграбленіе." ***) „Оже будеть оубилъ или въ *свадѣ* или въ пиру *явлено*, то тако ему платити по вервинынъ." ****)

Принявши только способъ севершенія преступленія, въ свадѣ и безъ свады, за основаніе различія наказаній личныхъ преступленій, мы можемъ справедливо уяснить различныя, кажущіяся несообразности Рус. Правды. Представимъ эти несообразности при назначеніи наказанія за раны

---

*) Подъ *легальнымъ* элементомъ мѣры наказанія, какъ я уже замѣтилъ, я разумѣю всѣ тѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на увеличеніе и уменьшеніе наказанія и не входятъ въ субъект. и объектив. элементы преступленія, хотя отчасти можетъ быть и опредѣляются имъ. Я главнымъ образомъ стараюсь показать въ этомъ очеркѣ, какія основанія наказанія существовали по Рус. Правдѣ, а потому и не отдѣляя различныя причины, вліяющія на наказанія, скучиваю ихъ въ одно подъ названіемъ легальнаго элемента.

**) XCIX.

***) 5 ст. тр. сп.

****) 4 ст. тр. сп.

и увѣчья и посмотримъ дѣйствительно ли онѣ такъ непонятны и не ясны какъ кажутся? Русская Правда назначаетъ:

a) за выбитіе зуба 12 гр. продажи;

b) за вырваніе уса 12 гр. пр.,

c) за ударъ различными предметами 12 гр. пр.,

d) за отсѣченіе пальца 3 гр. пр.,

e) за раны и побои съ знаками 3 гр. пр.,

f) за толчки къ себѣ и отъ себя 3 гр. продажи. *)

Несоотвѣтственность наказаній съ преступленіями такъ бросается въ глаза, что и каждый можетъ замѣтить, и дѣйствительно всѣ почти изслѣдователи сознавали это, но не рѣшали вопроса, по большей части держась взгляда Эверса который, объясняя эту несообразность наказаній по Рус. Правдѣ полагалъ, что ударъ палкою наносилъ безславіе и позоръ обиженному, но ударъ мечемъ не наносилъ такого безславія, потому-то ударъ палкою наказывался строже удара мечемъ. Точно также, т.-е. довольно странно, объясняли наказаніе за вырваніе уса или бороды; полагали, что эти дѣйствія считались болѣе оскорбительными, потому что усъ и борода считались болѣе драгоцѣнною принадлежностью человѣка въ то время. Но не рыцарскимъ понятіемъ о чести того времени, не драгоцѣнностью усовъ и бороды объясняется несоотвѣтственность сказанныхъ наказаній. Отчего же, спрашивается, убійство отъ удара палкою и отъ удара мечемъ оплачивалось одинаковою пенею? Отчего отсѣченіе пальца наказывалось легче удара невынутымъ мечемъ и т. д.? Выше было замѣчено, что Рус. Правда, при назначеніи наказанія смотрѣла болѣе на субъективную сторону преступленія, на завѣдомость, умышленность. При наказаніи убійства Рус. Правда различала два случая: совершенно ли оно въ свадѣ, или безъ всякой свады. Слово *свада* означаетъ вообще ссору или драку; съ этимъ значеніемъ оно буквально сохранилось въ польскомъ языкѣ — zwada; въ этомъ же значеніи слово свада употребляется въ поученіи

---

*) a) CXXXV, b) CXXXIV, c) XCVII, XCVIII, d) XCIII, e) CXXXI, CXXXII, f) CXXXIII.

Луки Жидяты, современника Ярослава I. *) И такъ, по Рус. Правдѣ, было различіе убійства въ ссорѣ и безъ ссоры.

Первое наказывалось вирою, второе—потокомъ и разграбленіемъ, гораздо высшимъ наказаніемъ; стало быть это преступленіе было гораздо тяжелѣе перваго, т.-е. оно не только было завѣдомое, но даже и злонамѣренное. Это важное различіе въ наказаніяхъ, по способу совершенія преступленія убійства, не могло не выразиться и въ другихъ наказаніяхъ за прочія личныя оскорбленія. И дѣйствительно, изъ постановленій Рус. Правды извѣстно, что за убійство въ свадѣ виновный платилъ виру. Такимъ образомъ статья о мечѣ: „Аже ли ударить мечемъ, а не утнеть на смерть то 3 гр. продажи, а самому гривна за рану аже лечебное есть, а потьнеть ли на смерть то вира;“ **) эта статья говоритъ про ударъ мечемъ, вслѣдствіе свады, ссоры; тогда какъ если бы ударъ былъ не въ свадѣ, то виновный платилъ бы 12 грив., а если бы и причинилъ смерть, то подлежалъ потоку и разграбленію. Слово свада означало ссору, драку, одно съ этимъ значеніемъ имѣло древне-русское слово свара—ссора. Въ печатной Кормчей читаемъ:

О ударившемъ въ бою ближняго своего:

„Аще сваритася два мужа и ударить единъ другаго каменемъ, или плетью и не умреть, но ляжетъ на одрѣ и аще вставъ и походить о жезлѣ безъ вины его ударивый есть, точію за празньство его и цѣлбу (на излѣченіе) да вдастъ.“ ***)

Въ Рус. Правдѣ:

„Оже придеть кръвавъ мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, нъ платити ему продажю 3 гр.; аще ли не будеть на немь знаменія; то привести ему видокъ слово противъ слова, а кто будеть началъ тому платити 60 кунъ; аще же и кръвавъ придеть или будеть самъ почалъ а выступятъ послухи, то то ему за платежь, оже и били. ****)

*) Рус. достопамятности 18 ст. Въ договорной грамотѣ между Полоцкомъ и Ригою употребляется слово завада вмѣсто свады: „Ажь будеть которая *обида*, или *завада* межи кимъ на обѣ стороны.“ А. А. Э. 1, № 16.

**) XCIX.

***) Изслѣд. Калачова о Кормчей 141.

****) CXXXIII.

Сюда же слѣдуетъ отнести и вышеприведенную статью XCIX. Едвали можно думать, что Рус. Правда заимствовала приведенныя статьи изъ положеній Кормчей, но вѣроятно также, что на узаконенія Рус. Правды о преступленіяхъ, совершенныхъ въ свадѣ и безъ свады, болѣе или менѣе вліяли положенія Кормчей.

Во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ говорится про побои, удары и раны, нанесенныя въ сварѣ, свадѣ, т.-е. ссорѣ или дракѣ.

Въ Троицкомъ спискѣ Рус. Правды эти статьи даже расположены по систематическому порядку. Первоначально идутъ статьи, полагавшія наказаніемъ 12 гр. продажу за преступленія, совершенныя безъ всякой свады (18,19,20,21) потомъ идутъ наказанія 3 гр. продажею преступленій, совершенныхъ въ свадѣ (22,23,24). Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію статей Рус. Правды о нанесеніи ударовъ, побоевъ и ранъ безъ свады: „Аже ли кто кого ударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснью то 12 гр. *не трьпя ли противу тому* ударить того мечемь то вину ему въ томъ нѣтуть.“ *) Съ перваго взгляда легко замѣтить здѣсь, что виновный только тогда платилъ 12 гр., когда обиженный не вступалъ съ нимъ въ драку, когда между ними не было свады, т.-е. когда нападеніе было не вызваннымъ, но умышленнымъ, или даже злонамѣреннымъ и потому облагалась по количеству высшею продажею чѣмъ нападеніе въ дракѣ, нападеніе вызванное и часто не умышленное, не только злонамѣренное. Сюда же должно отнести случай удара невынутымъ мечемъ, какъ нападеніе безъ свады.

Изъ всего сказаннаго о различіи личныхъ преступленій въ свадѣ и безъ свады совершенныхъ, получается слѣдующій выводъ. Рус. Правда назначаетъ: за преступленія личныя, совершенныя:

---

*) XCVIII.

безъ всякой свады;	*въ свадѣ;*
a) за убійство—потокъ;	вира
b) за побои, удары и раны—12 гр.;	3 гр.

Такимъ образомъ при нанесеніи личныхъ оскорбленій Рус. Правда устанавливала различіе между ними, смотря потому было ли совершено преступленіе въ свадѣ или безъ свады и на этомъ основаніи Рус. Правда устанавливала неодинаковую мѣру наказанія для тѣхъ и другихъ: первыя наказывались легче вторыхъ, потому что образъ совершенія преступленія безъ свады указывалъ на большую умышленность, или даже злонамѣренность преступника, что въ глазахъ Рус. Правды, придававшей замѣтное значеніе субъективному элементу преступленія, значительно возвышало наказаніе. *) Способъ совершенія преступленія, какъ основаніе различія наказаній личныхъ преступленій, находился въ полномъ соотвѣтствіи съ взглядомъ Рус. Правды на субъективный элементъ; онъ находился въ соотвѣтствіи съ взглядомъ и послѣдующаго законодательства. **) По этому нѣтъ никакого повода думать, чтобы это основаніе не было обычнымъ, исконно-русскимъ. У простаго народа и въ настоящее время различныя оскорбленія, совершенныя въ дракѣ или ссорѣ, считаются болѣе извинительными, чѣмъ нанесенныя безъ ссоры или драки — злоумышленно, а на судѣ часто приходится слышать отъ преступника, въ видѣ оправданія, что обиженный имъ „самъ началъ ссору." ***)

2. Слѣды причиненнаго оскорбленія.

Рядомъ съ основаніемъ наказуемости личныхъ преступ-

---

*) Вопросъ о нанесеніи ранъ и побоевъ въ свадѣ и безъ свады разсмотрѣнъ у г. Ланге очень подробно и обстоятельно. См. его изслѣдованія 155 и др. стр.

**) Уложеніе 1649.

***) Аналогичное узаконеніе съ статьями Р. П. представляетъ законодательство Черногоріи, въ которомъ при нанесеніи ранъ различаются точно также два случая: совершено ли преступленіе въ ссорѣ или безъ ссоры; въ послѣднемъ случаѣ полагается двойная пеня. Такое же разли-

леній, по способу ихъ совершенія, Рус. Правда устанавливала и другое основаніе—слѣды причиненнаго оскорбленія. Это видно изъ извѣстной статьи Рус. Правды о кровавомъ мужѣ: „Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ или *синь*, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны; *аще ли не будеть на немь знаменія*, то привести ему видокъ: слово противу слова, а кто будеть почалъ тому платити 60 кунъ, аче же и кровавъ придетъ іли будетъ самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежъ, оже и били.“ *) Здѣсь узаконяется, что если не было слѣдовъ причиненнаго оскорбленія, „знаменія“ своей обиды у обиженнаго, то необходимы были видоки, которые бы могли засвивѣтельствовать право обиженнаго на полученіе матеріальнаго удовлетворенія. Имѣя же знаки полученной обиды, обиженный, конечно могъ и безъ свидѣтельства видоковъ, основываясь на этихъ знакахъ получить удовлетвореніе, но отвѣтчикъ и его послухи тоже могли опровергнуть это доказательство, объявивши напр., что обиженный самъ началъ драку, какъ въ приведенной статьѣ, въ которой, такимъ образомъ, какъ видно, говорилось о нанесеніи побоевъ въ свадѣ. И такъ, если у обиженнаго отъ побоевъ было „знаменіе“, то преступникъ платилъ 3 гр.; если же не было знаменія, то привести ему (обиженному) видокъ, а кто будеть началъ (ссору, драку) тому платити 60 кунъ.“ Но въ статьѣ Рус. Правды о толчкахъ назначается тоже 3 гр. за нанесеніе побоевъ безъ „знаменія:“ Аче попъхнеть мужь мужа, любо къ собѣ, ли отъ собе, любоналицею оударить, или жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи.“ **) Изъ смысла этой статьи нельзя не видѣть, что здѣсь идетъ дѣло о нанесеніи побоевъ безъ всякой свады, но мы уже видѣли, что за побои безъ всякой

чіе наказаній за преступленія, совершенныя въ ссорѣ и безъ ссоры, замѣчается и въ древне-Сербскомъ правѣ (§ 87 и 88 зак. царя Душана (Путешествію въ Черногорію *А. Попова*. 146 и 284 стр.

*) CXXXII.

**) CXXXIII.

свады назначалась 12 гр. продажа. Уменьшеніе же пени здѣсь допускалось потому, что побои были нанесены безъ знаменія, не оставили слѣдовъ послѣ себя, тогда какъ 12 гр. продажа назначалась за побои безъ всякой свады, оставившіе по себѣ слѣды, что ясно выражается въ статьяхъ Рус. Правды „о бородѣ" и „о зубѣ:" „А кто порветь бородоу, а въньметь знаменіе, а вылѣзуть людие, то 12 гр. продажѣ; аже безъ людии, а въ поклепѣ, то нѣту продажѣ;" „аже выбьють зубъ, а кровь видять оунего во ртѣ, а людье вылѣзуть, то 12 гр. продажѣ; а за зубъ гривна."

Соединяя все сказанное получимъ: за преступленіе въ свадѣ и безъ свады.

За побои со слѣдами 3 гр.	12 гр.
Если не было слѣдовъ 60 кунъ . . .	3 гр.

2. Участіе въ преступленіи и прикосновенность къ нему.

Въ Рус. Правдѣ немного находится статей, которыя относились бы къ вопросу объ участіи въ преступленіи и прикосновенности къ нему, но изъ этихъ немногихъ все-таки можно вывести общій взглядъ Рус. Правды на наказуемость участія въ преступленіи и прикосновенности къ нему. Сюда относятся, именно слѣдующія положенія: „Аже (ли) (у) крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ, или клѣть, то оже будеть одинъ, то платити 3 гр. и 30 кунъ; а будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гр. и по 30 кунъ платити". *) Аже ли крадеть гумьно, или жито въ ямѣ, то колико ихъ будеть крало, то всѣмъ по 3 гр. и по 30 кунъ." **) „Аже ли кто украдеть скотъ на поли, или овци, или козы, или свинье, то 60 кунъ; а будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ." ***)

---

*) CVIII.
**) CIX
***) XC.

Во всѣхъ трехъ, приведенныхъ статьяхъ говорится про участниковъ преступленія, которые не отличались по Р. Правдѣ отъ главныхъ виновниковъ и несли одинаковое наказаніе съ ними, что ясно высказывается первою статьею, по которой каждый изъ участниковъ преступленія платилъ столько же пени, сколько бы платилъ, если бы и одинъ совершилъ такое же преступленіе. Такимъ образомъ Р. Правда въ преступномъ соучастіи нѣсколькихъ преступниковъ не различала главныхъ виновниковъ отъ участниковъ; чѣмъ же спрашивается руководилось законодательство, уравновѣшивая мѣру наказанія всѣхъ безъ различія соучастниковъ преступленія? Нѣкоторые изслѣдователи по исторіи нашего уголовнаго права видятъ причину этого въ томъ, что древнее право назначало наказаніе по мѣрѣ внѣшняго вреда, причиненнаго преступленіемъ *). Но это мнѣніе ошибочно и не имѣетъ за себя никакихъ доказательствъ. Если бы мѣра наказанія дѣйствительно зависѣла отъ количества внѣшняго вреда, то Р. Правда не могла бы назначать одинаковую продажу за татьбу, какъ одному непосредственно преступнику, совершившему ее, такъ и каждому изъ соучастниковъ, если татьба совершалась совокупными силами нѣсколькихъ лицъ. Р. Правда подробно бы опредѣлила количество продажи по количеству украденныхъ предметовъ, по количеству внѣшняго вреда, совершеннаго каждымъ изъ преступниковъ, а между тѣмъ въ положеніяхъ Р. Правды не встрѣчается этого. Продажа за татьбу всегда была одинакова для каждаго изъ соучастниковъ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ крали больше, другіе меньше, преступными дѣйствіями однихъ причинялся большій матеріальный вредъ, чѣмъ преступными дѣйствіями другихъ. Мы видимъ, напротивъ, что не внѣшній вредъ, не количество причиненнаго ущерба руководило

---

*) *Г. Богдановскій* полагаетъ, что „древнее право наказываетъ всѣхъ участниковъ въ преступленіи по мѣрѣ того вреда, который они совершили, необращая никакого вниманія на то, какъ кто совершилъ этотъ вредъ и на сколько онъ хотѣлъ этого. Въ этомъ духѣ разсматриваетъ Р. П. сообщество въ преступленіи“. Ист. разв. понят. 128 стр.

законодательствомъ, при установленіи одинаковой продажи со всѣхъ участниковъ преступленія. „Обратимъ вниманіе“, говоритъ г. Ланге, „на слѣдующія выраженія Р. Правды: будетъ ли клѣтный тать, то 3 гривны платити ему, аже крадетъ кто клѣть аже крадетъ гумно. Безъ сомнѣнія, вникая въ смыслъ этихъ выраженій, нельзя думать, что за всякую вещь, украденную изъ клѣти или изъ гумна назначалась особая продажа, потому что въ Правдѣ не сказано о похищеніи чего-либо изъ клѣти и гумна, т. е. допускается совокупное похищеніе всѣхъ, или нѣкоторыхъ предметовъ безъ увеличенія суммы продажъ, по числу послѣднихъ *). Совершенно раздѣляя мнѣніе г. Ланге, прибавлю только то, что какъ изъ словъ приведенныхъ статей, такъ вообще изъ выраженія Р. Правды относительно татьбы видно, что продажа взыскивалась за преступленіе самое, за татьбу, а не за предметъ татьбы; продажа взыскивалась съ участниковъ преступленія на томъ основаніи равная для всѣхъ, что въ глазахъ Р. Правды соучастіе съ преступникомъ поднимало ихъ на одинаковую степень преступности съ нимъ и имѣло своимъ послѣдствіемъ одинаковую наказуемость ихъ. Участіе въ преступленіи нѣсколькихъ лицъ высказывало ихъ согласіе относительно совершенія преступленія, выставляло ихъ, какъ людей желающихъ преступленія и находящихся въ извѣстной субъективной связи съ главнымъ виновникомъ: оттого-то Правда и назначала одну и ту же продажу каждому изъ десяти человѣкъ, укравшихъ одну овцу. Разумѣется въ этомъ случаѣ не всѣ же десять человѣкъ были виновны въ равной степени; можетъ быть одному или нѣсколькимъ принадлежалъ главный моментъ преступленія, другіе же потворствовали только дѣйствователямъ, потворствуя преступленію, они сознавали, что дѣлаютъ запрещенное, они хотѣли этого, слѣдовательно находились въ субъективной связи съ преступникомъ. На этой-то субъективной связи всѣхъ соучастниковъ и основывалась мѣра наказанія ихъ по Р. Правдѣ. Доказательствомъ этого

*) Изслѣдованіе 213 стр.

служитъ слѣдующая статья Рус. Правды: „Аже ли холопъ покрадеть кого-любо, то господину выкупати, и любо выдати и съ кымъ будетъ кралъ, а женѣ и дѣтямъ не надобе, а оже будутъ съ нимъ крали или хоронили, и то всѣхъ ихъ выдати, пакы ли а выкупаеть господинъ, аже ли будуть свободніи съ нимь крали или хоронили; то всѣ князю въ продажѣ *). Изъ словъ этой статьи видно, что рабъ, совершившій кражу одноличнo, выдавался хозяиномъ обиженному но если въ его преступленіи участвовали или скрывали его преступленіе жена и дѣти, то и ихъ хозяинъ выдавалъ обиженному, какъ и главнаго виновника. Рус. Правда такимъ образомъ уравниваетъ по наказанію не только соучастниковъ преступленія съ главнымъ виновникомъ, но и укрывателей. Все это показываетъ, что при стеченіи нѣсколькихъ виновныхъ лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи Правда установляетъ мѣру наказанія для нихъ основываясь почти исключительно на субъективномъ соотношеніи всѣхъ лицъ, принимавшихъ извѣстное участіе въ совершеніи преступленія и чѣмъ-либо содѣйствовавшихъ ему. Руководясь этимъ только соотношеніемъ она смѣшиваетъ всѣ разнообразные случаи стеченія нѣсколькихъ виновныхъ въ одномъ и томъ же преступленіи и установляетъ для нихъ одинаковую мѣру наказанія. Скрывшіе, или схоронившіе слѣды преступленія или украденную вещь, конечно, не совершали самаго преступленія, можетъ быть даже и незнали въ моментъ совершенія о немъ, но своимъ укрывательствомъ эти лица показывали, что они находятся въ соизвѣстномъ субъективномъ отношеніи къ преступленію, сочувствуютъ сдѣланному преступленію и тѣмъ самымъ какъ бы высказываютъ и свою способность совершить подобное, почему и становятся по Рус. Правдѣ также преступны, какъ и главный виновникъ **). Поэтому съ вѣроятностью можно

---

*) XLIX.

**) Аналогія съ такимъ взглядомъ Р. Правды на наказуемость участія въ преступленіи и прикосновенности къ нему видна въ древнихъ обычаяхъ запорожскихъ казаковъ, у которыхъ было правиломъ, что „если воръ кралъ да приносилъ кому-нибудь изъ казачества для сохраненія украденное, или кто вѣдая купитъ оные воровскіе пожитки, то и оному чинится такожде,

полагать, что въ наказуемости всѣхъ соучастниковъ и лицъ прикосновенныхъ къ преступленію, преступный умыселъ и знаніе перевѣшивали по Рус. Правдѣ внѣшнее дѣйствіе. Говоря о субъективномъ элементѣ преступленія, по Рус. Правдѣ, я допустилъ вліяніе положеній Кормчей на образованіе узаконеній Правды въ этомъ отношеніи. Нельзя не допустить также вліянія византійско-каноническаго права на узаконенія Рус. Правды объ участіи и прикосновенности. Чтобы объяснить это мнѣніе укажу на различіе вмѣненія по русскому и византійско-каноническому праву. Вмѣненіе, какъ извѣстно, можетъ быть или юридическимъ, или нравственнымъ: право, опредѣляющее внѣшнюю, свободную дѣятельность человѣка въ обществѣ, вмѣняетъ на этомъ основаніи ему въ преступленіе только дѣло рукъ его, нравственность, опредѣляющая внутреннюю, свободную дѣятельность человѣка, вмѣняетъ поэтому въ преступленіе и самую мысль. Отсюда то различіе, что въ юридическомъ вмѣненіи воля, мысль отвѣтственна только за свое проявленіе и cogitationis poenam nemo patitur, въ нравственномъ же вмѣненіи воля и мысль отвѣтственны за свое преступное проявленіе, хотя бы это направленіе и не выразилось въ дѣйствіи.

Уже изъ того, что византійско-каноническое право заключало въ основѣ своей смѣшеніе нравственности съ правомъ, необходимо слѣдуетъ нравственно-юридическій характеръ вмѣненія по византійско-каноническому праву, а изъ того, что православная древняя церковь, руководясь этимъ правомъ, преслѣдовала по своей обязанности исключительно религіозныя и нравственныя цѣли, необходимо слѣдовалъ, по ея взгляду, перевѣсъ нравстственнаго вмѣненія надъ юридическимъ, что и видно въ ея правѣ.

Придавая значеніе главнымъ образомъ злой волѣ, преступной мысли, это право, естественно, должно было придать второстепенное значеніе внѣшнему дѣйствію; это дѣй-

---

какъ надъ сущимъ воромъ". Чтенія общества исторіи etc.... 1847, № 6, IV, 26.

ствіе служило только видимой причиной наказанія, наказывались же, собственно говоря, преступная воля и мысль, проявившіяся въ дѣлѣ. Византійско-каноническое право, можно сказать, наказывало въ преступленіи преимущественно преступный умыселъ, смотря на внѣшнее дѣйствіе только какъ на показателя преступной мысли и воли. По этому, по византійско-каноническому праву, высказавшій свою преступную мысль въ извѣстномъ дѣлѣ, наказывался тождественно съ имѣвшимъ такую же мысль, но не высказавшимъ ее въ дѣлѣ, и главный физическій виновникъ наказывался какъ и интеллектуальный „*повелѣвый* кому *убити* нѣкоего, яко убійца осуждается" *). По этому же знающій объ извѣстномъ преступленіи, но скрывающій его также наказывался, какъ и совершившій: „*свѣдый* никоего согрѣшеніе и *скрывая* равно тому запрещеніе пріиметъ" **). Наконецъ, по этому же въ стеченіи нѣсколькихъ виновныхъ при одномъ и томъ же преступленіи, основываясь на ихъ общемъ, субъективномъ соотношеніи, византійско-каноническое право видитъ равно виновныхъ и наказываетъ ихъ всѣхъ равномѣрно: „дающія дѣтогубныя зелья, яко да уморятъ младенцы сущія во чревѣ, и *дающіи* и *вземлющіи* волею убиваютъ и яко убійца судъ пріемлютъ; такоже *хотящіи*" ***). На этомъ же основаніи, по церковному уставу Ярослава съ похитителей женщины, сколько бы ихъ не было, бралась одинаковая пеня съ каждаго: а на умычнѣцѣхъ по гривнѣ серебра Епископу" ****). Все сказанное о характерѣ вмѣненія по византійско-каноническому праву съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, какое имѣло это право въ рукахъ тогдашняго духовенства и его сильное вліяніе на весь юридическій бытъ того времени, отразившіеся и въ законодательствѣ Рус. Правды, все это даетъ право думать, что вообще перевѣсъ нравственной стороны въ вмѣненіи надъ юридической субъ-

*) Законъ Градскій, „о казнѣхъ", 39 грань, въ Православ. Собѣсѣдн. 1860 г. № 6 и 7.

**) 71 правило кормчей.

***) XXI гл., 159 стр. кормчей.

****) Уставъ Ярослава въ собраніи важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. *Утина* и *Лазаревскаго*. 1859 г., 398—406.

ективнаго элемента въ преступленіи по Рус. Правдѣ надъ объективнымъ; въ частности тотъ же перевѣсъ въ вопросѣ объ участіи и прикосновенности по Рус. Правдѣ; этотъ перевѣсъ образовался подъ вліяніемъ положеній византійско-каноническаго права выраженныхъ въ Кормчей.

Скажутъ, что это мнѣніе не совсѣмъ справедливо, что этотъ перевѣсъ субъективной стороны надъ объективной легче объяснить не вліяніемъ византійско-каноническаго права, а остаткомъ прежняго смѣшенія права съ нравственностью, существовавшимъ въ древнемъ первобытномъ обществѣ. Но если бы это было такъ, то, вѣроятно, этотъ остатокъ прежняго смѣшенія выразился бы не въ одномъ законодательствѣ Рус. Правды а и въ обычномъ правѣ послѣдующаго времени, чего совершенно нѣтъ. По византійско-каноническому праву, нравственная сторона въ вмѣненіи преобладала надъ юридической, чѣмъ и объясняется перевѣсъ субъективнаго элемента надъ объективнымъ въ преступленіи и основаніе наказуемости преимущественно на первомъ. По древне-русскому, обычному праву вмѣненіе отличалось своимъ юридическимъ характеромъ; перевѣса субъективной стороны надъ объективной не было, а слѣдовательно и наказаніе основывалось не преимущественно на субъективномъ элементѣ и даже большая или меньшая предумышленность, служа обыкновенно причиною увеличенія наказаній, не сама по себѣ увеличивала наказаніе по древне-русскому праву.

По древне-русскому, обычному праву не злоумышленность, не безнравственность служили главнымъ основаніемъ увеличенія наказанія, а преимущественно большая, или меньшая опасность отъ преступленія для общества. Въ особенности ярко высказывается это основаніе наказанія въ неугомонномъ, общественномъ преслѣдованіи и разыскиваніи мнимыхъ виновниковъ народныхъ бѣдствій: голода, мора, пожаровъ, наводненія и въ строгихъ казняхъ жертвъ подобнаго увлеченія *). Этотъ взглядъ обычнаго права, обусловливающій преступность дѣйствій ихъ вредомъ и опас-

---

*) П. С. Л. I, 75, 76; Ibid. III, 44; IV, 122 стр.

ностью для цѣлаго общества, чисто практическими соображеніями, проглядываетъ и въ законодательствѣ Рус. Правды, въ установленіи самыхъ высшихъ наказаній, выдачи на потокъ и разграбленіе за поджогъ и конокрадство. Рядомъ съ общественнымъ значеніемъ, съ общественной оцѣнкой самаго преступленія въ обычномъ правѣ и его наказаніемъ по этому основанію, существовала основаніемъ наказанія и оцѣнка самой личности преступника, что видно также въ законодательствѣ Рус. Правды. Такъ древне-русская община, вервь, по Рус. Правдѣ, основываясь на этой общественной оцѣнкѣ личности преступника, или платила за своего члена, совершившаго убійство, сообща общинную виру, когда онъ по взгляду общества заслуживалъ такой помощи, или заставляла его самаго заплатить личную виру безъ участія общины, когда преступникъ, по ея воззрѣнію, не заслуживалъ такого участія, или же, наконецъ община могла выдать и своего члена убійцу на судъ князя, какъ выдавали конокрадовъ и поджигателей. Эти общественныя оцѣнки и самаго преступленія и лица преступника составляютъ два главныя основанія мѣры наказаній по древне-русскому, обычному праву. Истинное понятіе о вмѣненіи существовало; но большая, или меньшая умышленность, злонамѣренность, или безнравственность преступныхъ дѣйствій влекла увеличеніе наказаній ни вслѣдствіе перевѣса субъективнаго элемента въ понятіи преступленія, ни вслѣдствіе перевѣса нравственной стороны въ понятіи вмѣненія, а потому что всѣ эти различныя проявленія преступной воли и мысли служили явнымъ указателемъ наибольшей опасности и вреда отъ преступленія для общества, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на большую испорченность самаго преступника. Вотъ почему общественно-практическое значеніе преступленія, съ которымъ оно является въ обычномъ правѣ заставляетъ законодательство эпохи судебниковъ разбой, татьбу и душегубство, какъ наиболѣе опасныя для общества преступленія, выдѣлить изъ ряда другихъ и установить для нихъ самыя высшія наказанія. Вотъ почему также общественное мнѣніе о личности преступника было такъ живуче въ обычно-русскомъ правѣ, что призна-

валось законодательствомъ судебниковъ, по которымъ одобреніе или облихованіе преступника цѣлымъ обществомъ имѣло важное значеніе при опредѣленіи наказаній *).

Такимъ образомъ, не видя перевѣса субъективнаго элемента надъ объективнымъ и нравственнаго вмѣненія надъ юридическимъ въ обычно-русскомъ правѣ, этотъ перевѣсъ, допускаемый Рус. Правдой, можно справедливо объяснить вліяніемъ положеній византійско-каноническаго права, слѣды котораго очень замѣтны въ Рус. Правдѣ.

Разсматривая наказуемость соучастниковъ и лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію, по Рус. Правдѣ, нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующую статью: „Будеть ли сталъ на разбой безъ всякая свады, то за разбойника людье не плотять, но выдадять его всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбленіе“ **). Въ этой статьѣ съ перваго взгляда поражаетъ то обстоятельство, что наказывается не одинъ разбойникъ, „ставшій на разбои безъ всякой свады“, но наказываются также его жена и дѣти. Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ это тѣмъ, что въ первичныхъ обществахъ каждый членъ семейства считался составной единицей цѣлаго; „а потому то“, говоритъ Богдановскій, „и раздѣляетъ онъ во всѣхъ случаяхъ судьбу своего семьевладыки, въ которомъ воплощается понятіе семьи. Таково положеніе жены и дѣтей въ неразвитомъ юридическомъ быту. Жена и дѣти, находясь въ нераздѣльномъ единеніи и совершеннѣйшемъ подчиненіи мужу, отцу, дѣлили его судьбу, какъ въ случаѣ гражданской несостоятельности, такъ и въ случаѣ адказанія ***). Со взглядомъ г. Богдановскаго сходится и г. напге: „слѣдованіе въ ссылку“, говоритъ онъ, „женъ за Лужьями и дѣтей за отцемъ должно считать не осужденіемъ мля нихъ, а необходимымъ послѣдствіемъ неразрывности брачнаго союза и семейной жизни“ ****). Но съ мнѣніемъ

*) Суд. 1497 „о татбѣ“, „о поличномъ“, „о татѣхъ“; Суд. 1550 г. 57, 58 и др. А. А. Э. I, № 281, 187, 192 и проч.

**) 5 ст. сп. Оболенскаго и 5 ст. троиц.

***) Истор. разв. понятій о преступ. и наказ. 50 стр.

****) Изслѣдованіе объ угол. пр. Р. П. 126 стр.

этихъ изслѣдователей нельзя вполнѣ согласиться. При разсмотрѣніи значенія потока, я замѣтилъ, что это наказаніе назначалось по Рус. Правдѣ въ трехъ случаяхъ: за поджогъ, конокрадство и разбой, или убійство безъ всякой свады. Но изъ всѣхъ этихъ случаевъ только при одномъ говорится о наказаніи потокомъ не только непосредственно виновнаго, но его жены и дѣтей, да и то не во всѣхъ спискахъ, такъ напр. въ приведенномъ спискѣ Оболенскаго разбой безъ свады наказывается только разграбленіемъ имущества, какъ самого преступника, такъ его жены и дѣтей. Такимъ образомъ, если бы мнѣнія г. Богдановскаго и г. Ланге были вполнѣ справедливыми, что потокъ и разграбленіе жены и дѣтей не имѣлъ, по Рус. Правдѣ характера наказанія, то объ этомъ бы Рус. Правда постаралась выразиться яснѣе. Кажется всего лучше при разрѣшеніи вопроса былъ ли потокъ съ разграбленіемъ жены и дѣтей наказаніемъ или нѣтъ—имѣть въ виду время появленія этой статьи. Могутъ существовать, именно, два предположенія: или эта статья Рус. Правды, древне-русскій языческій обычай, безъ вліянія христіанства, или же эта статья обычай, или узаконеніе первыхъ князей, съ отраженіемъ вліянія христіанства.

Въ первомъ случаѣ когда:

„Въ чистомъ полѣ женилися,
„Вкругъ ракитова куста вѣнчалися" *)

Нѣтъ никакого основанія заключать по одной статьѣ объ общемъ правилѣ, господствовавшемъ во времена Рус. Правды, наказывать не одного виновнаго преступника, но и невиныхъ его семейныхъ. Изъ другихъ статей Рус. Правды слѣдуетъ, что она наказывала семейныхъ только тогда, когда они завѣдомо участвовали въ преступленіи, или скрывали слѣды его; только тогда жена и дѣти раба выдавались обиженному, когда они сами участвовали въ преступленіи, или скрывали слѣды его: „Аже холопъ крадетъ кого-любо,

---

*) *Сахаровъ.* Сказ. Русскаго народа. I, кн. III, 45 стр.

то господину выкупати и любо выдати и съ кимъ будеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ, но оже будуть съ нимъ крала и хоронили, то всѣхъ выдати" *). Точно также, если кража совершена была свободнымъ и его семейными, то въ такомъ случаѣ, самъ преступникъ, его жена и дѣти облагались продажею; если же только одинъ глава семейства совершалъ преступленія, безъ участія помощи семейныхъ, то „женѣ и дѣтемъ не надобѣ", они не наказывались. Беря во вниманіе эту статью можно полагать, что въ наказаніи цѣлаго семейства потокомъ и разграбленіемъ скрывается таже мысль, какая ясно выказана въ приведенныхъ статьяхъ, т. е. что Рус. Правда наказывала и въ этомъ случаѣ только виновныхъ семейныхъ. Въ языческомъ быту, при свободѣ брачныхъ заключеній и разводовъ, члены семейства не раздѣляли во всѣхъ случаяхъ судьбу своего семьевладыки, въ особенности при совершеніи имъ преступленія не раздѣляли его наказанія, потому что каждый изъ членовъ семейства отвѣчалъ только за свое дѣйствіе. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить извѣстная статья договоровъ съ греками, узаконяющая, что за убійство, совершенное мужемъ, жена его не только не отвѣчаетъ, но даже, если убійца скроется, оставивъ имущество, часть этаго имущества отходитъ по закону къ женѣ его **). Замѣтимъ здѣсь также, что если бы въ древне-русскомъ юридическомъ быту семейные, какъ члены неразрывнаго союза, потому самому, раздѣляли наказаніе, падающее на ихъ семьевладыку, то, вѣроятно, что законодательство Рус. Правды, или обычное право, признавая родственную месть, признали бы на этомъ основаніи право мести не только непосредственно преступнику, но и его семейнымъ, по крайней мѣрѣ хоть тогда, когда не было на лицо преступника. Но этого нѣтъ ни въ законодательствѣ, ни въ обычномъ правѣ и месть, по древне-рускому праву, падала только на самаго преступника, а за небытіемъ его совершенно прекращалась ***). По этому,

*) 115 тр. сп.

**) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по ист. древ. русскаго права. *Утина* и *Лазаревскаго* 1859, 1, 2 и др. стр.

***) Первыя статьи Р. Пр. и догов. съ греками.

если принять разсматриваемую статью, по происхожденію, относящейся къ языческому времени, то потокъ и разграбленіе семейныхъ за преступленіе семьевладыки объяснится не неразрывностью брачнаго союза, а преступнымъ соучастіемъ членовъ семейства съ главнымъ виновникомъ—главой семейства. Но выше уже было замѣчено, что это уравненіе по наказанію соучастниковъ и укрывателей съ главнымъ виновникомъ есть послѣдствіе вліянія положеній византійско-каноническаго права на наше древнее законодательство; такимъ образомъ и уравненіе по наказанію соучастниковъ и укрывателей изъ членовъ семейства съ главнымъ виновникомъ, членомъ того же семейства, объясняется вліяніемъ византійско-каноническаго права, а слѣдовательно и всѣ статьи, говорящія объ этомъ, не есть чисто языческіе обычаи или узаконенія. Что же касается до разсматриваемой статьи „за разбоиника людье не платять, но выдадять его всего съ женою и съ дѣтми (на потокъ и) на разграбленіе *); то хотя въ ней нѣтъ и рѣчи про соучастіе, или укрывательство членовъ семейства, оказываемое главному виновнику, главѣ семейства, а потому трудно предполагать въ ней вліяніе византійско-каноническаго права, тѣмъ не менѣе я не считаю ее за чисто языческой обычай или узаконеніе.

Вслѣдъ за введеніемъ христіанства въ языческой Руси, древне-русское духовенство вооружилось противъ множества существовавшихъ языческихъ обрядовъ и между прочимъ противъ многоженства и свободнаго развода между супругами. Бракъ разсматривался въ православной церкви, какъ тѣсное, неразрывное единеніе между мужемъ и женою на всю жизнь; вотъ почему за самовольное многоженство, двоеженство, или самовольный разводъ взыскивалось духовенствомъ довольно строго: „Аже двѣ жены кто водить“, говоритъ церковный уставъ Ярослава, „Епископу 40 гривенъ, а которая подлегла (послѣдняя) ту поняти въ домъ церков-

---

*) 5 ст. Оболенскаго и 5 троиц. сп.

ный, а первую держати по закону, а иметь лихо водити ю, (дурно обходиться съ ней) казнью казнить его".

„Аже мужъ оженится, со старою не распустився, мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный поняти, а со старою жити".

„Аже мужъ съ женою по своей волѣ распутиться, Епископу 12 гривенъ".

„Аже женѣ лихій недугъ болитъ, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ея не пустити (не разводиться съ ней) тако и женѣ не лзѣ пустити мужа" *). Такимъ образомъ, на основанія всего сказаннаго нельзя не полагать, что невинныя дѣти и жена мужа преступника, если и раздѣляли его наказаніе потокомъ и разграбленіемъ, то это единственно по христіанско-церковной идеѣ о нерасторжимости брачнаго союза, которая нарушена была бы допущеніемъ чисто личнаго наказанія потокомъ, потому что за высылкой изъ извѣстной мѣстности преступника, оставались бы въ этой мѣстности врозь отъ него, его жена и дѣти. Въ послѣдующемъ законодательствѣ, на томъ же основаніи нерасторжимости брачнаго союза вмѣстѣ съ мужемъ, осуждаемымъ въ ссылку, ссылались его жена и дѣти **). Изъ всего этого слѣдуетъ, что разсматриваемая статья о выдачѣ разбойника съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе, въ томъ видѣ какъ она существуетъ въ Рус. Правдѣ, не есть древне-русскій языческій обычай или узаконеніе, а носитъ слѣды, если не позднѣйшаго составленія, такъ вліянія византійско-каноническаго права.

Къ узаконеніямъ Рус. Правды о наказуемости укрывателей преступниковъ и слѣдовъ преступленія относится и тотъ случай, что укрыватель бѣглаго холопа, зная и вѣдая, что онъ бѣглый, платилъ рабовладѣльцу за укрывательство раба 5 и 6 грив., то есть столько же, сколько бы платилъ и за уводъ раба или его похищеніе ***).

---

*) Собраніе важнѣйш. памят. по ист. Рус. права; 398—406 стр.

**) Пол. Соб. Зак. I, № 552, 772.

***) LII.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что Рус. Правда въ наказаніи стеченія нѣсколькихъ преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи (concursus delinquentium) уравниваетъ соучастникокъ (socii delicti) и укрывателей съ главнымъ виновникомъ, руководясь при этомъ преимущественно субъективнымъ элементомъ преступленія, какъ всѣмъ имъ общимъ, что объясняется вліяніемъ положеній византійско-каноническаго права на узаконенія Рус. Правды объ участіи въ преступленіи и прикосновенности къ нему.

4. Общественное положеніе потерпѣвшаго правонарушеніе и правонарушителя.

Древнѣйшіе наши историческіе источники не даютъ ни какого повода думать, чтобы до призванія князей у славянъ существовали какіе-либо привиллегированные классы или группы лицъ, пользующіеся особыми преимуществами. Вся масса народа того времени дѣлилась на свободныхъ и рабовъ; дальнѣйшихъ разграниченій не было и каждый свободный былъ столько же полноправенъ, какъ и всякій другой. Если же мы и встрѣчаемъ названіе „лучшихъ людей", существовавшихъ въ то время, то эти лучшіе люди не имѣли никакихъ формальныхъ привиллегій, за исключеніемъ одного нравственнаго авторитета, который единственно выдвигалъ ихъ изъ массы и придавалъ имъ особое, общественное значеніе. Съ призваніемъ князей является вмѣстѣ съ ними и ихъ дружина. Лица, составлявшія дружину князя, его дворъ и ополченіе, стали занимать высшія государственныя должности, являясь органами проявленія княжеской власти въ различныхъ отрасляхъ юстиціи и администраціи. Поэтому посамому они стали выше свободныхъ въ общественномъ положеніи и стали пользоваться высшими правами относительно ихъ и въ судебно уголовномъ отношеніи. Основаніемъ высшаго наказанія стало теперь привиллигированное положеніе дружинниковъ. Если пострадавшій отъ преступленія былъ не только свободенъ, но и дружинникъ, за нарушеніе его

права, мѣра наказанія возвышалась до maximum, если пострадавшій былъ не свободный de jure рабъ, или de facto-закупъ, за нарушеніе его права мѣра наказанія понижалась до minimum; между этими нарушеніями среднее мѣсто занимали нарушенія правъ лицъ свободныхъ, за которыя назначалось и среднее наказаніе.

Такимъ образомъ наказанія располагались въ слѣдующемъ порядкѣ:

Преступленія противъ

Лицъ	*привиллегированныхъ*;	свободныхъ;	несвободныхъ.
Убійство	80 гр. вира	40 гр. в.	12 гр.
Насиліе и мука	12 гр. пр.	3 гр. „	— „
Кража княж. пеня	3 гр. пр.	2 гр. „	2 гр.
Уничтоженіе княж. борти	3 гр. пр.	2 гр. „	„ „

И такъ установленіемъ въ законодательствѣ Рус. Правды основаніемъ мѣры наказаній общественнаго положенія, потерпѣвшаго нарушеніе должно по всей справедливости признать вліяніе призванія князей.

Въ позднѣйшихъ редакціяхъ Рус. Правды и послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ это основаніе при опредѣленіи мѣры наказаній обобщается. Такъ Рус. Правда узаконяетъ при опредѣленіи мѣры наказанія: „разсудити по мужи смотря“; „платити ему продажа за безчестье *каковъ* будетъ“; „Аже будеть болярин, или людинъ или варягъ крещенья не имѣя, то *по ихъ пути платити безчестіе*“ *).

Вѣроятно, что такое обобщеніе и усиленіе вліянія общественнаго положенія потерпѣвшаго нарушеніе на мѣру наказанія произошло отъ вліянія византійско-каноническаго права на наше законодательство. Византійскій Номоканонъ строго держался различій въ наказаніяхъ, смотря по общественному положенію пострадавшаго. Церковный уставъ Ярослава, узаконяя различныя наказанія за безчестье, также принимаетъ это основаніе и повышаетъ наказаніе по мѣрѣ важности общественнаго положенія потерпѣвшаго правона-

*) LXXIV, CXXXII, CXXXIII.

рушеніе *). Что касается до приведенныхъ статей Правды, то здѣсь послѣдняя статья, говорящая о крещеніи, ясно указываетъ на вліяніе византійско-каноническаго права.

Большое вліяніе на наказуемость преступленій имѣло также общественное положеніе преступника, но это основаніе не обобщалось Рус. Правдою и допускалось только одно различіе между свободными и не свободными преступниками. Первоначально, по ограниченіи самоуправства, когда законодательство: „отложиша убіеніе за голову" свободныхъ и „уставиша на куны", и въ отношеніи несвободныхъ полный самосудъ былъ запрещенъ и за преступленія рабовъ была установлена или выдача его оскорбленному, или уплата денежной пени. Но эти наказанія несвободныхъ не имѣли, собственно говоря, характера наказаній, потому что они падали на раба не непосредственно, а чрезъ его владѣльца. Тогда какъ преступникъ изъ свободныхъ самъ непосредственно отвѣчалъ за свое преступленіе и также непосредственно подвергался наказанію, за преступленія не свободныхъ отвѣчалъ ихъ владѣлецъ, который могъ или уплатить за преступленіе своего раба извѣстную пеню, или выдать его оскорбленному имъ. Вообще рабы въ древне-русскомъ правѣ, неимѣя рѣшительно никакихъ правъ, всецѣло принадлежали своему хозяину: имущество раба, трудъ его, жизнь,—все это принадлежало первоначально его хозяину и самъ рабъ разсматривался какъ составная часть имущества рабовладѣльца. При такомъ положеніи раба, когда онъ разсматривался какъ собственность, всякое преступленіе противъ него разсматривалось какъ нарушеніе правъ собственности его хозяина. Вотъ почему допускалось Рус. Правдою кажущаяся несообразность равномѣрнаго наказанія убійства раба и его похищенія. Въ обоихъ случаяхъ въ субъективномъ элементѣ преступленія высказывалось намѣреніе лишить хозяина владѣнія рабомъ, въ объективномъ элементѣ и то, и другое преступленіе одинаково лишали рабовладѣльца возможности

---

*) Собраніе памятниковъ 398—406.

владѣнія рабомъ. Составляя, по этому собственность другаго, рабъ не могъ подлежать тѣмъ же наказаніямъ, какъ и свободные, т. е. платить, напр., виру или продажу: „Аоже будуть холопи татье... ихъ князь и продажею не казнить *зане суть несвободніи*“ *).

Во времена Ярослава, когда рабъ не имѣлъ правъ личности и жизнь его ничего не стоила, за нанесенное имъ оскорбленіе свободному послѣдній могъ убить его. Съ уничтоженіемъ „убіенія за голову“, то есть права кровной, родственной мести всѣхъ свободныхъ и установленіемъ вмѣсто мести за убитаго родича денежной пени родственникомъ убитаго—головничества, уничтожилось и право убійства раба.

Сыновья Ярослава „по отци о уставиша на куны, любо бити и (раба) розвязавше, любо ли взяти гривну за соромъ“**). Такимъ образомъ прежнее право убійства раба свободнымъ замѣнилось въ законодательствѣ Рус. Правды установленіемъ болѣе легкихъ наказаній несвободнымъ за оскорбленіе свободнаго. Такое уменьшеніе тяжести наказаній за преступленіе несвободныхъ, произошло какъ видно, по Рус. Правдѣ, подъ вліяніемъ княжеской власти.

Во всѣхъ статьяхъ Рус. Правды о преступленіяхъ рабовъ говорится опредѣлительно, что господинъ преступника-раба или долженъ платить за его преступленіе, или выдать его обиженному. Поэтому и въ разбираемомъ случаѣ, если господинъ не выкупалъ преступленіе раба, то этимъ самымъ давалъ право обиженному бить его. Такъ что терминъ „бить его розвязавше“, можно положительно принять за остатокъ того самосуда, основываясь на которомъ въ прежнее время позволялось убить раба, но такъ какъ законодательство запретило убійство раба, то за обиженнымъ осталось право, предоставленное законодательствомъ поймать раба и, чтобы онъ не ушелъ, связать и держать до полученія выкупа, или же побить его ***). Здѣсь невольно является любопытный во-

*) 42 ст. Троиц. сп.

**) Ibid. 58 ст.

***) *Г. Ланге* полагаетъ въ своемъ изслѣдованіи объ уг. пр. Р. Правды, что

просъ: былъ ли предоставленъ на волю обиженнаго рабомъ выборъ наказанія оскорбителю, или этотъ выборъ наказанія зависѣлъ отъ хозяина раба? Изъ словъ Рус. Правды, что хозяинъ раба платилъ только въ томъ случаѣ, если не выдастъ раба „а господинъ его (раба) *не выдасть то платити*“; изъ этихъ словъ ясно видно, что хозяинъ раба могъ не выдать его, а заплатить пеню, или же наоборотъ. Въ статьѣ о кражѣ, совершенной рабомъ *), еще яснѣе говорится, что хозяинъ раба могъ его „*любо выкупати и любо выдати*“. Такимъ образомъ выборъ наказанія за преступленіе раба изъ установленныхъ законодательствомъ зависѣлъ не отъ обиженнаго рабомъ свободнаго, а отъ хозяина раба.

5. Возрастъ преступника.

Извѣстно, что при мѣрѣ наказанія, и теорія, и положительное законодательство къ обстоятельствамъ, вліяющимъ на вмѣненіе, а слѣдовательно и на наказуемость, причисляютъ возрастъ преступника. Русская Правда не содержитъ въ этомъ отношеніи никакихъ общихъ узаконеній о вліяніи возраста на вмѣненіе и наказуемость; но изъ разсмотрѣнныхъ статей, говорящихъ только о наказуемости умышленно и сознательно совершенныхъ преступленій, справедливо можно заключить что Русская Правда не наказывала преступника въ возрастѣ, недопускающемъ вмѣненія. **) Такъ что статья Рус. Правды, узаконявшая подвергать наказанію жену и дѣтей преступника за ихъ соучастіе, подъ дѣтьми, вѣроятно разумѣла лицъ, достигшихъ того возраста, въ которомъ имъ могло быть вмѣнено въ вину ихъ сообщничество съ преступникомъ. ***)

обиженному предоставлялось право сѣчь обиженнаго, такъ онъ объясняетъ терминъ, „бить развязавше“. Но это остроумное предположеніе не основывается ни на какихъ доказательствахъ.

*) XLIX.

**) См. объ этомъ вопросѣ очеркъ теоріи угол. пр. *Чебышева-Дмитріева* въ Юрид. Журналѣ *Салманова* ст. II.

***) XLIX.

По этому, хотя Русская Правда и не содержитъ положительныхъ узаконеній о вліяніи возраста преступника на вмѣняемость и наказаніе и не устанавливаетъ никакого числоваго термина, съ котораго должна начинаться вмѣняемость, тѣмъ не менѣе нельзя думать, чтобы всѣ преступленія, извѣстныя по Русской Правдѣ, одинаково вмѣнялись и малолѣтнему и взрослому и уравнивались по наказанію.

Всѣ первичныя законодательства народовъ представляются изслѣдователю далеко не обнимающими не только всѣхъ, но даже и главныхъ явленій юридическаго быта и потому кажутся крайне недостаточными и по содержанію, и по формѣ выраженія. Но эта кажущаяся недостаточность первичныхъ законодательствъ не должна вести изслѣдователя къ заключенію, что будто тѣ только юридическія явленія опредѣлялись въ то время, которыя выражались въ законодательствѣ, а все что не упоминалось въ немъ не имѣло значенія въ дѣйствительности. Совершенно въ другомъ видѣ и съ другимъ характеромъ представлялись первичныя законодательства тому обществу, изъ котораго они возникли и къ которому примѣнялись. Древнее общество видѣло въ нихъ подробное, законченное произведеніе, вполнѣ обнимавшее разнородныя отношенія членовъ общества того времени. Все же, что упускалось законодательствомъ, дополнялось обычаемъ, силою самой жизни. Конечно положенія первичнаго законодательства были выражены въ грубой формѣ, но была груба и дика вся природа, окружавшая человѣка того времени, былъ грубъ и языкъ, на которомъ онъ изъяснялся. Недостатокъ словъ производилъ недостатокъ изобразительности, извѣстныя мысли выражались немногими словами, или даже однимъ. Бѣдна и груба была форма, но содержаніе все-таки наполняло ее, существовало и развивалось съ формою вмѣстѣ. Такъ дикъ и непонятенъ кажется намъ мимическій языкъ дикаря, а между прочимъ дикарь передаетъ имъ тѣ же понятія, что и мы, только въ формѣ болѣе грубой чѣмъ наша.

Сказанное объ языкѣ примѣняется и къ праву. Начала права, также какъ и языкъ составляютъ присущій элементъ

народной жизни. Они раждаются вмѣстѣ съ рожденіемъ извѣстной формы общества, развиваются вмѣстѣ съ народомъ и исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ. И чѣмъ болѣе и далѣе уходимъ мы въ вѣка давнопрошедшіе, тѣмъ менѣе становятся понятны намъ эти начала права, тѣмъ беднѣе и грубѣе находимъ способъ выраженія ихъ; въ памятникахъ подобной эпохи иногда слово означало мысль, выраженіе цѣлую статью, статья объ отдѣльномъ частномъ случаѣ обнимала множество ему однородныхъ. Но это право, выраженное такъ сжато было вполнѣ удовлетворительнымъ для того времени, хотя по бѣдности формы, по грубости изобразительности намъ оно и кажется неудовлетворительнымъ. Намъ представляются въ этомъ правѣ многіе пропуски и значительные пробѣлы, объ одномъ сказано мало, о другомъ вовсе не говорится, о многомъ упомянуто вскользь, отрывочно, безсвязно, и часто не ясно.

Всего этого не видѣлъ современникъ въ законодательствѣ: все упущенное изъ виду законодательствомъ или слишкомъ было извѣстно всѣмъ и каждому въ то время, или опредѣлялось обычаемъ, или восполнялось характеромъ цѣлаго законодательства и его духомъ.

Такъ не смотря на то, что Русская Правда положительно ничего не говоритъ о вліяніи возраста на вмѣненіе и наказуемость и не устанавливаетъ никакого опредѣленнаго срока, съ котораго должна начинаться вмѣняемость, изъ общаго характера памятника слѣдуетъ, что она не наказывала безсознательно совершившихъ преступленіе, а слѣдовательно и лицъ, находившихся въ возрастѣ невмѣняемости. До какихъ лѣтъ продолжался возрастъ невмѣняемости Русская Правда не говоритъ, но едва ли не справедливо будетъ полагать, что срокъ полной невмѣняемости заканчивался седьмымъ годомъ, потому что въ Кормчей книгѣ, содержавшей въ себѣ подробныя правила о вмѣняемости, говорится: „Седми лѣтъ отрокъ, или бѣсный аще убіетъ кого не повиненъ есть смерти.“ *) Такимъ образомъ безсознательность совершив-

*) Градскій законъ 39 грань.

шаго преступленіе приравнивалась безумію и человѣкъ до 7 лѣтняго возраста не подлежалъ вмѣненію, а слѣдовательно и наказанію.

Полъ.

Что касается вліянія на мѣру наказанія по Рус. Правдѣ, то этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ вопросомъ: какое положеніе занимала женщина въ древне-русскомъ правѣ? *) Мнѣнія нашихъ ученыхъ въ этомъ отношеніи распадаются на двѣ категоріи: одни принимаютъ равноправность женщины съ мужчиной въ древне-русскомъ правѣ и не признаютъ юридическаго характера власти мужа, какъ напр. К. С. Аксаковъ **) и Кавелинъ; ***) напротивъ Бѣляевъ не придаетъ древне-русской женщинѣ тѣхъ правъ, какъ другіе изслѣдователи. †)

То высокое уваженіе, которымъ пользовалась дѣвушка въ глазахъ славянина-язычника, приписывавшаго ей какую-то сверхъестественную силу, олицетворявшаго ее въ образѣ всего прекраснаго, та свобода, которой пользовались славянскія дѣвушки, составляя громкіе хороводы, заводя веселыя игры и выбирая себѣ по сердцу мужа изъ присутствовавшихъ мужчинъ,—все это показываетъ, что дѣвушка-славянка въ языческомъ быту имѣла свободное, самостоятельное положеніе. На томъ же полѣ, гдѣ были игры и хороводы, послѣ свободнаго сговора и свободнаго выбора мужемъ жены, женой мужа происходило вѣнчаніе. И вотъ когда по взаимному выбору

„Въ чистомъ полѣ женилися,
Вкругъ ракитова куста вѣнчалися;

---

*) Русская литература представляетъ по этому вопросу спеціально только два сочиненія: *Шульгина* 1850 г. и *Добрякова* Русская женщина въ до-монгольскій періодъ; кромѣ того *Библіоманъ* — Историческіе этюды о женщинѣ 1867 г. и *Шашкова*—Историческія судьбы женщины.

**) Полное собраніе соч. К. С. *Аксакова* 1861 г. Москва I, 316—318.

***) Современникъ 1848 г. № 10.

****) Арх. Калачова 1859 г. кн. II; см. также статью въ Рус. Бес. Временникъ и въ чтеніяхъ общества исторіи etc.

когда такимъ образомъ былъ заключенъ свободный бракъ, спрашивается: откуда могло возникнуть строгое подчиненіе жены мужу и ея зависимое положеніе? Если къ сказанному прибавимъ свободу развода, смотря по желанію мужа или жены, то вѣроятнымъ будетъ, что жена славянина-язычника и въ семействѣ мужа сохраняла свободу (я не говорю прежнюю) своего положенія.

Подтвержденіе сказанному мы находимъ въ свидѣтельствѣ Нестора о брачныхъ обычаяхъ славянъ язычниковъ. Про Древлянъ онъ говоритъ: „брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицъ. И Радимичи," продолжаетъ далѣе Несторъ, „и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвещашеся, имѣху же по двѣ и по три жены." И только кажется у Полянъ Несторъ видитъ форму брака. „Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣніе имѣху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче." *) Изъ приведенныхъ словъ Нестора ясно видно, что у сѣверныхъ славянъ существовала полигамія; а при полигаміи, какъ это показываетъ бытъ восточныхъ народовъ, женщина не пользуется той свободой и тѣми правами какъ въ моногаміи. На это-то и указываютъ многіе, какъ на доводъ, что славянская женщина была въ зависимомъ положеніи и какъ жена была рабой мужа. Но положеніе женщинъ на Востокѣ и положеніе женщины-славянки язычницы едвали было тожественно. Съ ранняго дѣтства на Востокѣ женщина уже раба и какъ вещь переходитъ только изъ рукъ одного хозяина къ другому; законъ лишилъ ее почти всѣхъ правъ и возложилъ на нее однѣ только обязанности. Она не знаетъ общества, она никого не видитъ,

*) П. С. Л. I, 6 стр.

ничего не слышитъ и ни въ чемъ не участвуетъ, она знаетъ только близкихъ родныхъ, которымъ отъ рожденія до смерти должна повиноваться, да знаетъ мужа, имѣющаго надъ нею огромную власть. Едвали имѣли такое положеніе славянки-язычницы, законъ не лишалъ ихъ правъ, общество не было чуждо женщинамъ, ходившимъ въ хороводы и „на всякія игрища.“ Женщина дѣвушка такимъ образомъ пользовалась свободой общественнаго положенія и безъ принужденія и насилія родителей могла выбирать себѣ жениха на игрищахъ въ хороводахъ и даже сидя дома; вспомнимъ гордый отвѣтъ Рогнѣды на предложеніе родныхъ выдти за мужъ за Владиміра, „не хощю,“ отвѣчала она. Вообще въ первоначальной исторіи, какъ русскихъ, такъ и южныхъ славянъ женщина занимала такое же положеніе, какъ и мужчина. Въ древней Чехіи, по словамъ Козьмы Пражскаго, „дѣвушки росли свободно и вообще въ образѣ жизни мужчинъ и женщинъ не было тогда различія.“ А тѣ народныя былины, въ которыхъ воспѣвается мудрость первыхъ правительницъ славянскихъ народовъ у Русскихъ—Ольги, у Чеховъ—Любуши, у Поляковъ Ванды,—все это даетъ полное право признать свободное положеніе женщины въ эту эпоху о которой говорится. Такимъ образомъ женщина жена, пользуясь свободою въ дѣвушкахъ едва ли могла снести полное рабство и подчиненіе; въ замужествѣ, конечно, она не пользовалась такой свободой какъ прежде, но если допустить повсемѣстную свободу разводовъ, то женщина—жена была довольно свободною въ своемъ положеніи. *) Что касается до женщины—матери, то всякому знакомому съ древне-русской литературою, извѣстно, какъ велико было ея значеніе въ семействѣ. **)

*) О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра. *Шульгина* 1, 1850, 61, 68, 74 и др.

**) См. бытъ русскаго народа *Терещенко. Шашковъ* въ своемъ соч. истор. судьбы женщины говоритъ: „Не только въ юридической, но и во всѣхъ другихъ отрасляхъ первобытной культуры мы видимъ преобладаніе материнства и вслѣдствіе этого главенство женщины. Мать была источникомъ первыхъ чувствъ родственной любви и уваженіе къ ней родило первую идею о нравственномъ долгѣ. Извѣстія о жизни современныхъ дикарей

Съ теченіемъ времени способъ заключенія брачнаго союза не остался въ томъ же положеніи, явились различные обряды и свадебные обычаи; но сущность брака не могла рѣшительно измѣниться до принятія христіанства.

Принятіе христіанства южными и потомъ сѣверными славянскими племенами вело неминуемо за собой отрѣшеніе народа отъ старыхъ языческихъ обычаевъ и принятіе новыхъ, христіанскихъ. Не слишкомъ мирно была принимаема христіанская вѣра нѣкоторыми племенами, такъ что не обходилось и безъ усилій; *) но какъ бы то нибыло фактъ совершился и христіанская вѣра распространилась по землѣ русской.

Произошелъ переломъ во многихъ коренныхъ обычаяхъ, стали возникать нововведенія и исчезать древніе обычаи.

Что касается брака, онъ примѣнялся, какъ въ своей сущности, такъ и въ формѣ заключенія. Кормчая узаконяла: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе, сбытіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды общеніе.“ Главныя же правила христіанской церкви относительно брака были слѣдующія: „Жены своимъ мужемъ повинуйтеся, яко же Господу, зане мужъ глава есть жены;“ **) мужьямъ же предписывалось любить женъ: „мужіе, любите своя жены.“ ***) Но любовь мужа есть чувство самопроизвольное и не можетъ быть по этому обязательной, вынужденной; повиновеніе же жены, составляло обязанность и предполагало слѣдовательно принужденіе къ исполненію. Такъ христіанскимъ бракомъ установилась власть мужа надъ женою и обязанность послѣдней повиноваться этой власти. Но что же это была за власть? Понятно, что преимущественныя основанія ея

показываютъ намъ, что изъ струнъ человѣческаго сердца на низшей ступени его развитія издаетъ самые сильные, самые благородные звуки любовь матери“. стр. 21.

*) Что выразилось въ народной поговоркѣ: — „Добрыня крести мечемъ, а Путята огнемъ“.

**) Ефес. 22, 23 ст.

***) Ефес. V, 25 ст.

проистекали изъ самой идеи христіанскаго брака и по этому были нравственныя, но нельзя сказать, чтобы эта власть не носила юридическаго характера, потому что самое понятіе о власти есть чисто юридическое. Основываясь на этой власти мужъ былъ глава дома, онъ отдавалъ приказанія и наказывалъ за ихъ нарушеніе. Установивши власть мужа бракомъ, духовенство, ученіе и дѣятельность котораго, главнымъ образомъ были направлена на семейную жизнь, укрѣпили въ семействѣ власть родителей надъ дѣтьми. Подъ вліяніемъ византійско-теократическихъ тенденцій окончательно сложились эти двѣ власти и женщина и въ семействѣ отца и въ семействѣ мужа утратила свободу своего первоначальнаго положенія. Своими притчами о погибели міра отъ женщины и многими другими духовенство содѣйствовало нравственному и общественному ослабленію мнѣнія о женщинахъ. Являются самые злые панегирики, самыя богатыя метафоры, въ которыхъ женщина сравнивается со всѣми земноводными гадами, со всѣмъ нечистымъ, со всякимъ зломъ; вспомнимъ слово Даніила Заточника. И вотъ въ средѣ народа стали возникать различныя пословицы и поговорки умножающія достоинство женщины и женщина далеко отодвигается отъ общества, замыкаясь въ теремѣ отца, или мужа, власть которыхъ современемъ успѣла окрѣпнуть и пріобрѣсть строго-суровое значеніе.

Таково было различіе славянки-христіанки и славянки-язычницы, когда она пользовалась полноправіемъ и самъ законъ защищалъ ее на столько же, на сколько и прочихъ свободныхъ: „оже кто убьетъ жену, то тѣмь же судомъ судити, якоже и мужа,“ *) узаконяетъ Русская Правда и эту статью, не носящую слѣдовъ посторонннго вліянія можно принять за основаніе выраженія исконныхъ началъ общественнаго положенія древне-русской женщины-язычницы. **)

---

*) 83 ст. Тр. сп.

**) См. мнѣнія объ этой статьѣ *Болтина*, Р. Пр. 1792 г. 80; *Карамзина*, Исторія 11, 44 пр. 67 изд. Эйнерл.; *Неволина* Истор. Рос. гражд. зак. 1857, 111, 78.

При свободномъ положеніи женщины, при свободѣ развода, когда бракъ не былъ единеніемъ на цѣлую жизнь, жена не отвѣчала за преступленіе мужа, а отвѣчала только за свое собственное: „Аже холопъ крадеть кого-любо, то господину выкупати и любо выдати и съ кимь будеть кралъ, а женѣ и дѣтемь не надобѣ, но оже будуть съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати, паки ли а выкупаеть господинъ; аже будуть свободни съ нимъ крали, или хоронили, то князю въ продажѣ." *) Этой статьею признается полная самостоятельность женщины—жены и ея отвѣтственность только за свое преступленіе; съ принятіемъ христіанства видно не то: женщина во всѣхъ почти случаяхъ семейной и общественной жизни раздѣляетъ судьбу своего мужа, а потому женщина и не преступница, но жена преступника, по основной идеѣ христіанскаго брака, раздѣляетъ ссылку и др. наказанія съ своимъ мужемъ, какъ это было сказано, говоря о наказуемости участія и прикосновенности. **)

Разсматривая вопросъ о вліяніи пола на наказуемость, замѣтимъ, что Русская Правда, установляя урокъ за убійство рабовъ, назначаетъ его за раба въ 5 гр., за рабу въ 6; а также и за увозъ. Такое возвышеніе урока за рабу едва-ли можно думать, чтобы произошло на томъ основаніи, какъ полагаетъ г. Богдановскій, что раба во времена Русской Правды разсматривалась какъ самка приносившая плодъ, а потому и жизнь ея цѣнилась выше. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что женщина того времени болѣе подвергалась нападеніямъ, чѣмъ мужчина и вмѣстѣ съ тѣмъ, по слабости своей природы, не могла такъ сопротивляться нападенію какъ мужчина. Эта-то большая легкость преступленій противъ женщины, а съ другой стороны беззащитность ея положенія, въ особенности рабы, и служили главными мотивами возвышенія урока. Вѣроятно также, что это увеличеніе наказанія за преступленіе противъ женщинъ произошло подъ

*) 115 тр. сп.
**) Историческое развитіе понятій о прест. и наказ.... 27 стр.

вліяніемъ духовенства, которое въ своихъ церковныхъ уставахъ вообще назначало большія денежныя пени за преступленія противъ женщинъ.

Мѣсто совершенія преступленія.

Мѣсто совершенія преступленія служило основаніемъ наказанія по Рус. Правдѣ при назначеніи продажъ за татьбу. Рус. Правда различала именно: была ли принзведена кража изъ извѣстнаго помѣщенія, хранилища, напр. изъ ямы, гдѣ хранился хлѣбъ, изъ клѣти и т. д. и была ли кража произведена съ открытаго мѣста, легко доступнаго всякому, какъ напр. поле, море, рѣка. *) Кража изъ помѣщенія наказывалась строже кражи съ открытаго мѣста. Основаніемъ такого увеличенія наказанія за кражу изъ помѣщенія служила, вѣроятно, бо́льшая энергія злой воли преступника, ясно видимая въ большемъ преодолѣніи препятствій, чѣмъ при кражѣ съ открытаго мѣста, такъ какъ иногда преступнику необходимо было разрушить какую-нибудь ограду, разбить дверь помѣщенія, или сбить съ двери замокъ, однимъ словомъ совершить взломъ внѣшній или внутренній, что и служило обстоятельствомъ увеличивающимъ вину, а слѣдовательно и наказуемость.

Говоря объ основаніяхъ наказуемости по Рус. Правдѣ, я замѣтилъ, что, вѣроятно, не остались безъ вліянія на Рус. Правду положенія византійско-каноническаго права о ненаказуемости малолѣтнихъ до восьмилѣтняго возраста, приравниваемаго по кормчей къ состоянію безумныхъ. На этомъ же основаніи можно полагать, что Рус. Правда не наказывала безумныхъ, или сошедшихъ съума. Что касается до болѣзненнаго состоянія умственныхъ силъ человѣка, помраченныхъ извѣстными обстоятельствами, какъ напр. гнѣвомъ, пьянствомъ и другими, то Рус. Правда ничего не говоритъ о вліяніи этихъ обстоятельствъ на наказуемость, а пьянство хотя и признавалось, помрачающимъ разсудокъ, тѣмъ не ме-

*) CX, XLII, LXXII, CXIV, CXII.

нѣе преступленіе, совершенное въ пьяномъ видѣ наказывалось Рус. Правдою, какъ и совершенное въ нормальномъ состояніи. Объ этомъ говорятъ двѣ статьи: первая, „бьетъ ли господинъ закупа не смысля пьянъ безъ вины,“ то яко же и въ свободнемь платежъ такоже и въ закупѣ“. *) Въ другой статьѣ Рус. Правды о купцѣ, **) растерявшемъ или попортившемъ чужой товаръ постановляется, что если онъ „пропьется, а въ томъ безуміи чюжъ товаръ испортить“ (испроторить), то предоставляется на волю его кредитора или ждать возвращенія долга, или же продать должника въ рабство, чтобы выручить всѣ, или часть долговыхъ денегъ. Изъ обѣихъ статей видно, что состояніе пьянаго приравнивалось безсмысленности, безумію и все-таки преступленіе, совершенное въ пьяномъ видѣ, наказывалось. Мнѣ кажется, что эта странность объясняется тѣмъ-же вліяніемъ византійско-каноническаго права, какимъ объясняются и нѣкоторыя другія въ Рус. Правдѣ. Смотря на большую часть общественныхъ отношеній съ нравственно-религіозной точки зрѣнія, наше древнее духовенство естественно считало многія дѣйствія собственно и непреступныя—преступными и подвергало ихъ наказанію. Къ такимъ дѣйствіямъ оно относило между прочимъ и пьянство, наказываемое по церковнымъ уставамъ, какъ и брань само по себѣ. Если же пьянство само по себѣ, по воззрѣнію духовенства, заслуживало наказанія, то и преступленіе, совершеное въ пьяномъ видѣ по тому же самому основанію должно было заслуживать наказаніе; такъ какъ оно было совершенно въ пьяномъ видѣ, въ которомъ совершить преступленіе гораздо легче. Къ тому же извѣстно, что пьянство вообще во многихъ случаяхъ считается причиною преступленія; въ то же грубое время оно, вѣроятно, было одною изъ самыхъ главныхъ, что также, можетъ быть, отчасти служило къ установленію наказуемости преступленій, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, хотя бы этотъ видъ и доходилъ до совершенной безсмысленности, до безумія.

*) XX.
**) XII.

Безнаказанность преступленій по Русской Правдѣ.

Разсмотрѣвъ основанія наказуемости преступленій по Рус. Правдѣ остается сказать нѣсколько словъ объ основаніяхъ ихъ безнаказанности. Изъ такихъ основаній Рус. Правда знаетъ только необходимую оборону личности и имущества. Ненаказуемость преступныхъ дѣйствій, совершенныхъ при необходимой оборонѣ, видна изъ статьи Правда о нанесеніи побоевъ: „Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылеснію: то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударить мечемь, то вины ему въ томъ нѣтуть.“ *) Выраженіе „не терпя ли противу тому,“ ясно относится къ принявшему побои, но къ кому относится дальнѣйшее выраженіе „то вину ему въ томъ нѣтуть?“ Г. Богдановскій относитъ это выраженіе къ оскорбленному и думаетъ, что въ этой статьѣ представляется ограниченное самоуправство, позволяемое только на мѣстѣ совершенія преступленія. **) А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ также полагаетъ, что этою статьею узаконяется самоуправство. ***) Но мнѣніе, что этой статьею узаконяется самоуправство едва ли справедливо: по Рус. Правдѣ самоуправство дозволялось только по представленіи доказательствъ полученной обиды: знаковъ на тѣлѣ или очевидцевъ (видоковъ) совершенія преступленія, изъ приведенной же статьи не видно ничего подобнаго, видно одно только предоставляемое законодательствомъ право претерпѣвающему нападеніе, отражать его, какъ же назвать это отраженіе? Самоуправство, или непосредственная месть обиженнаго было наказаніемъ, а наказаніе предполагаетъ преступленіе не одновременнымъ ему, а прошедшимъ. По моему мнѣнію, выраженіе „вины ему въ томъ нѣтуть,“ должно относиться къ отражавшему нападеніе, что ясно усматривается изъ слѣдующихъ словъ Правды: аче же и кровавъ придетъ или будетъ самъ почалъ, а

*) 20 ст. тр. сп., CXVIII.
**) Развитіе понятій 15 стр.
***) О преступномъ дѣйствіи 96 стр.

вылѣзуть послуси то то ему за платежъ оже и били,“ *) Такимъ образомъ напавшій не могъ жаловаться хотя бы ему нанесли побои и гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ. Въ приведенной статьѣ точно также, если на удары рогомъ, батогомъ и др. предметами, обиженный отвѣчалъ мечемъ, „то вины ему въ томъ нѣтуть,“ т. е. онъ имѣлъ на отраженіе нападенія право, тогда какъ напавшій на отраженіе это, не могъ и жаловаться. **)

Нельзя не замѣтить изъ приведенной статьи, что необходимая оборона какъ будто тожественна съ самоуправствомъ; считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ опроверженіе прежняго мнѣнія, что все считаемое мною за необходимую оборону было самоуправствомъ.

Въ первоначальное время народной жизни дѣйствительно нельзя почти замѣтить основательнаго различія между самоуправствомъ и необходимою обороною, различіе ихъ сглаживалось на самомъ дѣлѣ, хотя по понятію и то и другое не были сходны. Необходимая оборона отличалась отъ самоуправства тѣмъ, что первая прямою цѣлью имѣла устраненіе нападенія на право, послѣднее же было слѣдствіемъ, вытекавшемъ изъ нападенія, а не прямымъ устраненіемъ его. Необходимая оборона по этому предполагалась одновременною нападенію, самоуправство же предполагало нападеніе прошедшимъ и было по этому результатомъ несовременнаго дѣйствія, а прошлаго. Въ то время, когда самоуправство имѣло широкіе размѣры, оно обнимало собой и необходимую оборону и высказанное различіе между ними не замѣчалось въ дѣйствительной жизни, но съ теченіемъ времени, когда кругъ субъективной свободы каждаго сталъ съуживаться и самоуправство, постепенно ограничиваясь формальными опредѣленіями, стало уничтожаться и у членовъ первичнаго общества осталась въ рукахъ необходимая оборона вмѣсто прямаго самосуда. Время Рус. Правды и представляетъ

*) 23 тр. сп.

**) 20 ст. тр. сп. Проявленіе того же начала необходимой обороны въ Уложеніи 1649 г. X. 105.

постепенный переходъ самоуправства сливавшагося до того съ необходимою обороною въ необходимую оборону въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или, лучше сказать, представляетъ постепенное обособленіе этихъ понятій одно отъ другаго, что ясно видно по этому законодательному памятнику. Извѣстно, напр., что, по древнѣйшей редакціи Рус. Правды, рабъ наказывался смертью за оскорбленіе свободнаго. Впослѣдствіи это право убить раба перешло въ право „бить развязавше,“ въ смыслѣ прежняго наказанія, а убійство раба объявлено безнаказаннымъ въ томъ только случаѣ, когда собственникъ, не желая упустить убѣгавшаго раба, или самъ, или его уполномоченный стрѣлялъ въ него и не осторожно убивалъ. Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, неосторожное убійство раба позволялось, какъ оборона собственности рабовладѣльца, но не какъ самоуправство, потому что стрѣляніе въ раба, какъ и всякое дѣйствіе, препятствовавшее его побѣгу, было средствомъ остановить его, но не наказать. *)

Къ статьямъ Рус. Правды о ненаказуемости преступленій, совершенной въ необходимой оборонѣ, относятся слѣдующія: 1) „Аже убіють огнищанина у клъти, или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, въ пса мѣсто.“ **)

2) „А оже убіють кого у клѣти или у которой татьбы, то убьють въ пса мѣсто оже ли додвржать до свѣта то вести и на княжь дворъ, оже ли убьють, а (уже) будуть видѣли людіе связана то платити въ томъ 12 гривне.“ ***)

Эти положенія Рус. Правды о безнаказанномъ убійствѣ вора, по справедливости должно объяснить необходимою обороною. Если бы дѣйствительно позволялось просто убивать ночнаго вора, какъ полагаетъ А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ ****), то Рус. Правда не различала бы убійства связаннаго и несвязаннаго вора. Когда вора связывали онъ былъ въ пол-

*) 16 ст. Ак. сп.; 58 тр. сп., CXLII. Проявленіе того же начала необходимой обороны въ уложеніи XXI, 88.

**) 36 тр. сп.; см. также 38 Ак. сп.

***) Ibid.

****) О преступномъ дѣйствіи 77.

помъ распоряженіи хозяина собственности, который въ этомъ случаѣ могъ требовать судебнаго разбирательства и должнаго удовлетворенія съ преступника. Но если вора не связывали, а застигали на мѣстѣ преступленія и еще ночью при полной возможности ему скрыться, если къ этому прибавить, что преступникъ могъ сопротивляться, то собственникъ, обороняя свое имущество, могъ его и убить. Это подтверждается статьей кормчей, которая можетъ быть перешла въ законодательство Рус. Правды: „Аще въ нощи крадущаго убіетъ нѣкто тогда безъ муки бываетъ, понеже не можаше безъ бѣды пощадити его,“ *) т. е., если собственникъ вещи могъ поймать и связать вора, то онъ не могъ его убить на томъ основаніи, что имѣлъ право требовать съ него удовлетворенія за взломъ, порчу, или истребленіе вещи. Но если хозяинъ собственности не могъ остановить преступленія, не могъ защитить свою собственность ничѣмъ инымъ какъ убійствомъ, если, напр. преступникъ продолжалъ преступное дѣйствіе при видѣ хозяина, или же сопротивлялся отбою имущества на которое онъ покушался, то хозяинъ имущества могъ убить его, основываясь на необходимой оборонѣ.

Рус. Правда содержитъ еще одно правило относительно убійства вора, именно: „Оже убіенъ тать а подымуть ноги во дворѣ (дверѣ) ино убитъ оли подымутъ ноги за вороты, то ли платити въ немъ. **) Подобное правило содержится и въ скандинавскихъ законодательствахъ, откуда можетъ быть и перешло въ Рус. Правду. Въ этомъ отношеніи безнаказанное убійство вора также основывалось на необходимой оборонѣ, потому что если трупъ вора находился во дворѣ, или во двери дома, то было возможно предположить, что онъ убитъ на мѣстѣ совершенія преступленія, по праву необходимой обороны. Если же трупъ вора находился за воротами, то можно было предположить, что воръ убитъ не на мѣстѣ и во время совершенія преступленія, а когда самъ спасался

---

*) *Калачова.* Изслѣдованіе о Р. Правдѣ 113.

**) Ibid.

отъ нападенія, а слѣдовательно и убійство его было уже не по праву необходимой обороны, а потому и наказывалось

Общіе выводы.

I. Мѣра наказанія по Рус. Правдѣ основывалась на трехъ элементахъ: субъективномъ и объективномъ, присущихъ преступленію и легальномъ, сложившемся подъ вліяніемъ различныхъ условій того времени.

II. На образованіе понятія мѣры наказанія по Рус. Правдѣ вліяли главнымъ образомъ два обстоятельства: призваніе князей и введеніе христіанства.

III. Наказаніе по Рус. Правдѣ падало на дѣйствіе противузаконное и умышленное, почему и преступленіемъ считалось только дѣйствіе противузаконное и умышленное.

IV. По субъективному элементу мѣры наказанія Рус. Правда различала по наказуемости: неосторожность (culpa), умышленность (dolus) и предумышленность (praemeditatio).

V По объективному элементу мѣры наказанія Рус. Правда различала по наказуемости: покушеніе на преступленіе (conatus delinquendi) и совершеніе самаго преступленія (delictum consummatum).

VI. Голый преступный умыселъ (nuda cogitatio) безъ проявленія въ дѣйствіи и одно преступное внѣшнее дѣйствіе безъ умысла (casus) не подлежали наказанію.

VII. Обстоятельствами, увеличивавшими наказаніе по субъективному и объективному элементамъ мѣры наказанія были: по первому, наибольшая умышленность и повтореніе преступленія; по второму,—полное совершеніе задуманнаго, т. е. вполнѣ оконченное дѣйствіе.

VIII. Легальный элементъ мѣры наказанія по Рус. Правдѣ составляли слѣдующія основанія наказуемости преступленій: 1) способъ совершенія преступленія; 2) слѣды причиненнаго оскорбленія; 3) участіе въ преступленіи и прикосновенность къ нему; 4) общественное положеніе потерпѣвшаго правонарушеніе и правонарушителя; 5) возрастъ преступника; 6) полъ; 7) мѣсто совершенія преступленія.

IX. Изъ этихъ основаній обстоятельствами увеличивавшими наказаніе по легальному элементу были: совершеніе преступленія безъ ссоры, т. е. не внезапно и не вызванно; совершеніе преступленія противъ лица привиллегированнаго по общественному положенію; знаки отъ нанесенной обиды; совершеніе преступленія въ извѣстномъ мѣстѣ.

X. Общественное положеніе лица пострадавшаго отъ преступленія установлено обстоятельствомъ, увеличивающемъ наказаніе первыми русскими князьями.

XI. Участіе въ преступленіи и прикосновенность къ нему стали признаваться за обстоятельство, уравнивавшее, по наказанію, сообщниковъ съ главнымъ виновникомъ, подъ вліяніемъ византійско-каноническаго права.

XII. Обстоятельства, уничтожавшія вмѣненіе, уничтожали и наказаніе, также какъ и совершеніе преступленія въ состояніи невмѣняемости, по этому преступное дѣйствіе, совершенное чисто случайно, также какъ совершенное безумнымъ или малолѣтнимъ, не наказывалось: на этомъ основаніи возрастъ преступника можетъ быть признанъ за основаніе наказанія по Рус. Правдѣ.

XIII. Исключеніе изъ сказаннаго, по Рус. Правдѣ, составляло наказаніе преступленій въ пьяномъ, приравниваемомъ безсмысленности, безумію, видѣ, что образовалось подъ вліяніемъ византійско-каноническаго права, считавшаго пьянство само по себѣ преступнымъ и наказуемымъ.

XIV. Что касается вліянія пола на мѣру наказанія, то во 1-хъ, въ до-христіанскій періодъ оба пола пользовались полноправіемъ и подлежали одинаковому суду и наказанію; во 2-хъ, каждый изъ супруговъ отвѣчалъ только за свое преступленіе; въ 3-хъ, съ принятіемъ христіанства, женскій полъ несвободныхъ, подвергшихся преступленію, сталъ приниматься за обстоятельство увеличивавшее наказаніе и въ 4-хъ, жена преступника (также какъ и дѣти извѣстнаго возраста) стала раздѣлять въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе мужа, по христіанской идеѣ о нерасторжимости брака.

XV. Перевѣсъ субъективнаго элемента надъ объективнымъ въ понятіи преступленія, по византійско-каноническому праву, отразился въ Рус. Правдѣ въ перевѣсѣ субъективнаго элемента мѣры наказанія надъ объективнымъ.

XVI. Безнаказанность преступленій основывалась въ Рус. Правдѣ на необходимой оборонѣ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

ЗАМѢТКА

О ПЕРВОБЫТНЫХЪ ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЪ, ПО ТЕОРІИ БАХОФЕНА.

Рус. Вѣстникъ, янв. 1873, стат. г. Профессора Ѳ. И. Буслаева «Сравнит. изученіе народн. быта и поэзіи.»

Въ исторіи, въ прошедшемъ ищутъ филологи объясненія, или причины для настоящаго, подобно тому какъ юристы во времени находятъ освященіе для права. Сходство метода условливается сходствомъ предмета, подлежащаго изслѣдованію,—сходствомъ происхожденія въ народѣ и его языка и его права. Вопросъ о первоначальныхъ правахъ женщинъ не первый подвергается разрѣшенію, при помощи исторіи. Теперь въ Англіи возбужденъ вопросъ о первобытномъ поземельномъ правѣ, потому что настоящіе владѣльцы земли ссылаются на древность своего права. Обращеніе къ первобытному въ жизни и въ правѣ имѣетъ тотъ смыслъ, что люди расположены вѣрить въ разумность прошедшаго, признаютъ святыми mores majorum, или давніе обычаи, сложившіеся не произволомъ тѣхъ-другихъ лицъ, а общимъ свободнымъ убѣжденіемъ цѣлаго народа. Впрочемъ, въ пользованіи прошедшимъ филологи и юристы иногда существенно расходятся, потому что юристы критически относятся къ образамъ различныхъ установленій, или институтовъ воспроизведеннымъ, по древнимъ памятникамъ, прикидывая къ нимъ масштабъ, или мѣрку практическаго осуществленія даннаго образа, положенія, установленія; тогда какъ филологи, нашедши въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ, сказкахъ, или въ преданіяхъ старины

тѣ-другія свѣдѣнія, останавливаются на нихъ, и строятъ изъ нихъ извѣстный образъ быта, не смотря даже на то, что часто этотъ образъ рѣзко противорѣчитъ прежде составленному образу, по другимъ источникамъ, на основаніи другихъ пѣсенъ, сказокъ, преданій, извѣстій. Такъ Бахофенъ, воспользовавшись разнообразными свѣдѣніями въ сказаніяхъ и преданіяхъ до историческаго античнаго міра, да остроумнымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ Геродота, Гомера, построяетъ особенный, оригинальный образъ человѣческаго быта, по которому въ семьѣ преимущественно мать имѣла права, а не отецъ, и вообще полъ женскій господствовалъ и облеченъ былъ властію, а не мужескій. При чемъ, конечно онъ забывалъ про всѣ сказанія и повѣрья о бытѣ боговъ, по Гезіоду, Гомеру, гдѣ царствовали все Зевесы, Нептуны, а не Геры, или Венеры, и совершенно оставилъ въ сторонѣ всѣмъ извѣстное увѣреніе Моисея, что въ первобытныя времена семейство составляли и имъ управляли Патріархи, Авраамы, Исааки, Іаковы, а не ихъ жены. Для юриста время служитъ только освященіемъ права и другимъ выраженіемъ для публичности, всеобщности, признанія.

По свидѣтельству Ѳ. И. Буслаева, сочиненіе Бахофена: «Материнское право», «изслѣдованіе о женовластіи», «гинекократіи» представляетъ собою слабую теорію Бахофена, съ которою г. Профессоръ Буслаевъ знакомитъ рус. публику. Какъ теорія, ученіе Бахофена должно имѣть свои начала и содержать свои выводы, изъ которыхъ главный, общій нами переданъ читателю, и ясенъ по заглавію сочиненія. Разсмотримъ начала, или положенія Бахофена, пользуясь статьею нашего Профессора, который начинаетъ заявленіемъ, что Бахофенъ «беретъ своимъ предметомъ періодъ исторіи племени и семьи средній между скотскимъ нарожденіемъ племени и позднѣйшею семьей съ отеческой властію», откуда ясно выходитъ, что Бахофенъ, какъ бы, знаетъ исторію образованія племенъ, и до такой степени точно, что дѣлитъ эту исторію на три періода, на скотскій, средній и новый, съ отеческою властію въ семьѣ. Если хотите, можно говорить о трехъ періодахъ, или видахъ нарожденія, но въ другомъ значеніи по различію той единицы, которую признаютъ извѣстною, постоянною причиною нарожденія, или женщину, при многихъ мущинахъ, что называется многомужствомъ, или мущину, при множествѣ женщинъ, что именуется многоженствомъ, или собственно бракъ, съ однимъ мущиной и одной жен-

щиной. Какъ бы то ни было, но говорить вообще о правахъ женщины въ первыхъ двухъ случаяхъ невозможно; а тѣмъ менѣе о правахъ, въ значеніи власти женщины надъ такими мущинами. Но пойдемъ далѣе.

Положеніе Бахофена, что противъ свальнаго размноженія племени въ его первомъ періодѣ возмутилась прежде всего женщина, и что единоженство, по нашему во второмъ періодѣ, было скорѣе въ интересахъ женщины, нежели мущины, конечно, можетъ быть допущено, но опять съ оговоркой и съ удареніемъ на словахъ: болѣе, прежде всего и подобныхъ. Потому что, въ случаѣ любви истинной, человѣческой любви мущины къ женщинѣ, — любви, возможной во всѣхъ періодахъ сношенія двухъ половъ, особенно въ силу ревности, единоженство столько же искомо и желанно для мущины, который захочетъ и сможетъ обезпечить плодами своего труда дѣтей, но только своихъ, такъ что единоженство будетъ и въ его интересахъ. Другими словами, единоженство составляетъ въ глазахъ обѣихъ сторонъ, и мущины и женщины, начало разумное, идеалъ брака, и находить что-нибудь идеальное въ воинственныхъ дѣвахъ Амазонкахъ, или въ нѣмецкихъ Валькиріяхъ едва ли когда вспадало въ голову здравомыслящимъ женщинамъ и мущинамъ, а сравнивать этихъ Амазонокъ, или Валькирій съ Семирамидами, Любушами, Вандами, Ольгами едвали возможно въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Послѣ сказаннаго, понятно, что мы не можемъ допустить слѣдующаго положенія автора, будто бы «исторически не сомнѣнно, что въ среднемъ періодѣ женщина пользовалась большими юридическими правами, потому, что какъ въ древности, такъ и теперь, между народами первобытными, права наслѣдства на владѣніе и на власть переходятъ не по мужской, а по женской линіи, и наслѣдниками вотчинника признаются не дѣти его, а дѣти его сестры, — такъ что собственныя дѣти устраняются отъ наслѣдства, и на первой линіи наслѣдуетъ братъ умершаго, а за нимъ старшій сынъ старшей сестры, потомъ младшій» и т. д. Что тутъ «исторически вѣрнаго», весьма трудно опредѣлить, по сбивчивости изложенія; но то не сомнѣнно, что, при такомъ смутно изложенномъ порядкѣ наслѣдованія, женщина все-таки представляется безъ особыхъ правъ. Вопервыхъ, не она оставляетъ наслѣдство; объ ея вотчинности, или правѣ собственности не говорится тутъ ни слова, а потому не-

1*

извѣстно, имѣла ли она въ то время даже право на имущество. Вовторыхъ повсюду упоминается о наслѣдованіи мущинъ: братъ получаетъ имущество послѣ умершаго брата, и затѣмъ сыновья сестры, разумѣется, при отсутствіи братьевъ покойнаго, и т. д. Несомнѣнно вѣрно одно положеніе, не сказанное Бахофеномъ, но извѣстное всякому юристу, что права семьи или право семейное народа выражается по преимуществу въ наслѣдственномъ правѣ, т.-е. въ моментъ разложенія семьи, такъ что наслѣдованіе можно назвать такою же повѣркою семейнаго права, какою вычитаніе служитъ въ ариѳметическомъ сложеніи. И, если, судя по фактамъ Бахофена, въ описываемый имъ первобытный періодъ, женщина не имѣла правъ наслѣдственныхъ, то нельзя толковать тамъ объ ея правахъ преимущественныхъ. Не станемъ говорить о логической невозможности для женщинъ первобытныхъ имѣть преимущественныя права, требовавшія отъ нихъ усилій, труда, напряженій, не по силамъ, для пріобрѣтенія и охраны, равно какъ опустимъ безъ вниманія бахофенскіе періоды поклоненія землѣ, лунѣ, солнцу, будто бы соотвѣтствующіе періодамъ браковъ, и перейдемъ къ явленіямъ рус. исторіи, по взгляду нашего почтеннаго профессора Ѳ. И. Буслаева, видимо старающагося открыть въ этой исторіи подтвержденіе воззрѣній Бахофена, стр. 325 и друг.

Профессоръ при этомъ пользуется Якимовскою, или такъ называемою, раскольничью лѣтописью Татищева, равно какъ его примѣчаніями. Источники подозрительные, какъ извѣстно; но выслушаемъ, что они говорятъ. «У Буривоя, ведшаго войну съ Варягами, былъ сынъ Гостомыслъ, котораго людіе испросили себѣ въ князя. У Гостомысла было четыре сына и три дочери, и, такъ какъ всѣ его сыновья погибли на войнѣ, или въ мирѣ, Гостомыслу должны были наслѣдовать дѣти его дочерей, и именно сынъ второй изъ нихъ, Рюрикъ. За Игоря выдали Ольгу, дочь старшей изъ дочерей Гостомысла, бывшей за мужемъ за Изборскимъ княземъ.» Кажется, мы не перепутали; да и дѣло не въ томъ, а въ слѣдующихъ выраженіяхъ автора: „Сказка систематически, будто намѣренно, устраняетъ мужской элементъ", чѣмъ, какъ будто подтверждается теорія Бахофена относительно первобытныхъ правъ женщины, между тѣмъ, какъ это систематическое, намѣренное устраненіе мужскаго элемента напротивъ доказываетъ, что безъ такого устраненія Ольгѣ, какъ женщинѣ, было не возможно занять княжескій престолъ, по

убѣжденію сказки и сказочниковъ. Слѣдовательно Якимовская лѣтопись служитъ явнымъ опроверженіемъ теоріи Бахофена.

Обращаемся въ заключеніе къ особому извѣстію раскольничьей лѣтописи о дѣятельности Ольги. „Характеристика сказочно-исторической Ольги, говоритъ г. Профессоръ стр. 327, осталась бы далеко не полною, еслибы мы опустили одну черту, въ которой высказывается существенное вліяніе этой княгини на благоустройство брака и семьи. Женщина снискиваетъ свои права только въ семьѣ. Она протестуетъ противъ первобытныхъ звѣрскихъ обычаевъ размноженія племени, и требуетъ ограниченія супружескихъ отношеній предѣлами брака.“ Мы уже выше, хотя съ оговоркою, выразили свое согласіе съ этимъ положеніемъ; но теперь должны прибавить, что оно не вяжется съ предположеніемъ о большихъ правахъ женщины въ періодъ, предшествовавшій единобрачію. Если женщина снискиваетъ себѣ права только въ семьѣ, то немыслимы какія-то большія права женщины до настоящаго брака и настоящей семьи. Но обратимся къ Ольгѣ. „Извѣстно, какою грубою уступкой гетеризму долженъ былъ оплачиваться законный бракъ въ ранній періодъ своего развитія. Остаткомъ этого унизительнаго обычая было право князя или владѣтеля на невѣсту каждаго изъ его подданныхъ, это было такъ называемое *княжее* (jus primae noctis)“. Грубою уступкою гетеризму можно было бы назвать обычай, по которому невѣста до брака съ однимъ позволяла бы себѣ интимныя отношенія ко многимъ другимъ; но въ такомъ случаѣ, этотъ унизительный обычай никакъ не могъ перейдти въ jus primae noctis. Изъ распущенности въ любви невѣсты до замужства никакъ не вытекаетъ для насъ обязанности подчиниться juri primae noctis. Да и самое jus primae noctis, какъ jus, какъ дѣйствительное, общее право, едвали не вымыселъ XVIII вѣка, когда нужно было все болѣе и болѣе сгущать черныя, грязныя, темныя краски на исторіи дворянъ во Франціи до возбужденія въ народѣ крика: à la lanterne! Что удивительнаго, если иноземцы—русскіе, историки того времени, или къ нему близкаго, нашедши что-то не вполнѣ понятное, двусмысленное въ русскихъ лѣтописяхъ, воспользовались этимъ неяснымъ выраженіемъ и дали поводъ русскимъ писателямъ предполагать jus primae noctis дѣйствовавшимъ въ Россіи? Ѳ. И. Буслаевъ даетъ слову: „княжее“ значеніе „права князя, или владѣтеля,“ уже ясно отступая отъ буквы выраженія: „княжее,“ очевидно, побуждаемый

мыслію о невозможности для Рюрика ли, Олега, или Игоря пользоваться такимъ правомъ. Вѣдь для этихъ князей „княжее" въ смыслѣ Ѳ. И. Буслаева, при милліонномъ населеніи ихъ страны, равнялось бы буквально смерти. Но посмотримъ на текстъ лѣтописи, хотя бы раскольничьей, того же Татищева. Вотъ слова: „Тогда же, 964 г., отрѣши Ольга княжее, а уложиша брать отъ жениха по черной кунѣ какъ князю, такъ и боярину отъ его подданныхъ." Въ это время еще господствовало въ Россіи язычество, еще браки заключались умыканіемъ и рѣдко приведеніемъ невѣсты къ жениху; какой же тутъ „законный бракъ" долженъ былъ „оплачиваться грубою уступкою гетеризму"? Съ другой стороны, въ этомъ мѣстѣ лѣтописи, рѣчь идетъ о поборахъ и сборахъ, въ томъ числѣ о сборѣ „княжаго", шедшаго прежде исключительно въ пользу князя, а теперь уступаемаго и боярамъ, такъ что князь собираетъ по черной кунѣ съ своихъ княжескихъ, а бояре съ своихъ боярскихъ подданныхъ, въ извѣстномъ случаѣ. Нѣчто въ родѣ, еще такъ не давно существовавшаго вывода, или сбора въ пользу помѣщика за потерю дѣвушки, выданной замужъ за чужаго крестьянина.

В. Лешковъ.

Ноября 11.
1873 года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Деньги въ области гражданскаго права.

П. Цитовича. Харьковъ 1873.

Въ брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали, авторъ *) разсматриваетъ занимающій его предметъ съ чисто юридической стороны, касаясь какъ вопросовъ финансоваго права, каковы наприм. вопросы, относящіеся къ роду монеты, необходимымъ качествамъ ея и условіямъ ея выпуска, чеканки, курса, пониженія и повышенія монетной скалы и т. п., насколько рѣшеніе этихъ вопросовъ связано съ областью частныхъ юридическихъ отношеній, такъ, и притомъ преимущественно, вопросовъ права гражданскаго.

Мы здѣсь укажемъ только на рѣшеніе авторомъ двухъ—трехъ вопросовъ изъ области этого послѣдняго, и упомянувъ для большей ясности, что слѣдуетъ различать деньги въ собственномъ смыслѣ (звонкая монета) и суррогаты ихъ (бумажныя деньги и билетныя, или, какъ ее вообще называютъ, размѣнная монета), мы обратимся прямо къ опредѣленію денегъ, сдѣланному авторомъ брошюры.

Что такое деньги?—Въ правѣ, какъ и въ политической экономіи, существуютъ различныя опредѣленія денегъ, изъ которыхъ по однимъ оказывается, что деньги суть только знаки, марки, обозначающія цѣнность вещей; по другимъ—деньги составляютъ мѣрило и эквивалентъ цѣнности; но все это, какъ замѣтилъ вѣроятно читатель, опредѣленія относительныя, выра-

---

*) Если не ошибаемся, доцентъ харьковскаго университета.

жающія не природу денегъ, а ихъ отношенія къ другимъ предметамъ хозяйственнаго міра. Для экономистовъ эти опредѣленія совершенно достаточны, потому что для нихъ деньги, какъ мы уже сказали, играютъ важную роль не сами по себѣ, а по отношенію къ другимъ вопросамъ экономическаго міра. Но юристу этого мало: ему важно знать субстанціальную природу денегъ для того, чтобы опредѣлить, предметомъ какихъ юридическихъ отношеній могутъ быть деньги *сами по себѣ.*

Съ такой точки зрѣнія смотритъ на дѣло и нашъ авторъ, опредѣляя, что деньги не только знаки, мѣтки и т. п., а *вещи*, какъ и всякія другія движимыя вещи, по при этомъ, добавляетъ авторъ, деньги по преимуществу есть такая движимость, которая въ высшей степени *нераспознаваема.* Отсюда: деньги, какъ и всякая другая движимость, могутъ быть предметомъ вещныхъ правъ: права собственности, права залога пользованія и т. п. Только вещные иски, какъ напр. vindicatio, по мнѣнію автора, къ нимъ неприложимы, благодаря указанному авторомъ качеству ихъ—нераспознаваемости. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доказать, что находящійся у другаго рубль есть именно мой рубль?— Индивидуализація звонкой монеты не только не дозволяется, но прямо запрещается закономъ. Номера бумажныхъ денегъ стоятъ на нихъ не затѣмъ, чтобы ихъ индивидуализировать, а составляютъ просто одно изъ средствъ, употребляемыхъ экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ для того, чтобы провѣрять подлинность или неподлинность бумажныхъ денегъ, обращающихся въ данное время въ государствѣ.“ Да притомъ, много-ли, замѣчаетъ авторъ, найдется такихъ праздныхъ людей, которые замѣчали бы номера каждаго кредитнаго билета?! — Вотъ почему, полагаетъ г. Цитовичъ, виндикаціонный искъ, или абсолютный, идущій противъ всѣхъ и каждаго, у кого бы моя вещь ни оказалась,—по отношенію къ деньгамъ замѣняется искомъ кондикціоннымъ (condictio), направляющимся только противъ непосредственнаго нарушителя своего права на эти вещи; всѣ же дальнѣйшіе пріобрѣтатели, въ качествѣ добросовѣстныхъ владѣльцевъ, оставляются въ покоѣ. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ не объ idem, не о species, а только о quantitas ejusdem generis.

Далѣе: деньги могутъ быть предметомъ и права обязательственнаго: договоровъ ссуды, поклажи, разнаго рода обязательствъ и главнымъ образомъ обязательствъ денежныхъ, въ

которыхъ деньги съ самаго установленія обязательства указаны какъ предметъ удовлетворенія, въ отличіе отъ обязательствъ, въ которыхъ удовлетвореніе съ самаго начала опредѣляется не деньгами, но можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ превратиться въ денежное удовлетвореніе. Обязательства денежныя относятся къ разряду обязательствъ генерическихъ, въ которыхъ genus можетъ быть опредѣленъ съ болѣе или менѣе узкимъ содержаніемъ. Наприм. обязательство доставить 100 серебряныхъ рублей; обязательство наслѣдника выдать легаторію 100 серебряныхъ рублей, находящихся въ опредѣленномъ въ завѣщаніи хранилищѣ. Послѣдствія того и другаго обязательства, говоритъ авторъ, различны. Именно: въ первомъ случаѣ должникъ всегда обязанъ будетъ доставить кредитору условленный предметъ удовлетворенія по правилу, что родъ никогда не погибаетъ (genus numquam perit); во второмъ же случаѣ наслѣдникъ долженъ будетъ выдать легаторію завѣщанную сумму только тогда, когда по смерти завѣщателя она дѣйствительно будетъ находиться въ указанномъ хранилищѣ; если же ее тамъ не окажется вовсе, то легатъ теряетъ свою силу, потому что завѣщанный genus не существуетъ болѣе. Но если бы назначенныя въ легатъ деньги были у наслѣдника украдены прежде, нежели онъ успѣлъ передать ихъ легаторію, то здѣсь должно различать два случая: виновенъ-ли въ этомъ (подразумѣвается вина цивильная) наслѣдникъ или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ легаторій не получаетъ ничего. Въ первомъ же случаѣ, если пропажа произошла по винѣ наслѣдника (по его небрежности, неосторожности), легаторій вправѣ требовать вознагражденія за убытки.

Остановимся на параллели, проведенной г. Цитовичемъ, между *бумажными деньгами* (онъ протестуетъ противъ оффиціальнаго названія: „кредитные билеты, находя неумѣстнымъ прилагательное: „кредитный") и *кредитными бумагами*, параллели, проведенной имъ для того, чтобы съ большею ясностью опредѣлить природу бумажныхъ денегъ.

Выпуская бумажныя деньги, говоритъ нашъ авторъ, эмитентъ имѣетъ въ виду не завязать какое-либо новое отношеніе съ принимателемъ ихъ, а произвести платежъ и тѣмъ освободиться отъ лежащаго на немъ долговаго обязательства (liberatio). При принятіи ихъ происходитъ то, что называется solutio; причемъ приниматель вѣритъ, что онъ получаетъ дѣйствительное удовлетвореніе, и вовсе не разсчитываетъ на то, что современемъ

взятые имъ знаки должны быть кѣмъ нибудь оплачены. Итакъ, бумажныя деньги, по выраженію г. Цитовича, „имѣютъ свойство производить платежи, гасить долги, освобождать должниковъ, удовлетворять кредиторовъ и т. д.“—однимъ словомъ, выполнять всѣ тѣ же функціи, что и звонкая монета, чему способствуетъ не собственная ихъ цѣнность, равная нулю, а придаваемый имъ нарицательно-принудительный курсъ. „Послѣ этого, заключаетъ авторъ, мы вправѣ сказать, что бумажныя деньги не есть долговые документы, а *вещи*—ut que tangi potest.“ *) На этомъ основаніи къ нимъ примѣняются тѣ же опредѣленія, какія сдѣланы авторомъ по отношенію къ деньгамъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. къ звонкой монетѣ.

Иное дѣло кредитныя бумаги (акціи, облигаціи, выигрышные банковые билеты, векселя, чеки, купоны и т. под.) „Выдающій ту или другую кредитную бумагу, говоритъ авторъ, тѣмъ самымъ документируетъ дѣлаемый или уже сдѣланный имъ долгъ а не погашаетъ его, какъ въ бумажныхъ деньгахъ).“ Наоборотъ,—принимающій ее „имѣетъ въ виду пріобрѣсти требованіе пріобрѣсть должника, стать кредиторомъ.“ „Здѣсь приниматель кредитной бумаги вѣритъ въ реализацію, въ оплату этой бумаги подлежащими деньгами.“ Здѣсь установляется обязательство; а въ такомъ случаѣ о принудительномъ курсѣ не можетъ быть и рѣчи, за исключеніемъ случая компенсаціи. Слѣдовательно, кредитныя бумаги хотя и вещи, хотя и имущество, но имущество долговое. Отсюда, для производства платежа необходимо согласіе кредитора принять кредитную бумагу въ уплату долга, т. е. здѣсь будетъ уже не solutio, a datio in solutionem, т. е. полученіе кредиторомъ, взамѣнъ условленнаго, какого-либо другаго удовлетворенія, и въ то время, какъ при бумажныхъ деньгахъ все дѣло обошлось бы посредствомъ простаго врученія (traditio brevi manu), здѣсь является на сцену новый договоръ, новое юридическое отношеніе (cessio, novatio, delegatio); причемъ можетъ случиться, что цедентъ приметъ на себя отвѣтственность

*) Здѣсь мы еще разъ убѣждаемся въ различіи юридической и экономической точки зрѣнія, при которыхъ послѣдняя гласитъ, „что количество всѣхъ обращающихся въ данномъ государствѣ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ правительствомъ, есть не что иное, какъ текущій долгъ.“ „Для юриста говоритъ г. Цитовичъ, отъ этого только путаница понятій.“

не только за подлинность (veritas) передаваемой имъ бумаги, но даже и за осуществимость заключающагося въ ней права требованія (bonitas), за ея реализацію, и такимъ образомъ остается поручителемъ за должника (отвѣтственный вексельный бланкъ).

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе брошюры г. Цитовича, возникшей, по словамъ ея автора, первоначально въ видѣ нѣсколькихъ лекцій, въ составѣ курса, читаннаго въ 1872—73 г. Въ отечественной литературѣ затронутый авторомъ предметъ нигдѣ не былъ еще разсмотрѣнъ съ такою полнотою и потому мы съ удовольствіемъ отсылаемъ къ ней нашего читателя.

Въ заключеніи мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ взглядахъ автора и положеніяхъ, странность которыхъ невольно обращаетъ на себя вниманіе читателя. Въ началѣ своей брошюры, которому авторъ далъ названіе: „вмѣсто предисловія,“ онъ говоритъ: „Въ исторіи развитія каждой науки отъ времени до времени наступаютъ періоды такъ называемаго кризиса,— оказывается, что основныя понятія, отъ которыхъ зависитъ весь строй системы, перестаютъ вполнѣ покрывать тотъ фактическій матеріалъ, съ которымъ имѣетъ дѣло данная наука.“ „Нѣчто подобное происходитъ теперь напр. съ политическою экономіей.“ „Если, продолжаетъ онъ далѣе, отъ подобнаго состоянія не убереглась такая сравнительно молодая наука, какъ политическая экономія, то что же страннаго, когда нѣчто подобное происходитъ и съ наукой гражданскаго права? Не одно понятіе, еще недавно считавшееся несокрушимымъ, оказалось если неокончательно негоднымъ, то во всякомъ случаѣ требующимъ значительныхъ поправокъ. Что творится напр. съ понятіями обязательства,“ „договора,“ „владѣнія.“—Прочитавши такую тираду, иной можетъ и въ самомъ дѣлѣ вообразить, что—увы!— весь міръ установившихся въ правѣ понятій погибъ; что на его мѣсто явился совершенно новый міръ; что все нужно начинать сначала и что, пожалуй, чего добраго, и лежащая предъ нами брошюра есть ничто иное, какъ мертворожденное произведеніе, ибо въ ней мы встрѣчаемся съ старыми, давно знакомыми намъ (употребимъ выраженіе автора) дефиниціями.

Что до насъ, то мы крайне сомнѣваемся, чтобы описываемая г. Цитовичемъ картина современнаго состоянія права была вѣрна и считаемъ выходку автора ничѣмъ инымъ, какъ риторической шумихой. Въ самомъ дѣлѣ, что такого особеннаго сотвори-

лось съ понятіями напр. обязательства, договора? Въ чемъ напрм. состоитъ сущность обязательства по прежнимъ и нынѣшнимъ опредѣленіямъ?—„Obligatio, говорится напр. въ юстиніановыхъ институціяхъ, *) est juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus solvendae rei secundum nostrae civitatis jura.“ Или: „Obligationum, substantio говоритъ юристъ Павелъ, **) non in eo consistit, ut aliquod corpus nostrum, aut servitutem nostram faciat, sed ut aliud nobis adstringat ad dandum aliquid, vel faciendum, vel praestandum.“—А развѣ не такова природа обязательства по опредѣленіямъ новѣйшихъ юристовъ?—Возьмемъ наконецъ доказательство у самого г. Цитовича. Мы уже видѣли, къ какимъ выводамъ пришелъ онъ по вопросу о виндикаціи денегъ.—Не тоже ли думалъ и юристъ Яволенъ въ цитируемомъ г. Цитовичемъ фрагментѣ (l. 78 D. 46 3), говоря: „Si alieni numini inscio vel invito domino soluti sunt manent; ejus, cujus fuerunt; si mixti essent, ita ut discerni non possent, ejus fieri, qui accepit, in libris Gai scriptum est, ita ut actio domino cum eo, qui dedisset, furti competeret.“

Далѣе. Въ мірѣ дѣйствительно происходитъ вѣчная смѣна явленій, вѣчный потокъ и вѣчное измѣненіе; но слѣдуетъ ли изъ этого, какъ утверждаетъ нашъ авторъ, чтобы въ области юриспруденціи, благодаря этому вѣчному движенію, благодаря этой „хитрости нынѣшняго commercium,“ какъ онъ выражается, вслѣдствіе которой каждая вещь прежде, чѣмъ дойти отъ производителя до потребителя проходитъ подъ именемъ *товара* цѣлый рядъ мѣновыхъ актовъ,—слѣдуетъ-ли, говоримъ мы, изъ всего этого, чтобы понятіе права собственности на движимыя вещи было сведено на понятіе владѣнія? Не значило-ли бы это вносить новую путаницу понятій?—Дѣло науки уловить въ этомъ движеніи нѣчто субстанціальное, что одно не измѣняется и пребываетъ въ вѣчномъ покоѣ среди безпрерывной смѣны и вѣчнаго движенія. При такомъ пониманіи дѣла, сколько бы рукъ и стадій ни проходила извѣстная вещь, сколько бы измѣненій она не испытывала, все же въ каждый данный моментъ мы можемъ сказать, чью собственность она составляетъ. Вотъ почему мы продолжаемъ думать, что „юристъ по прежнему долженъ

---

*) III. 13 pr.
**) D. 44 7 § 3 pr.

повторять свои дефиниціи права собственности." Вотъ почему далѣе мы не можемъ согласиться съ авторомъ, чтобы виндикація не могла быть безусловно примѣнима какъ къ звонкой монетѣ, такъ и къ бумажнымъ деньгамъ. И въ самомъ дѣлѣ, что препятствуетъ, по мнѣнію автора примѣненію этого иска въ данномъ случаѣ? *Нераспознаваемость вещей.* Но если бы, вопреки законному прещенію, кто-либо индивидуализировалъ принадлежащія ему деньги въ звонкой монетѣ или замѣтилъ номера бумажныхъ денегъ,—неужели и тогда невозможно было бы признать примѣнимой rei vindicatio? Очевидно, нѣтъ. И самъ авторъ volens-nolens долженъ былъ бы признать это, еслибы захотѣлъ быть послѣдовательнымъ. И такъ не юридическая природа денегъ и ихъ суррогатовъ мѣшаетъ примѣненію къ нимъ виндикаціоннаго иска, а чисто случайныя обстоятельства—большая или меньшая распознаваемость: на случайностяхъ же не можетъ быть построенъ никакой принципъ: а posse ad necesse, какъ извѣстно, non est consequentia.

Кромѣ того, намъ кажется, что центръ тяжести всѣхъ затрудненій въ этомъ случаѣ лежитъ не тамъ, гдѣ отыскиваетъ его авторъ брошюры; а именно: намъ думается, что затрудненія въ приложеніи виндикаціи къ деньгамъ заключаются не въ особенной природѣ денегъ, а въ томъ, что истецъ при этомъ искѣ долженъ доказать все то, что служитъ основаніемъ и оправданіемъ его иска, и прежде всего, конечно, то право, которое онъ ищетъ, т. е. принадлежащее ему право собственности, основанное на одномъ изъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія. Деньги же, какъ мы видѣли уже, пріобрѣтаются въ большей части случаевъ посредствомъ простаго врученія, не оставляющаго никакихъ слѣдовъ. Поэтому-то и виндицированіе ихъ становится особенно затруднительнымъ, хотя, повторяемъ, не абсолютно невозможнымъ.

С. М.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Ярославскаго Окружнаго суда.

Межевые планы и книги въ дѣлахъ о крѣпостномъ правѣ на недвижимое имущество въ доказательство не пріемлются. Для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи.

1873 года августа 24 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Ярославскій Окружный судъ, по гражданскому отдѣленію въ публичномъ судебномъ засѣданіи, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ члена Суда А. А. Кузмина, изъ членовъ: В. В. Половцева и Н. А. Тверицкаго, при секретарѣ А. А. Донскомъ слушалъ дѣло объ изъятіи вдовою поручика Марьею Александрою Алеевскою изъ владѣнія коллежскаго регистратора Афанасья Алексѣева Деханова имѣнія, дошедшаго къ нему послѣ Любимскаго помѣщика Киреевскаго. Обстоятельства дѣла:

13 Марта 1873 года, повѣренный вдовы поручика Марьи Александровой Алеевской, Присяжный Повѣренный Каптыревъ подалъ въ Судъ прошеніе объ изъятіи изъ владѣнія коллежскаго регистратора Афанасья Алексѣевича Деханова, дошедшаго къ нему по наслѣдству отъ Любимскаго помѣщика Николая Васильевича Киреевскаго, имѣнія, заключающагося въ сельцѣ Панфиловѣ и деревнѣ Кириловѣ съ пустошами. Основаніемъ къ такому ходатайству г. Каптыревъ представляетъ то что Дехановъ опредѣленіемъ Московской Судебной Палаты, отъ 11-го Іюля 1872 года, утвержденъ въ правахъ наслѣдства къ выше-

упомянутому имѣнію, оставшемуся послѣ Киреевскаго, по родству своему съ Иваномъ Кореневымъ, прадѣдомъ Киреевскаго, причемъ Судебною Палатою было признано, что спорное имѣніе дошло къ Киреевскому отъ Ивана Коренева, такъ какъ оно показано за нимъ по планамъ генеральнаго межеванія и ревизскимъ сказкамъ 4 и 5-й ревизіи, тогда какъ по мнѣнію г. Каптырева, спорное имѣніе дошло къ Николаю Киреевскому не отъ прадѣда его Ивана Коренева, а отъ прабабки его Авдотьи Кореневой, урожденной Бѣдаревой, почему, на основаніи 1138 ст. X, т. ч. 1. Св. Закон. оно должно идти не въ родъ Кореневыхъ, а въ родъ Бѣдаревыхъ, представительницею котораго состоитъ въ настоящее время его довѣрительница Алеевская. Затѣмъ, изложивъ переходъ имѣнія отъ Ивана Бѣдарева къ Николаю Киреевскому, а равно и родство его довѣрительницы съ Иваномъ Бѣдаревымъ опредѣляя цѣну иска въ 8000 руб. сер., проситъ постановить рѣшеніе объ изъятіи изъ владѣнія коллежскаго регистратора Афанасья Алексѣевича Деханова объясненнаго выше, имѣнія, состоящаго Любимскаго уѣзда въ деревняхъ Панфиловѣ и Кириловѣ съ пустошами и о присужденіи онаго довѣрительницѣ Алеевской, какъ наслѣдницѣ послѣ Николая Киреевскаго, о взысканіи съ Деханова всѣхъ доходовъ полученныхъ имъ съ спорнаго имѣнія за исключеніемъ доходовъ слѣдующихъ съ имѣнія за время отъ ввода его во владѣніе имѣніемъ до того времени, когда ему сдѣлается извѣстнымъ настоящій искъ и о возложеніи судебныхъ издержекъ и о вознагражденіи за веденіе дѣла на него же Деханова, и кромѣ того проситъ Судъ принять мѣры къ предварительному обезпеченію иска наложеніемъ запрещенія на спорное имѣніе. Къ прошенію приложены: 1) явленная у Ярославскаго Нотаріуса Крылова довѣренность, коей Алеевская уполномочила г. Каптырева на веденіе этого дѣла; 2) удостовѣренная г. Каптыревымъ родословная рода Бѣдаревыхъ; 3) удостовѣренная имъ же копія съ рѣшенія Ярославскаго Окружнаго Суда, отъ 10 марта 1872 года, изъ которой между прочимъ видно, что въ представленныхъ довѣреннымъ Деханова документахъ записано: а) въ копіи родословной Кореневыхъ значится: Симонъ Петровичъ, у него сыновья: Иванъ, Афанасій, у Ивана дочь Марья, въ замужествѣ за подпоручикомъ Стремоуховымъ, у ней дочь Елисавета, въ замужествѣ за гвардіи корнетомъ Васильемъ Александровичемъ Киреевскимъ, у него сынъ Николай;

б) въ копіи съ поколѣнной росписи о родѣ Кореневыхъ и Стремоухова за № 3065 показаны: у Ивана дочь Марья Ивановна, родилась въ 1755 году, въ бракъ вступила въ 1777 году; у нея дочь Елисавета Ѳедоровна Стремоухова, родилась въ 1777 году, въ бракъ вступила въ 1794 году; в) при повѣркѣ поколѣнной росписи съ документами хранящимися въ Орловскомъ Консисторскомъ Архивѣ оказалось: по селу Работькову за 1771 годъ подъ № 4, того же села во дворѣ помѣщикъ капитанъ Иванъ Симоновъ сынъ Кореневъ вдовъ, 45 лѣтъ, дочь его Марья 17 лѣтъ, бракъ Марьи Ивановой съ Ѳедоромъ Ивановымъ Стремоуховымъ по метрическимъ книгамъ селъ Шаблыкина и Работькова за 1776 годъ не оказался, по исповѣднымъ же росписямъ села Шаблыкина они пишутся такъ: за 1778 годъ подъ № 3, подпоручикъ Ѳедоръ Ивановичъ Стремоуховъ 48 лѣтъ жена его Марья Ивановна 18 лѣтъ, дочь ихъ Елисавета, одного года; за 1779 годъ Елисавета, двухъ лѣтъ; рожденіе отъ Марьи Ивановой дочери Елисаветы по метрической села Шаблыкина за 1777 годъ книгѣ не оказалось, а по исповѣднымъ росписямъ того же села она пишется при родителяхъ своихъ за 1778 годъ одного года, за 1779 годъ двухъ лѣтъ; бракъ ея, Елисаветы, по метрической книгѣ села Шаблыкина за 1795 годъ, подъ № 1: женился гвардіи корнетъ Василій Александровичъ, понялъ того же села помѣщицу Елисавету Ѳедоровну дочь Стремоухову; 4) удостовѣренная г. Каптыревымъ копія съ рѣшенія Московской Судебной Палаты, отъ 11 іюля 1872 года, изъ коей видно, что Судебная Палата постановила: отмѣнивъ обжалованное повѣреннымъ Деханова постановленіе Ярославскаго Окружнаго Суда, утвердить Деханова въ правахъ наслѣдства къ имѣнію, оставшемуся послѣ Николая Киреевскаго въ Любимскомъ уѣздѣ какъ дошедшему къ нему изъ рода Кореневыхъ. Затѣмъ г. Каптыревымъ представлены: 5) выпись Московскаго Архива Министерства Юстиціи; 6) копія справки Вотчиннаго Департамента; 7) запись 1790 года Января 8 дня; 8) копія экстракта Ярославской Палаты Гражданскаго Суда; 9) метрическое свидѣтельство за № 2684; 10) дарственная запись за № 86-мъ; 11) копія рѣшенія Ярославской Палаты Гражданскаго Суда; 12) купчая крѣпость; 13) копія рѣшенія Любимскаго Уѣзднаго Суда; 14) копія рѣшенія Ярославской Палаты Гражданскаго Суда; и 15) справка выданная изъ Ярославскаго Депутатскаго Собранія. Изъ представленныхъ документовъ видно:

II.

Изъ выписи выданной присяжному повѣренному Каптыреву изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи видно: ,1) что по писцовой книгѣ письмо Князя Волконскаго 1627, 28, 29 и 30 годахъ въ Костромскомъ уѣздѣ въ волости Кулигѣ значилось два брата Бѣдаревыхъ помѣщиками, Иванъ и Юрій. За Иваномъ Ивановымъ въ помѣстье писано: сельцо, что была пустошь Яковлева, полдеревни Медвѣдева и полпустоши Каменка Поповка тожъ. За Юрьемъ Ивановымъ сельцо, что была пустошь Панфилова деревня Кирилова, полдеревни Медвѣдева и полпустоши Каменки; деревня Медвѣдева и пустошь Каменка братьями раздѣлены по поламъ.

2) Что праправнукъ Ивана Бѣдарева, Афанасій Андреевъ, представляя поколѣнную роспись своего рода, просилъ объ укрѣпленіи за нимъ помѣстья бездѣтно умершаго двоюроднаго дядя его Евдокима Константинова Бѣдарева и въ 1715 г. 31 Января: по Указу Великаго Государя Кирило Лаврентьевъ Чичеринъ съ товарищи, слушавъ сего дѣла, приговорили: умершаго Евдокимово помѣстье Бѣдарева, что осталось за прожиткомъ жены его, справить за племянникомъ его Евдокимовымъ за Афанасьемъ Бѣдаревымъ. Изъ представленной при прошеніи Афанасья Андреева родословной видно, что у Ивана Бѣдарева былъ сынъ Яковъ, у Якова были дѣти Константинъ и Никифоръ, сынъ Константина Евдокимъ умеръ бездѣтенъ, а у Никифора былъ сынъ Андрей, за сыномъ котораго Афанасьемъ справлено помѣстье Евдокима. Изъ справки же по прошенію Андрея Бѣдарева видно: а) что по раздѣлу съ братомъ Никифоромъ, Константину Бѣдареву досталось отца его помѣстье, полсельца Панфилова, полдеревни Кирилова, четверть деревни Медвѣдева и четь пустоши Каменки Поповка тожъ; за Андреемъ же по справкѣ другой половины означеннаго имѣнія не записано, б) что въ 1704 году женѣ Константина Бѣдарева, Ѳедорѣ, изъ Костромскаго, Галицкаго, и Пошехонскаго помѣстья дана одна пятая часть (сто четьи) на прожитокъ; в) что въ 1711 году женѣ Евдокима Бѣдарева, Авдотьѣ дана десятая часть помѣстья Евдокимова на прожитокъ и г) что по выходѣ ея вторично за мужъ за Григорья Бобоѣдова то ее помѣстье 1711 года Декабря въ 11 день за нимъ Григорьемъ справлено.

3) Въ 1735 году, жена Ивана Афанасья сына Афанасья Ан-

дреева Бѣдарева, Варвара Бѣдарева просила о выдѣлѣ ей указной части изъ имѣнія ея мужа и объ укрѣпленіи остальнаго имущества за ея дочерью Авдотьей. 1735 года 5 февраля, государственной вотчинной коллегіи ассесоръ Невѣжинъ опредѣлилъ: указанную часть изъ имѣнія Афанасья Андреева Бѣдарева оставить до челобитья жены его вдовы Татьяны, изъ остальнаго же имущества Афанасьева по смерти сына Ивана и изъ собственнаго его Ивана имѣнія указанную часть дать Ивана женѣ Варварѣ, а затѣмъ остальное Афанасьево и сына его Иваново имѣніе Бѣдаревыхъ справить за Афанасьева, внукою а Ивановою дочерью, дѣвкой Авдотьей. Изъ справки по прошенію видно, что за Афанасьемъ Андреевымъ Бѣдаревымъ вотчины дано отца его помѣстье Кулигской волости четвертый жеребей сельца Панфилова и четвертый жеребей пустоши Каменки. Въ 1688 году, да въ 1694 году дана дяди его родовая вотчина Яковлева, Никифорова сына Бѣдарева вотчина половина чети сельца Панфилова, четь деревни Кирилова, жеребей деревни Медвѣдева. Эти же земли поименованы между прочими и въ отказѣ 1735 года Варварѣ и Авдотьѣ Бѣдаревымъ.

4) 1806 года 27 сентября, опекунъ наслѣдодателя Николая Васильева Киреевскаго (тогда малолѣтняго) коллежскій совѣтникъ Тухочевскій просилъ вотчинный департаментъ о выдачѣ копій съ дачъ и отказовъ на сельцо Панфилово, деревню Кирилово и пустошь Медвѣдеву съ селеніями и пустошами, причемъ объяснилъ, что имѣнія эти достались его питомцу послѣ матери Елисаветы Киреевской которой это имѣніе дошло черезъ мать Марію Стремоухову, отъ бабки Авдотьи Ивановой Кореневой, а сей послѣдней отъ предковъ и числилось оно за отцемъ ея Иваномъ, дѣдомъ Афанасьемъ, прадѣдомъ Андреемъ и прадѣдомъ Константиномъ Бѣдаревыми. По этому прошенію выписаны дачи за Бѣдаревыми, свѣдѣній же о переходѣ отъ Авдотьи Кореновой, урожденной Бѣдаревой, къ мужу ея Ивану Кореневу, дочери Марьѣ Стремоуховой, внукѣ Елисаветѣ Киреевской и правнуку Николаю Васильеву Киреевскому въ вотчинномъ департаментѣ не оказалось.

III.

Затѣмъ, изъ той же выписи архива оказывается:

1) 30 января 1712 года Анна Петрова Бѣдарева (внука Ивана Иванова Бѣдарева отъ сына Петра брата Якова) просила

дать ей на прожитокъ изъ помѣстья отца ея Петра. По справкѣ сдѣланной по ея прошенію оказалось: 1) что въ 1653 году дана была вводная грамота Петру Иванову Бѣдареву на имѣніе, доставшееся по полюбовному раздѣлу его съ братомъ Яковомъ Ивановымъ, въ числѣ этого имѣнія упоминается сельцо Яковлево и четверть деревни Медвѣдева.

2) Что въ 1680 году, послѣ смерти Петра Иванова, помѣстье справлено за женой его Акулиной и дѣтьми Петромъ да Иваномъ. Петръ умеръ не женатъ, а изъ умершаго Петрова Бѣдарева помѣстья 2 февраля 1712 года Князь Ромодановскій съ товарищи приговорили справить за сыномъ его, да за дочерью по указу.

2) 1749 года 11 января, Андрей Ильинъ Бѣдаревъ просилъ вотчинную коллегію объ отказѣ и справкѣ за нимъ имѣнія отца его Ильи; при чемъ объяснилъ, что у дѣда его Ивана Петрова Бѣдарева были сыновья Илья и Максимъ, а послѣ смерти Ильи остался онъ проситель, да мать его Ксенія, вышедшая замужъ вторично за Якова Травнина. 24 февраля въ вотчинной коллегіи опредѣлено: умершаго Ивана Петрова Бѣдарева помѣстье справить за дѣтьми Ивановыми за Ильею да Максимомъ по поламъ а послѣ смерти Ильи, его жеребей такъ же и собственное его недвижимое имѣніе оставить до челобитья жены его Ильиной Аксиньи Семеновой, а достальное справить за сыномъ его Андреемъ Бѣдаревымъ, что 6 сентября 1749 года и исполнено подканцеляристомъ Каменскимъ.

Изъ справки выданной изъ Ярославскаго депутатскаго собранія о переходѣ имѣнія въ родѣ Бѣдаревыхъ видно: 1) что въ 136, 137 и 138 годахъ (1628, 29 и 30 годахъ) за Иваномъ Ивановымъ Бѣдаревымъ состояло помѣстье сельцо, что была пустошь Яковлева по деревнѣ Медвѣдево и по пустоши Каменка Попова тожъ и 2) что въ 161 г. (1653 году) то Иваново помѣстье Бѣдарева дано дѣтямъ Якову и Петру вмѣстѣ.

IV.

Изъ представленной записи, явленной 1790 года 7 марта въ Любимскомъ Уѣздномъ Судѣ, видно, что сынъ Максима Иванова Бѣдарева Иванъ Максимовъ Бѣдаревъ, дошедшее ему по наслѣдству отъ отца его Максима Ивановича, имѣніе, состоящее изъ сельца Яковлева, деревни Варлигина и пустоши Каменки, передалъ родному брату своему Андрею Максимову Бѣдареву.

V.

Изъ экстракта Ярославской палаты Гражданскаго Суда видно, что это имѣніе сыномъ Андреяна Степаномъ Андреяновымъ заложено было его однофамильцу Петру Григорьеву Бѣдареву въ 1816 году и за неплатежъ долга сдано заимодавцу. И о правѣ выкупа этого имѣнія просилъ послѣ смерти Андреяна его троюродный братъ Николай Андреевъ Бѣдаревъ и Уѣзднымъ Судомъ былъ признанъ троюроднымъ братомъ Степана Бѣдарева а Иванъ Максимовъ его Степана Бѣдарева признанъ дядею.

VI.

Изъ представленной метрической выписи Ярославской Консисторіи видно, что 27 марта 1796 года, у Ивана Максимова Бѣдарева родилась дочь Матрена, а въ 1819 году 23 іюня у помѣщика Александра Андреянова Насонова родилась дочь Марья.

VII.

Изъ совершенной 26 августа 1810 года записи видно, что Иванъ Максимовъ Бѣдаревъ съ женой Василисой Степановой дали дочери своей Матренѣ въ приданое недвижимое имѣніе.

VIII.

Изъ представленнаго опредѣленія Ярославской Палаты Гражданскаго Суда, отъ 6 іюня 1856 года, видно, что Марья Александрова Алеевская признана Палатой дочерью Матрены Бѣдаревой, вышедшей замужъ за Александра Насонова, и утверждена въ правахъ наслѣдства къ имуществу дяди ея сына Максима Иванова Александра Бѣдарева (и утверждена къ его имѣнію въ правахъ наслѣдства).

IX.

Изъ совершенной въ Любимскомъ Уѣздномъ Судѣ 1824 года 28 января купчей видно, что Александръ Насоновъ доставшуюся ему указанную часть послѣ жены его Матрены продалъ Василисѣ Степановой Бѣдаревой.

X.

Изъ копіи опредѣленія Любимскаго Уѣзднаго Суда отъ 29го Августа 1801 года, по дѣлу о пустоши Медвѣдевой видно: 1) что

крестьянинъ Ивана Симонова Коренева Яковлевъ, объяснилъ, что пустошь Медвѣдева дошла къ его господина женѣ Авдотьѣ Бѣдаревой отъ Юрія Бѣдарева черезъ предковъ ея Константина къ Андрею, а отъ него къ сыну Афанасью, а отъ Афанасья черезъ сына его Ивана къ Авдотьѣ Ивановой дочери, женѣ Кореневой, и 2) что рѣшеніе по этому дѣлу, хотя пустошь и числилась за Иваномъ Симоновымъ Кореневымъ, объявлено покойнаго Коренева женѣ Авдотьѣ Ивановой яко настоящей вотчинницѣ.

XI.

Изъ копіи съ рѣшенія Ярославской Палаты Гражданскаго Суда, отъ 29го Марта 1801 года, видно, что опекуны Киреевскаго признавали, что часть въ пустоши Медвѣдевой дошла Киреевскому отъ Константина Юрьева Бѣдарева, котораго часть, по мнѣнію опекуновъ, должна полностію принадлежать Киреевскому; затѣмъ въ опредѣленіи изложена переходимость имѣнія отъ Бѣдаревыхъ вышеизложенная въ выписи Архива Министерства Юстиціи.

Въ засѣданіи явились повѣренные истицы присяжный повѣренный Каптыревъ и отвѣтчика коллежскій ассессоръ Чистяковъ. Причемъ г. Каптыревъ подтвердилъ искъ. Г. Чистяковъ объяснилъ, что выраженію, употребленному въ рѣшеніи Уѣзднаго Суда объ объявленіи этого рѣшенія Авдотьѣ Кореневой *яко настоящей вотчинницѣ* не слѣдуетъ придавать значенія въ смыслѣ признанія Судомъ права собственности за Кореневою, такъ какъ въ самомъ рѣшеніи говорится, что пустошь Медвѣдево принадлежитъ крестьянамъ г. Коренева и выраженіе это есть не болѣе какъ ошибка писца, тѣмъ болѣе, что Коренева умерла чуть не за 100 лѣтъ до этого; что доказательствами его довѣрителя на спорное имѣніе служатъ межевыя книги и ревизскія сказки, изъ которыхъ видно, что имѣніе состояло нѣсколько десятилѣтнихъ давностей за Кореневымъ и еслибъ владѣніе его было даже незаконнымъ, то все таки оно, какъ безспорное, должно обратиться въ право собственности, что межевыхъ книгъ и ревизскихъ сказокъ онъ не представляетъ потому, что самъ истецъ объясняетъ, что спорное имѣніе по этимъ книгамъ и сказкамъ числилось за Кореневымъ и что г. Каптыревъ основываетъ свой искъ на выписи изъ Архива Министерства Юстиціи, т.-е. на писцовыхъ книгахъ, но на

основаніи 683 ст. X т. ч. II, въ губерніяхъ, гдѣ произведено обмежеваніе, главнымъ доказательствомъ считаются межевыя книги и планы, а гдѣ такого обмежеванія еще не сдѣлано,— писцовыя книги, изъ чего слѣдуетъ заключить, что когда имѣются межевыя книги, писцовыя не имѣютъ значенія. Затѣмъ г. Чистяковъ сослался на рѣшеніе Сената № 549 т. 1-го Сборника рѣшеній Сената, въ которомъ дается именно такое значеніе межевымъ и писцовымъ книгамъ и объяснилъ, что такъ какъ съ 1777 по 1799 годъ спорное имѣніе было во владѣніи Коренева и это владѣніе не оспаривалось ни дочерью его, ни внукою и доказывается межевыми книгами и ревизскими сказками, просилъ въ искѣ г. Каптырева отказать и возложить на него судебныя и за веденіе дѣла издержки.

Г. Каптыревъ просилъ записать въ протоколъ употребленное г. Чистяковымъ въ его объясненіи выраженіе, что дѣло о пустошѣ Медвѣдевой было ведено старостой, вслѣдствіе довѣренности Коренева и за тѣмъ объяснилъ, что на основаніи 366 ст. Уст. Гражд. Суд. г. Чистяковъ долженъ доказать свои возраженія противъ иска, слѣдовательно долженъ доказать, что спорное имѣніе перешло отъ Авдотьи Кореневой къ Ивану Симоновичу Кореневу, съ какого времени владѣлъ Кореневъ и на какомъ правѣ; что прежде была давность сороколѣтняя и г. Чистяковъ ссылаясь на давность, долженъ доказать, что Кореневъ владѣлъ сорокъ лѣтъ и что г. Чистяковъ ничего этого не доказалъ, что кромѣ того прежде давность была не пріобрѣтательная, а исковая, что право Авдотьи Кореневой на спорное имѣніе утверждается не на основаніи писцовыхъ книгъ, а на актѣ наслѣдства, такъ какъ она была утверждена къ этому имѣнію въ правахъ наслѣдства, введена во владѣніе и сдѣланъ былъ отказъ; что межевыя книги не могутъ служить доказательствомъ права собственности, такъ какъ на основаніи 683 ст. X т. ч. II право вотчинное на имущество утверждается актами установленнымъ порядкомъ крѣпостныхъ дѣлъ совершенными, каковы суть: акты наслѣдства, завѣщанія, купчія и проч. и что хотя во второй половинѣ этой статьи и говорится, что въ губерніяхъ обмежеванныхъ въ числѣ доказательствъ принимаются межевыя книги, но межевыя книги указываютъ только, сколько земли и какія угодья приписаны къ селеніямъ, слѣдовательно и могутъ служить доказательствомъ только количества земли и въ 883 и 884 ст. X т. ч. III и указѣ отъ 25-го мая 1766 года

за № 12,659, на которомъ основана и 683 ст. X т. ч. II, прямо говорится, что при спорахъ о правѣ собственности межевыя книги не могутъ служить доказательствомъ и что не могутъ служить такимъ доказательствомъ и ревизскія сказки, что видно изъ указовъ 1782 года 23 Ноября за № 15,598 и 1754 года 13 мая за № 10,233. Затѣмъ г. Каптыревъ объяснилъ, что спорное имѣніе въ межевыхъ книгахъ записано было за Кореневымъ, это объясняется тѣмъ, что прежде имѣніе невѣсты укрѣплялось за женихомъ и потомъ, хотя этотъ законъ былъ уничтоженъ, но на практикѣ все таки имѣніе продолжалось считаться за мужемъ и только когда послѣдній умиралъ, имѣніе считалось за женою. Г. Чистяковъ въ своемъ возраженіи объяснилъ, что всѣ изданные прежде указы замѣнены сводомъ законовъ, которымъ однимъ и слѣдуетъ руководствоваться и подтвердилъ свои прежнія возраженія. По выслушаніи вышеизложеннаго Окружный Судъ находитъ что истцу слѣдуетъ доказать: 1) что спорное имущество, при переходѣ отъ Ивана Бѣдарева къ Николаю Киреевскому, не потеряло своего родоваго характера и притомъ досталось ему по наслѣдству не черезъ Ивана Коренева, а черезъ Авдотью Кореневу; 2) что Марья Алеевская происходитъ отъ Ивана же Бѣдарева и слѣдовательно находится въ кровномъ родствѣ съ Киреевскимъ; 3) что такимъ образомъ спорное имѣніе по наслѣдству послѣ Николая Киреевскаго должно перейти не къ настоящему его владѣльцу Деханову, а къ просительницѣ Алеевской. При разрѣшеніи 1го вопроса Окружный Судъ находитъ: 1) что переходъ спорнаго имѣнія сельца Панфилова и деревни Кирилова по наслѣдству отъ Ивана Бѣдарева къ Авдотьѣ Кореневой доказывается представленной истцомъ выписью изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи слѣдующимъ образомъ: а) въ 1627 году Панфилово и Кирилово писаны за братомъ Ивана Иванова, Юрьемъ; б) черезъ 88 лѣтъ въ 1715 году Афанасій Андреевъ Бѣдаревъ ходатайствуетъ о справкѣ за нимъ того же самаго имѣнія (Панфилова, Кирилова, Медведѣва), при чемъ представляетъ въ подтвержденіе своего происхожденія отъ Ивана Бѣдарева родословную изъ коей видно, что онъ происходитъ отъ сына Иванова Якова черезъ сына его Андрея, причемъ Судъ призналъ это родство и справилъ за нимъ спорное нынѣ имѣніе и в) черезъ 20 лѣтъ въ 1735 году имѣнія Афанасья и сына его Ивана, за выдѣломъ указанной части вдовамъ Афанасья и Ивана, закрѣплено за

внукою Афанасья и дочерью Ивана Авдотьей Ивановой и въ числѣ того имѣнія находятся опять селенія Панфилово и Кирилово и Медвѣдево. Такимъ образомъ рядомъ судебныхъ рѣшеній признано происхожденіе Авдотьи отъ Ивана Бѣдарева и во всѣхъ отказахъ упоминаются послѣдовательно селенія Панфилово и Кирилово съ пустошами; 2) что вступленіе Авдотьи Бѣдаревой въ бракъ съ Иваномъ Симоновымъ Кореневымъ доказывается: а) прошеніемъ опекуна надъ имѣніемъ Киреевскаго поданнымъ 27 Сентября 1806 года въ Вотчинный Департаментъ, въ которомъ онъ между прочимъ признаетъ селенія Панфилово и Кирилово дошедшими къ Киреевскому отъ прабабки Авдотьи Ивановой Кореневой, урожденной Бѣдаревой, черезъ бабку Марью Стремоухову и мать Елисавету Киреевскую, т.-е. показаніемъ наслѣдника ея и б) рѣшеніемъ Любимскаго Уѣзднаго Суда отъ 29 Августа 1807 года изъ коего видно: а) что крестьянинъ Яковлевъ (помѣщика Коренева) показалъ, что пустошь Медвѣдево дошла женѣ Коренева Авдотьѣ Ивановой отъ предковъ ея Бѣдаревыхъ и б) что рѣшеніе по дѣлу о пустоши Медвѣдевой было объявлено той же Авдотьѣ Кореневой *яко настоящей вотчиницѣ*, т.-е. опредѣленіемъ Суда и признавшимъ Авдотью Кореневу женою умершаго уже тогда Ивана Коренева. 3) Что изъ той же справки Архива Министерства Юстиціи видно, что свѣдѣній о переходѣ спорнаго имѣнія отъ Авдотьи къ мужу ея Ивану Кореневу, дочери Марьѣ и внукѣ Елисаветѣ по документамъ вотчинной коллегіи не оказалось; между тѣмъ по 4 и 5 ревизіи и по планамъ генеральнаго межеванія, какъ это видно изъ рѣшенія Ярославскаго Окружнаго Суда отъ 10 Марта 1872 года, нынѣ спорное имѣніе значилось за Иваномъ Симоновымъ Кореневымъ, такъ какъ переходъ всякаго недвижимаго имѣнія до учрежденія о губерніяхъ, вѣдался Вотчинными учрежденіями (приказомъ а затѣмъ коллегіей) то ясно, что переходъ этотъ немогъ совершиться ни дареніемъ ни продажею, ни мѣною, такъ какъ тогда была бы о томъ видимость въ архивѣ министерства юстиціи. Хотя довѣренный Деханова коллежскій ассесоръ Чистяковъ и утверждаетъ, что спорное имущество находилось въ фактическомъ владѣніи Ивана Симонова Коренева, въ подтвержденіе чего ссылается во 1-хъ на то, что имѣніе по 4 и 5 ревизіи числилось за Иваномъ Кореневымъ, а не за его женою, во 2-хъ, что занимъ же оно значится и по планамъ и межевымъ книгамъ генеральнаго межеванія, каковые акты, по мнѣ-

нію г. Чистякова, на основаніи 683 ст. II ч. X т. Св. Законовъ, должны быть признаны доказательствомъ права собственности Ивана Коренева на спорное имѣніе, и 3) что если бы даже Иванъ Кореневъ владѣлъ имѣніемъ и не правильно, но такъ какъ онъ имъ владѣлъ съ 1777 по 1799 годъ т. е. болѣе десяти лѣтъ, то во всякомъ случаѣ безспорное владѣніе это обратилось въ право собственности; но соображенія довѣреннаго Чистякова Окружный Судъ не можетъ признать правильными, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) ревизскія сказки не могутъ быть признаны доказательствомъ права собственности на спорное имущество и таковыми никогда не признавались нашимъ законодательствомъ, это доказывается слѣдующими указами, помѣщенными въ полномъ собраніи законовъ: а) Указъ 1754 года 13 мая № 10233 подлинныя выраженія его слѣдующія: „*за кѣмъ по ревизіямъ въ подушномъ окладѣ написаны явятся цѣлыя села и деревни, или хоть нѣкоторыя изъ оныхъ части, а тѣ недвижимыя имѣнія не ихъ, такимъ быть за тѣми кому оныя по крѣпостямъ, по всякимъ сдѣлкамъ или по наслѣдству принадлежатъ, а тѣмъ что записаны за кѣмъ, по бывшимъ двумъ ревизіямъ въ крѣпости не ставить*“ и б) Указъ 23 ноября 1782 г. № 15598 подлинныя выраженія его слѣдующія: *ежели найдется, что кто либо въ числѣ душъ, раздробленіе сдѣлалъ въ однихъ ревизскихъ сказкахъ безъ должнаго законнымъ порядкомъ утвержденія, за таковыми написанное число душъ почитать за однимъ настоящимъ владѣльцемъ, не смотря на таковое въ сказкахъ раздробленіе.*“ 2) межевые планы и книги, на основаніи закона, также не могутъ быть принимаемы за доказательство права собственности извѣстнаго лица на спорное имущество, по слѣдующимъ соображеніямъ: а) на основаніи 683 ст. X т. ч. II право вотчинное на имущество утверждается актами установленнымъ порядкомъ у крѣпостныхъ дѣлъ совершенными (за тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе таковыхъ актовъ). Затѣмъ изображено: въ числѣ главныхъ доказательствъ въ губерніяхъ обмежеванныхъ принимаются выданные установленнымъ порядкомъ межевыя книги, а не въ обмежеванныхъ къ числу доказательствъ причисляются и прежнія писцовыя книги и дачи. Статья эта поясняется ст. 883 и 884 Раздѣлъ I отдѣлъ III „о доказательствахъ планами и межевыми книгами X т. III ч. законовъ межевыхъ. Изъ нихъ первая т. е. 883 ст. изложена такъ: „планы и межевыя книги выданныя на дачи и селенія обмежеванныя

во время генеральнаго межеванія, должны служить доказательствомъ владѣнія, всѣми тѣми землями кои къ которому селенію или пустоши примежеваны т. е. планы и (межевыя) книги служатъ доказательствомъ пространства извѣстной дачи. Ст. 884 изложена такъ: при разсмотрѣніи однакоже тяжебъ о цѣльныхъ селеніяхъ и пустошахъ въ судебныхъ мѣстахъ, если самыя крѣпости на тѣ селенія недѣйствительны, планы и межевыя книги не слѣдуетъ допринимать за доказательство принадлежности спорнаго селенія тому владѣльцу за которымъ они по межеванію записаны, т.-е. при спорахъ о самомъ правѣ на владѣніе даннымъ имѣніемъ межевые акты не составляютъ не только самостоятельнаго доказательства, но даже не могутъ быть принимаемы къ подтвержденіе другихъ имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, какъ ст. 683 X т. II ч. такъ и ст. 884. X т. III ч. основаны между прочимъ на указѣ 25 мая 1766 года № 12659, гл. IX ст. 6. Эта статья изложена такъ: „По разсмотрѣніи судебными мѣстами, если крѣпости явятся не дѣйствительными и будутъ уничтожены, то тому владѣльцу за кѣмъ по межеванію селеніе написано будетъ, въ крѣпость не ставить, а быть оному, съ тѣмъ же обмежеваніемъ, но за тѣми людьми, за кѣмъ по рѣшенію утвердится". Изъ вышеизложеннаго совершенно ясно, что на основаніи 683 ст. X т. II ч. при спорѣ о границахъ обмежеванныхъ дачь главнымъ доказательствомъ служатъ межевые акты, при спорѣ же о самомъ правѣ собственности на извѣстное имѣніе доказательствомъ права собственности на оное могутъ служить только акты крѣпостнымъ порядкомъ совершенные (и межевые акты ни въ какомъ случаѣ не принимаются за доказательство права собственности на спорное имѣніе). Что же касается до ссылки г. Чистякова на то, что спорнымъ имѣніемъ владѣлъ Иванъ Симоновъ Кореневъ нѣсколько десятилѣтнихъ давностей, то прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію этого возраженія г. Чистякова, Окружный Судъ считаетъ необходимымъ разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ и на какомъ основаніи имущество справленное въ 1735 году за Авдотьей Бѣдаревой могло перейти во владѣніе ея мужа и быть записаннымъ за нимъ по ревизіямъ и планамъ генеральнаго межеванія, тогда какъ свѣдѣній объ этомъ переходѣ нѣтъ въ Архивѣ Вотчинной коллегіи, т.-е. того единственнаго присутственнаго мѣста, въ вѣденіи коего находились всѣ вотчинныя дѣла и безъ опредѣленія котораго объ отказѣ (т.-е. о вводѣ во владѣніе) имущество не

могло быть перечислено за новымъ его пріобрѣтателемъ. Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ обратиться къ исторіи нашего законодательства. По уложенію царя Алексѣя Михайловича, помѣстныя земли, данныя на прожитокъ вдовамъ и дѣвкамъ, при выходѣ ихъ въ замужство, справлялись за женихами еще до женитьбы, „а кто таковаго помѣстья за собою не справитъ до женитьбы своей и учнетъ бити челомъ послѣ женитьбы своей, за нимъ того прожиточнаго помѣстья не справливать.“ (ст. 20 гл. XVI Улож.). Что же касается приданыхъ вотчинъ, данныхъ за женою, то хотя они и не составляли полной собственности мужа, но состояли въ его управленіи и на практикѣ писались за нимъ. Не смотря на повторительные указы мужья продавали и распоряжались придаными вотчинами своихъ женъ, какъ своею собственностью, что видно изъ указовъ 20 іюня 1676 года, 10 августа 1677 года, боярскаго приговора 12 марта 1680 года и 7 п. статьи о вотчинахъ 29 марта 1680 года. Указомъ 23 марта 1714 года фактически уничтожившимъ различіе между помѣстьемъ и вотчиной, вновь признано право дѣтей на имущество ихъ матери, не смотря на право отца распоряжаться приданымъ своей жены, 8 п. этого указа изложенъ такъ: „А у кого будутъ дѣти отъ разныхъ женъ и за матерями ихъ будутъ приданыя помѣстья и вотчины, а отецъ учинитъ наслѣдникомъ одного: и та воля отеческая на его токмо отеческія недвижимыя имѣнія, а въ матернихъ быть наслѣдникомъ дѣтямъ ихъ.“ Но не смотря на коренное преобразованіе права на приданое, признаннаго указомъ 23 марта 1714 г. исключительною собственностью жены, и подтвержденіе его указами 15 апрѣля 1716 г. и 28 мая 1725 года приданое жены продолжало на практикѣ считаться собственностью мужа, что видно между прочимъ и изъ того, что указъ отмѣнившій единонаслѣдіе 17 марта 1731 года въ 1 п. предписываетъ: „Послѣ умершихъ мужей изъ всего его недвижимаго имѣнія давать женѣ со 100 по 15 четвертей, а собственнымъ приданымъ ихъ имѣніямъ быть при нихъ, не зачитая того, въ ту указанную дачу, что надлежитъ дать изъ мужня.“ Хотя въ означенной ст. и не говорится о справкѣ имѣнія жены за мужемъ, но совершенно ясно, что еслибы имѣнія жены не продолжали на практикѣ считаться за мужемъ, то не было бы и надобности въ законѣ дѣлать оговорку о не зачетѣ тѣхъ имѣній на указанную часть. Затѣмъ въ инструкціи межевщикамъ 13 мая 1754 года въ главѣ XXX въ

ст. 7 сказано: „А за которыми приказными служителями, кои оберъ-офицерскихъ ранговъ не имѣютъ.... явятся во владѣніи недвижимыя имѣнія купленныя и закладныя, или по приданствамъ за женами. Слѣдовательно и въ 1754 году, не смотря на повторительные указы, признававшіе приданое исключительною собственностью жены, приданыя вотчины продолжали являться (считаться) за мужемъ. Изъ вышеизложеннаго очевидно, что и приданое имущество Авдотьи Кореневой, урожденной Бѣдаревой при ея жизни, хотя по закону и составляло ея полную собственность, но на практикѣ писалось за ея мужемъ, не составляя въ тоже самое время, его собственности. Послѣ же смерти Авдотьи Кореневой имущество ея находилось въ управленіи Ивана Симонова Коренева, не смотря на то, что у Авдотьи Кореневой остались дѣти, на основаніи существовавшихъ тогда узаконеній. Первое упоминаніе объ опекѣ надъ малолѣтними наслѣдниками недвижимыхъ имуществъ является въ указѣ 23-го августа 1708 года, но эта опека относится къ малолѣтнему оставшемуся безъ родителей. Въ указѣ 1724 года, п. 46 и учрежденіи о губерніяхъ 1775 г. ст. 212 упоминается только объ опекахъ надъ малолѣтними, оставшимися безъ родителей, опека же надъ имѣніемъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти ихъ матери принадлежала ихъ отцу. Каковы были права родителей надъ имѣніемъ, доставшимся ихъ дѣтямъ, до 31 мая 1804 года видно изъ прошенія княгини Александры Голицыной, по поводу коего воспослѣдовалъ указъ 31 мая 1804 года, запретившій продажу, закладъ и покупку имѣній, находящихся въ опекунскомъ управленіи. Княгиня Голицына просила, вслѣдствіе отказа, другаго опекуна, права закладывать, продавать и отпускать на волю людей принадлежащихъ ея малолѣтнимъ дѣтямъ безъ отчетно; что княгиня Голицына не просила себѣ привиллегіи на безотчетное распоряженіе имѣніемъ своихъ дѣтей, а считала это право принадлежащимъ каждому родителю, видно изъ мнѣнія государственнаго совѣта 27 апрѣля 1815 г. установившаго впервые имущественную отвѣтственность отца, въ управленіи имуществомъ принадлежащимъ его малолѣтнимъ дѣтямъ. Изъ вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что и послѣ смерти своей жены Иванъ Симоновъ Кореневъ управлялъ принадлежащимъ Авдотьѣ Кореневой имуществомъ не на правѣ полной собственности, а какъ опекунъ своей малолѣтней дочери Марьи Кореневой, вышедшей за Стремоухова. Въ 1778 г. Марья

Стремоухова была 18 лѣтъ, слѣдовательно 21 годъ исполнился ей въ 1781 или 1782 году между тѣмъ и въ 1794 г. имѣніе вновь записано за Иваномъ Симоновымъ Кореневымъ по 5-й ревизіи. Такая записка имѣнія за Кореневымъ на основаніи вышеприведенныхъ соображеній не можетъ служить доказательствомъ того, что Кореневъ дѣйствительно владѣлъ этимъ имуществомъ на правѣ полной собственности; Стремоухова, а за тѣмъ дочь ея Елисавета Киреевская въ равной мѣрѣ были наслѣдницами, какъ Авдотьи, такъ и Ивана Кореневыхъ, очевидно при томъ значеніи и силѣ которую законъ придавалъ власти родительской въ то время, искъ противу отца и дѣда, дочерью и внукою былъ немыслимъ, но что владѣніе Коренева было не на правѣ собственности, что оно таковымъ и не признавалось ни закономъ, ни судомъ доказывается тѣмъ: 1) что Любимскій Уѣздный судъ рѣшеніе по пустоши Медвѣдевой въ 1801 г., объявилъ не наслѣдникомъ Ивана Коренева, за его смертію, а его женѣ Авдотьѣ Кореневой „*яко настоящей вотчиницѣ*“ или въ случаѣ ея смерти (что въ дѣйствительности и случилось) ея наслѣдникамъ и 2) что опекуны малолѣтняго Киреевскаго во всѣхъ бумагахъ подаваемыхъ ими въ судъ (рѣшенія Ярослав. Гражд. Пал. л. 79 об. и выпись Архива Мин. Юстиціи л. 38) вездѣ признавали спорное имущество дошедшимъ къ малолѣтнему Киреевскому не отъ прадѣда Ивана, а отъ прабабки Авдотьи Кореневой черезъ ея предковъ. Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что спорное нынѣ имѣніе перешло изъ рода Бѣдаревыхъ по наслѣдству черезъ Авдотью Иванову Кореневу, урожденную Бѣдареву, черезъ дочь ея Стремоухову и внуку Елисавету Киреевскую къ Николаю Киреевскому, сохранивъ при томъ свой родовой характеръ (л. 12 и 13 дѣла рѣшен. Яросл. Окр. Суда и л. 18 рѣш. Судебн. Палаты). При разрѣшеніи втораго вопроса: доказано ли происхожденіе просительницы Марьи Алеевской отъ Ивана Бѣдарева Окружный Судъ находитъ: 1) родство Якова съ Петромъ Бѣдаревымъ (родные братья), доказывается представленною истцомъ справкою изъ Ярославскаго Депутатскаго Собранія, изъ которой видно, что въ 1653 г. послѣ Ивана Иванова Бѣдарева, его Иваново помѣстье дано дѣтямъ его (братьямъ) Якову да Петру, тоже видно изъ рѣшенія Приказа 2 февраля 1712 года, по дѣлу о выдачѣ Аннѣ Бѣдаревой на прожитокъ изъ имѣнія Петра; 2) изъ этого же рѣшенія видно, что у Петра былъ сынъ

Иванъ; 3) что изъ рѣшенія Вотчинной Коллегіи, отъ 24 февраля 1749 г., видно, что у Ивана былъ сынъ Максимъ, за которымъ справлена половина имѣнія Ивана, а изъ совершенной въ 1790 г. 7 марта въ Любимскомъ Уѣздномъ Судѣ дарственной записи видно, что у Максима былъ между прочимъ сынъ Иванъ; 4) что изъ свидѣтельства Ярославской Духовной Консисторіи видно, что у Ивана Максимова 27 марта 1796 г. родилась дочь Матрена и 5) что опредѣленіемъ Ярославской Палаты Гражданскаго Суда, отъ 6 іюля 1856 г., Марья Алеевская признана внукою Ивана Максимова Бѣдарева, отъ дочери его Матрены, вышедшей за Насонова, и утверждена въ правахъ наслѣдства къ имѣнію сына Ивана Максимова, Александра Иванова Бѣдарева. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что происхожденіе Марьи Алеевской отъ Ивана Иванова Бѣдарева, черезъ сына его Петра, брата Якова, представляется доказаннымъ послѣдовательно рядомъ вошедшихъ въ законную силу судебныхъ рѣшеній, которыя на основаніи 68 ст. Основ. Госуд. Зак. т. I Св. Зак. имѣютъ каждое силу закона для того дѣла, по которому они составлялись, а слѣдовательно и представленіе вновь доказательства родства указанныхъ въ ст. 209 въ настоящемъ дѣлѣ представляется излишнимъ. Переходя за симъ къ разрѣшенію 3-го вопроса и принимая во вниманіе: 1) что на основаніи ст. 1105 X т. ч. I къ наслѣдованію допускаются лица кровнымъ родствомъ съ умершимъ соединенныя; 2) что по ст. 1138 въ боковыхъ линіяхъ имѣнія переходятъ, отцовское всегда въ родъ отца, а материнское въ родъ матери; 3) что спорное имѣніе въ родъ Киреевскаго перешло, отъ Ивана Иванова изъ рода Бѣдаревыхъ, а не изъ рода Кореневыхъ; 4) что настоящій владѣлецъ имѣнія Дехановъ, какъ это видно изъ опредѣленія Московской Судебной Палаты отъ 11 іюня 1872 г., кровный родственникъ Ивана Коренева, а не жены его Авдотьи, которой принадлежало спорное имѣніе, и 5) что происхожденіе Марьи Алеевской отъ Ивана Иванова Бѣдарева черезъ сына его Петра представляется доказаннымъ, Окружный Судъ не можетъ не признать, что искъ Алеевской объ изъятіи спорнаго имѣнія изъ владѣнія Деханова, представляется доказаннымъ, а потому опредѣляетъ: 1) признавъ за вдовою поручика Марьею Александровною Алеевскою право собственности на имѣніе умершаго помѣщика, отставнаго гвардіи ротмистра Николая Васильева Киреевскаго, состоящее Любимскаго уѣзда, въ деревняхъ: Ки-

риловѣ и Панфиловѣ съ пустошами, какъ наслѣдницы въ этомъ имѣніи, изъять оное изъ владѣнія коллежскаго регистратора Афанасья Алексѣева Деханова; 2) количество же понесенныхъ по сему дѣлу судебныхъ издержекъ за веденіе дѣла, а равно и взысканіе доходовъ, полученныхъ Дехановымъ со спорнаго имѣнія, со времени объявленія Деханову установленнымъ порядкомъ объ открытіи спора противъ его владѣнія, предоставить истицѣ отыскивать въ исполнительномъ порядкѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О правѣ соучастниковъ на раздѣлъ общаго имѣнія.

(по поводу рѣшенія гражд. кассац. департ. 1871 г. № 432).

Для лучшаго разъясненія этого вопроса приведу вкратцѣ обстоятельства дѣла, рѣшенія судебныхъ инстанцій и положенія, высказанныя сенатомъ, кассировавшимъ рѣшеніе:

Братья Иванъ и Владиміръ Исаевы купили на общія деньги домъ. Единственный наслѣдникъ старшаго изъ братьевъ-пріобрѣтателей, Ивана, Александръ Ивановъ Исаевъ, находя для себя неудобнымъ продолжать общее владѣніе съ наслѣдниками его дяди, обратился въ Окружный Судъ съ прошеніемъ о раздѣлѣ дома, и по истеченіи 2 лѣтъ современи подачи имъ заявленія о судебномъ раздѣлѣ, ходатайствовалъ объ оставленіи всего дома за нимъ, какъ наслѣдникъ старшаго брата. С.-Петербургскій Окружный Судъ и судебная палата утвердили домъ за нимъ, обязавъ его внести половину стоимости дома по оцѣнкѣ.

Кассаціонный департаментъ отмѣнилъ рѣшеніе палаты, находя что правила о раздѣлѣ наслѣдства, содержащіяся въ 1315 и слѣд. ст. X т. I ч., не примѣняются къ участникамъ общаго имущества не по наслѣдству.

Прежде всего нужно остановиться на слѣдующихъ тезисахъ упомянутаго рѣшенія: „Право общей собственности можетъ образоваться во 1-хъ общимъ пріобрѣтеніемъ имущества двумя

или нѣсколькими лицами, и во 2-хъ переходомъ имущества по наслѣдству къ двумъ или нѣсколькимъ лицамъ. Въ первомъ случаѣ права каждаго изъ соучастниковъ опредѣляются тѣмъ актомъ или договоромъ, въ силу котораго пріобрѣтеніе совершилось, и самый способъ общаго владѣнія опредѣляется законами изложенными въ ст. 545—555. т. X ч. I. Относительно права выдѣла изъ такого имущества или раздѣла онаго, оно можетъ быть послѣдствіемъ или общаго всѣхъ на то согласія, по смыслу 546 ст. или просто заявленія соучастника, что онъ не желаетъ оставаться въ общемъ имѣніи, на основаніи 550 ст., если не изъявилъ на то согласія. Но при этомъ законъ не лишаетъ каждаго соучастника возможности выйдти изъ общаго владѣнія способами, указанными въ ст. 548 и 555, т. е. каждый соучастникъ можетъ продать или уступить другому то, что на часть его причитается съ тѣмъ однако, что прочимъ соучастникамъ если не захотятъ того допустить, предоставляется право оставить эту часть за собою, заплативъ за нее деньги по оцѣнкѣ".

Въ этомъ рѣшеніи усматривается много неточности и противорѣчій приведеннымъ въ немъ узаконеніямъ.

Нельзя прежде всего не обратить вниманіе на смѣшеніе раздѣльнаго съ нераздѣльнымъ имуществомъ, которое замѣчается въ этомъ рѣшеніи, и относительно которыхъ сенатъ высказываетъ однѣ и тѣ же положенія, тогда какъ права соучастниковъ, того и другаго имущества совершенно различны.

1) Сенатъ говоритъ относительно права выдѣла изъ такого имущества или раздѣла онаго, оно можетъ быть послѣдствіемъ или общаго всѣхъ на то согласія, по смыслу 546 ст., или простаго заявленія, что онъ не желаетъ оставаться. Тутъ возникаетъ недоумѣніе: неужели кассаціонный департаментъ находитъ что, по 546 ст., можно съ общаго согласія выдѣлить или раздѣлить нераздробляемое имущество. Вѣдь сущность нераздѣльнаго имущества именно заключается въ томъ, что оно по существу своему или по закону не можетъ подлежать раздробленію (ст. 393 зак. гражд.). Статья же 546 обусловливаетъ только распоряженіе нераздробляемаго имущества общимъ согласіемъ, т. е., законъ ограничиваетъ волю большинства соучастниковъ по распоряженію общимъ нераздѣльнымъ имуществомъ при отсутствіи согласія меньшинства или даже одною изъ нихъ, но изъ этого нельзя дѣлать вывода, что законъ дозволяетъ совершить выдѣлъ или раздѣлъ этого имущества съ общаго сог-

ласія, когда самъ законъ признаетъ его неспособнымъ и неподдающимся дробленію или раздѣлу.

2) Далѣе сенатъ говоритъ: но при этомъ законъ не лишаетъ каждаго соучастника возможности выйдти изъ общаго владѣнія способами, указанными въ 548 и 555 ст. Изъ этого слѣдуетъ, что другаго исхода для соучастника въ имуществѣ, подлежащемъ раздѣлу не имѣется, но это опять такое ограниченіе, котораго законъ неустановилъ вовсе.

Изъ буквальнаго смысла 554 ст. и изъ сопоставленія ея съ 550 ст. положительно явствуетъ, что имущество не принадлежащее къ категоріи нераздробляемыхъ, можетъ быть раздѣляемо даже по желанію одного соучастника; что только до раздѣла законъ сравниваетъ его, относительно полученія доходовъ и распоряженія, съ нераздѣльнымъ имуществомъ, а въ слѣдующей 555 ст. содержится положительное правило, дозволяющее соучастнику раздробляемаго имущества, продать или уступить часть свою даже до раздѣла. Изъ этого видно, что дозволяя соучастнику уступить свою часть, законъ не возбраняетъ первоначальному соучастнику просить о выдѣлѣ или раздѣлѣ (новому соучастнику можетъ быть дѣйствительно вмѣсто выдѣла уплачено за его часть по оцѣнкѣ).

3) Касательно же способа выхода соучастника изъ общаго владѣнія, въ раздробляемомъ и нераздробляемомъ имуществѣ по отношенію къ оставшимся соучастникамъ, существуетъ рѣзкая разница въ правилахъ статей 548 и 555. Такъ въ силу 555 ст., въ раздѣльномъ имуществѣ каждый соучастникъ можетъ продать или уступить свою часть кому пожелаетъ а прочія соучастники не обязываются вовсе непремѣнно пріобрѣсти его удѣлъ (и это объясняется неограниченнымъ правомъ отчужденія помимо согласія прочихъ). Между тѣмъ какъ 548 ст., ограничивая съ одной стороны уступку однимъ изъ соучастниковъ своей части безъ согласія другихъ, съ другой стороны обязываетъ несоглашающихся на уступку соучастниковъ непремѣнно пріобрѣсти отъ него уступаемую часть по оцѣнкѣ. Въ этомъ убѣждаетъ какъ буквальный смыслъ, такъ и точный разумъ этого закона, что онъ ограничивая одного изъ нихъ, налагаетъ обязанность на прочихъ. Слѣдовательно въ нераздѣльномъ имуществѣ соучастникъ не можетъ уступить часть свою другому, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочіе соучастники обязываются пріобрѣсти его часть, при отсутствіи ихъ согласія на уступку; иное дѣло

въ раздѣльномъ имуществѣ, тамъ каждый соучастникъ можетъ безпрепятственно уступить часть свою кому пожелаетъ, а прочіе соучастники могутъ только не допускать до выдѣла новаго соучастника, но не могутъ препятствовать общему владѣнію и въ этомъ только и разнится право первоначальнаго соучастника могущаго требовать раздѣла или выдѣла, отъ новаго соучастника, который имѣя право на совмѣстное владѣніе, можетъ быть устраненъ при желаніи выдѣлится *).

Въ виду этого является дѣйствительно непонятнымъ смыслъ 1313 ст. т. X. ч. I, въ которой сказано: „Наслѣдники, когда ихъ осталось два или болѣе, могутъ, буде того пожелаютъ, остаться въ общемъ владѣніи наслѣдственными имуществами и въ семъ случаѣ примѣняются къ нимъ всѣ правила о правѣ собственности общемъ изложенныя выше въ ст. 534, 555 и 2) требовать раздѣла". Здѣсь невольно возникаетъ слѣдующій вопросъ: въ ст. 543—555 трактуется именно какъ объ имуществахъ подлежащихъ раздѣлу такъ и о нераздѣльныхъ. Такъ какъ имущество раздѣльное можетъ быть подвергнуто раздѣлу по требованію кого либо изъ соучастниковъ, то очевидно что достаточно одного указанія закона, что къ наслѣдственному имуществу примѣняются правила содержащіяся въ ст. 543—555., зачѣмъ же еще добавить, что имъ предоставляется требовать раздѣла; съ другой стороны безусловное право наслѣдниковъ требовать раздѣла не совсѣмъ вѣрно, ибо оно противорѣчитъ 393 ст. устанoвляющей нераздробляемость нераздѣльнаго имущества. И даже при способѣ, указанномъ въ 1324 ст., о преимущественномъ правѣ старшаго наслѣдника взять все нераздробляемое имущество и выплатить прочимъ соучастникамъ тоже не отрицается принципъ нераздробляемости имущества, *ибо это только преимущественное право а не обязанность,* слѣдовательно при нежеланіи однимъ изъ участниковъ пользоваться этимъ преимуществомъ, нераздробляемое имущество остается въ общемъ владѣніи всѣхъ, стало-быть безусловность раздѣла, о которой говорится во 2 пунктѣ приведенной 1313 ст. остается непремѣнною. Въ

---

*) *Примѣчаніе 1.* Исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано для пріобрѣтателей съ публичныхъ торговъ. Купившій съ торговъ принадлежавшую соучастнику часть въ раздѣльномъ или нераздѣльномъ имуществѣ вступаетъ во всѣ его права (ст. 1188 уст. гр. суд. и 2062 ст. т. X. ч. II св. зак. изд. 1857 г.) и въ этихъ случаяхъ не имѣетъ примѣненія 555 ст. зак. гражд.

самомъ дѣлѣ законъ, упоминая въ 1324 ст. о преимущественномъ правѣ старшаго наслѣдника оставить за собою все нераздробляемое имущество и о переходѣ этого преимущества къ младшему, ничего не говоритъ, какъ поступать въ томъ случаѣ когда никто не пожелаетъ оставить имѣніе за собою: слѣдуетъ ли наслѣдникамъ оставаться въ общемъ владѣніи или они могутъ допустить раздѣлъ по средствамъ продажи и распредѣленія по соразмѣрности вырученныхъ денегъ.

Но если сопоставить 1324 ст. съ 548 ст. выходитъ, что въ нихъ содержится сходное правило по отношенію къ нераздробляемому имуществу. 548 ст. постановляетъ, что участникъ въ нераздѣльномъ имуществѣ можетъ уступить часть свою не иначе какъ съ согласія прочихъ, причемъ, какъ выше разъяснено въ случаѣ неизъявленія согласія прочими соучастниками на уступку, они обязаны пріобрѣсти уступаемую часть. Это правило вполнѣ примѣняется и къ наслѣдникамъ нераздѣльнаго имущества, съ тою разницею, что преимущество на пріобрѣтеніе всего имущества принадлежитъ старшему, а отъ него младшему. Но если никто не желаетъ пользоваться этимъ преимуществомъ, то преимущество это превращается въ обязанность, т. е., если одинъ изъ соучастниковъ, желаетъ уступить кому либо свою часть, а прочіе соучастники несоглашаются на эту уступку, то уступающій можетъ обратиться къ несоглашающимся съ требованіемъ о пріобрѣтеніи его части *),

4) Въ 3 пунктѣ 277 ст. X т. I ч. постановлено, что продажа имѣній недвижимыхъ принадлежащихъ малолѣтнимъ, допускается при раздѣлѣ между наслѣдниками совершеннолѣтними и малолѣтними. Правило это вѣроятно относится къ нераздробляемому имѣнію, при нежеланіи соучастниковъ воспользоваться правомъ преимущества, установленнаго въ приведенной 1324 ст. ибо касательно имущества, подлежащаго раздѣлу, оно, по смыслу 1313 и 1336 ст., можетъ идти въ раздѣлъ. Но здѣсь тоже не разъяснено какое имущество, раздѣльное или нераздѣльное

*) *Примѣчаніе 2.* Въ курсѣ гражд. права, г. Побѣдоносцева, т. 2. стр. 20 высказано то же мнѣніе, что соучастники обязаны или изъявить согласіе или купить продаваемую часть. Однако относительно преимущественной покупки наслѣдниками части, продаваемой однимъ изъ нихъ, онъ ссылается на 1313, 1314 и 555 ст. Но это не оправдывается буквальнымъ смысломъ послѣдней 555 ст.

можетъ быть продано и вообще нѣтъ въ законѣ указанія какъ поступать съ нераздробляемымъ имуществомъ принадлежащимъ совершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ, при нежеланіи ихъ оставить за собою преимущественнымъ способомъ, указаннымъ въ 1324 ст. Нельзя при этомъ не замѣтить, что по буквальному смыслу приведеннаго 3 п. 277 ст. допускается продажа имѣнія малолѣтнихъ при раздѣлѣ таковаго между ними и совершеннолѣтними безразлично, состоятъ ли тѣ и другіе наслѣдниками одного собственника наслѣдодателя, или оно досталось наслѣдникамъ отъ участниковъ общей собственности, если даже допустить это различіе, установленное вышеприведеннымъ рѣшеніемъ кассаціоннаго департамента за № 432. Поэтому сенатъ могъ кассировать рѣшеніе судебныхъ инстанцій, утвердившихъ этотъ раздѣлъ, въ виду 3 п. 277 ст., установляющей въ подобныхъ случаяхъ продажу всего имущества, которая можетъ послѣдовать не раньше разрѣшенія таковой правительствующимъ сенатомъ *).

5) Нельзя также не обратить вниманія на редакцію слѣдующей 1314 ст. Въ ней постановлено, что каждому изъ наслѣдниковъ, состоящихъ въ общемъ владѣніи, дозволяется отчуждать до раздѣла доставшуюся ему часть, но не прежде однакоже, когда прочіе сонаслѣдники отрекутся пріобрѣсти оную для себя съ заплатою ему за нее по оцѣнкѣ. Изъ слова *до раздѣла* явствуетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о раздробляемомъ имуществѣ ибо въ нераздробляемомъ немыслимъ раздѣлъ. Такимъ образомъ законъ этотъ дозволяетъ наслѣднику въ имуществѣ, могущемъ раздѣляться, продать свою въ немъ часть, не прежде какъ когда прочіе сонаслѣдники отрекутся отъ пріобрѣтенія таковой, тогда какъ выше разъяснено, что по ст. 555 участнику раздробляема-

---

*) *Примѣчаніе 3.* По 827 ст. Code Napoleon если недвижимое имущество (рѣчь идетъ о наслѣдственномъ) не можетъ быть съ удобностью раздѣлено, то оно поступаетъ въ публичную продажу. Изъ этой статьи видно, что продажа производится и въ томъ случаѣ когда всѣ соучастники совершеннолѣтніе. Это правило повторяется и въ отдѣлѣ о продажѣ. Въ ст. 1686 постановлено если вещь, принадлежащая нѣсколькимъ лицамъ, не можетъ быть раздѣлена удобно и безъ потери, или если при раздѣлѣ по взаимному соглашенію общихъ имуществъ находятся между ними такія, которыхъ ни одинъ изъ участвующихъ въ раздѣлѣ не можетъ или не хочетъ взять, то производится продажа съ публичныхъ торговъ и вырученная цѣна дѣлится между сохозяевами.

го имущества предоставляется продать свою часть безпрепятственно съ тѣмъ только: что при желаніи новаго пріобрѣтателя выдѣлить себѣ свою часть прочимъ соучастникамъ предоставляется заплатить ему (т. е. пріобрѣвшему отъ перваго соучастника) по оцѣнкѣ. Но о предварительномъ согласіи на продажу однимъ изъ соучастниковъ своей части (согласіе требуется на продажу всего имѣнія, состоящаго въ общемъ владѣніи) законъ ничего не говоритъ, а въ предшедшей 1313 ст. законъ опредѣляетъ, что къ наслѣдникамъ примѣняются правила въ ст. 543 — 555., въ силу которой дозволяется участнику продать свою часть раздробляемаго имущества, безъ всякаго согласія, а отъ наслѣдника требуется по ст. 1314 предварительное согласіе на отчужденіе своей части.

6) Что по смыслу 555 ст. дозволяется каждому въ имѣніи, подлежащемъ раздѣлу, продать или заложить свою часть безъ согласія прочихъ, а ограниченіе, содержащееся въ началѣ этой статьи, относится до продажи всего имѣнія ясно видно изъ 13 и 14 ст. XVII главы уложенія царя Алексѣя Михайловича, на которыхъ основана 555 ст., какъ видно изъ напечатанныхъ подъ нею цитатъ. Изъ этихъ же статей уложенія усматривается, что правило, выраженное въ 555 ст. именно относится къ наслѣдникамъ одного вотчинника, а не къ участникамъ общей собственности, доставшейся не по наслѣдству. Почему разъясненіе сената, что правила 543—555 ст. не относятся до наслѣдниковъ— ничѣмъ не объяснимо.

Хотя по 555 ст. пріобрѣвшій отъ соучастника уступленную ему часть не можетъ просить о выдѣлѣ, и ему вмѣсто онаго можетъ быть выплачено за его часть по оцѣнкѣ, но купившій подобную часть не по добровольной продажѣ, а съ публичныхъ торговъ, вступаетъ вообще въ права прежняго владѣльца соучастника, какъ видно изъ 1188 ст. уст. гр. суд. и 2062 ст. т. X ч. II. и ограниченіе это для новаго пріобрѣтателя съ публичныхъ торговъ не существуетъ.

7) Къ крайнему сожалѣнію кассаціонный д-тъ, касаясь этого важнаго вопроса, обошелъ его молчаніемъ относительно 2-хъ лѣтняго срока, установленнаго для раздѣла наслѣдства. Установивъ то положеніе, что правила о раздѣлѣ наслѣдства не примѣняются къ общей собственности, принадлежащей двумъ участникамъ, сенатъ не разъяснилъ ничего о времени раздѣла, онъ только говорилъ, что право выдѣла или раздѣла можетъ быть

послѣдствіемъ заявленія соучастника, что онъ не желаетъ оставаться въ общемъ имѣніи. Нѣтъ сомнѣнія что законъ, установивъ 2-хъ годичный срокъ для добровольнаго соглашенія наслѣдниковъ, лишь въ видахъ примиренія наслѣдниковъ и для побужденія ихъ установилъ 6% штрафъ, но для выдѣла участника не наслѣдника, нѣтъ надобности въ такомъ дальнемъ срокѣ. При этомъ слѣдуетъ опять замѣтить уклончивость кассаціоннаго департамента отъ всесторонняго разъясненія этого вопроса, ибо хотя присяжный повѣренный Герардъ и жаловался на судебную палату по поводу наложенія на его довѣрителей штрафа, но сенатъ проходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. И такъ ни относительно срока, ни о положенномъ штрафѣ сенатъ ничего неразъяснилъ по отношенію къ раздѣлу общей собственности, доставшейся участникамъ не по наслѣдству.

8) Относительно раздѣла движимости какъ видно изъ 1409 ст. уст. гр. суд. мировой судья приступаетъ къ производству раздѣла не раньше 2-хъ лѣтъ но о штрафѣ опять умалчивается. Здѣсь кстати возникаетъ вопросъ: относятся ли вышеприведенныя правила общаго владѣнія къ движимому имуществу.

Въ 544 ст. сказано „право общаго владѣнія относится или къ имуществу, которое по свойству своему или по закону есть не дѣлимое или же къ имуществу, подлежащему раздѣлу“. Изъ содержанія этого закона можно вывести то заключеніе, что вообще право общей собственности относится къ той категоріи имуществъ, которыя по свойству своему или по закону подлежатъ или не подлежатъ раздробленію. Изъ буквальнаго же смысла 393 ст. видно, что раздѣльность или нераздѣльность имущества установлена только для недвижимости, ибо въ слѣдующей 394 ст., въ которой содержится исчисленіе всѣхъ родовъ раздѣльныхъ имуществъ, нѣтъ никакого указанія на движимость, за исключеніемъ золото-содержащихъ пріисковъ, которыхъ тоже нельзя окончательно отнести къ движимому имуществу. Такимъ образомъ, сопоставляя эти законоположенія, выходитъ, что въ движимыхъ имуществахъ законъ не установилъ права общей собственности. Но по самой сущности права собственности и существованію права общей собственности въ недвижимомъ имуществѣ, нѣтъ основанія устранить это право изъ движимости, ибо тѣмъ путемъ, по которому достается недвижимость двумъ лицамъ, пріобрѣтающимъ на нее право общей собственности, можетъ дойти и движимая вещь нѣсколькимъ лицамъ, которыя

вмѣстѣ нераздѣльно имѣютъ на нее право собственности. Неволинъ въ своей исторіи росс. гр. зак. (т. IV стр. 22, § 222) говоритъ, что къ числу нераздѣльныхъ имуществъ были относимы и относятся какъ недвижимыя такъ и движимыя. Но если обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ нашимъ гражд. законамъ оказывается что въ ст. 1381—1401 т. X ч. I трактующихъ о продажѣ движимаго и недвижимаго имущества, дѣлающихъ самую продажу недѣйствительною, упоминается въ 1396 ст. о запрещеніи раздроблять продажею имѣніе нераздробляемое, а относительно движимаго имущества говорится только въ ст. 1394 и 1399 о воспрещеніи продать имущество, состоящее въ опекѣ, описи или секвестрѣ и находящееся подъ арестомъ, но о нераздѣльномъ движимомъ имуществѣ никакого ограниченія не имѣется.

Изъ всего изложеннаго оказывается 1) что правила, содержащіяся въ ст. 543—555 вполнѣ относятся и къ наслѣдникамъ-соучастникамъ, что видно изъ 13 и 14 ст. уложенія 1649 года, что 2 п. 1313 ст. совершенно лишній; 2) что разница между участниками общей собственности не по наслѣдству и наслѣдниками общей собственности заключается только въ преимуществѣ, установленномъ въ 1324 ст., и кромѣ того въ ограниченіи для наслѣдника по ст. 1314 уступки своей части въ раздробляемомъ имуществѣ, не раньше какъ когда прочіе сонаслѣдники отрекутся отъ пріобрѣтенія оной по оцѣнкѣ которая несуществуетъ по 555 ст. для соучастниковъ не наслѣдниковъ; *) 3) что двухъ годичный срокъ для полюбовнаго раздѣла и 6% штрафъ за непроизводство раздѣла въ теченіи 2-хъ лѣтъ относятся только до раздѣла между наслѣдниками одного наслѣдодателя; 4) что при невозможности осуществить раздѣлъ нераздробляемаго имущества, способомъ указаннымъ въ 1324 ст., при существованіи малолѣтнихъ все имущество, по 3 п. 277 ст., поступаетъ въ продажу; 5) что какъ наслѣдники соучастники, такъ и участники не наслѣдники могутъ выйдти изъ общаго владѣнія раздробляемаго и не раздробляемаго имущества способами, указанными въ ст. 548 и 555, т. е. при отсутствіи согла-

---

*) *Примѣчаніе 4.* Старая сенатская практика разъяснила, что и при несоблюденіи этого правила объ отобраніи отзыва отъ сонаслѣдника, продажа остается въ своей силѣ. (Сбор. сенат. рѣш. т. 2 № 868 и 1078).

сія участниковъ нераздробляемаго имущества на уступку однимъ изъ нихъ своей части, они обязаны пріобрѣсти таковую по оцѣнкѣ, а въ раздробляемомъ имуществѣ не требуется никакого согласія; но новый соучастникъ, если потребуетъ выдѣла, можетъ быть совсѣмъ устраненъ, при выплатѣ ему за его часть по оцѣнкѣ, и что ограниченіе это не имѣетъ примѣненія для пріобрѣтателя съ публичныхъ торговъ части соучастника въ имѣніи, раздѣлу подлежащемъ; 6) что въ сущности право общей собственности существуетъ и относительно движимаго имущества, но по самой натурѣ своей и способности находиться во владѣніи одного изъ соучастниковъ, которая по 534 ст. вслѣдствіе фактическаго владѣнія становится собственностью владѣльца, другому соучастнику предоставляется только право требованія соразмѣрной части стоимости. А если движимость продана однимъ изъ участниковъ, то продажа остается въ своей силѣ и не можетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, которыя по 1396 ст. установлены для продажи общей недвижимой собственности.

М. Градъ.

Смоленскъ
15 іюля 1873 г.

О РОДѢ ИЛИ РОДСТВѢ КРОВНОМЪ.

(Комментарій на 196 и 1112 ст. зак. гражд.).

Въ статьѣ 196 т. X, ч. I зак. гр. постановлено: «Родъ есть связь всѣхъ членовъ семьи мужескаго и женскаго пола, отъ одного *общаго* родоначальника происходящихъ, хотя бы и не всѣ изъ нихъ носили *его* имя или прозваніе.»

Ст. 1112 тѣхъ же зак. «Родъ или родство кровное есть связь всѣхъ членовъ мужескаго и женскаго пола, отъ *одного* общаго родоначальника происходящихъ, хотя оные и *не* носятъ его имени или прозванія.» *)

По содержанію этихъ законовъ возникаютъ слѣдующіе вопросы:

I. Какъ произошли они исторически?

II. Состоятъ ли въ одномъ родѣ лица, происходящія отъ одного общаго родоначальника женскаго пола?

III. Можетъ ли одно и тоже лице быть причислено къ двумъ родамъ?

IV. Не ограничено ли понятіе рода извѣстнымъ числомъ линій и степеней или принадлежностью лица къ одному сословію съ родоначальникомъ.

V. Женщина, перешедшая черезъ замужство въ другую фами-

---

*) Въ этихъ статьяхъ заключается почти буквальное повтореніе одного и того же, а потому одна изъ нихъ представляется излишнею. По опредѣленію профессора Мейера „связь рода представляется двоякою: или нѣсколько лицъ происходятъ одно отъ другаго, или они не происходятъ одно отъ другаго, а имѣютъ только общаго родоначальника.

лію, причисляется ли къ роду, къ коему она принадлежитъ по рожденію?

VI. Братья и сестры неполнородные (единокровные и единоутробные) принадлежатъ ли между собою къ одному или къ разнымъ родамъ?

I. Историческое происхожденіе упомянутыхъ законовъ слѣдующее: *) въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича упоминается слово «родъ», но нѣтъ опредѣленія этого понятія. Въ главѣ XVII, ст. I уложенія сказано: «кого не станетъ, а послѣ его останется жена бездѣтна, да послѣ того же останутся братья родные и двоюродные *и родъ*: и тѣ вотчины давать въ *родъ* того умершаго, кого не станетъ, братьямъ роднымъ и двоюроднымъ и въ родъ, кто кому ближе». Затѣмъ въ ст. 1—4, гл. XVII уложенія къ роду, въ отношеніи наслѣдованія въ вотчинахъ, причисляются слѣдующіе родственники: сыновья, дочери, племянники, внучаты и правнучаты, сестры, братья, прочіе боковые родственники «кто ближе отъ роду вотчичемъ».

Въ ст. 45 той главы уложенія сказано о продажныхъ земляхъ: «а будетъ кто тѣхъ вотчинниковъ умретъ, а послѣ его жены и дѣтей не останется, и тѣ вотчины отдавати въ *родъ* ихъ». Въ новоуказной статьѣ отъ 14 марта 1676 г. (полн. собр. зак. № 634) постановлено: «отдавать тѣ вотчины родственникомъ въ родъ того умершаго, кто ближе того роду, а буде ближнихъ не будетъ, давать дальнымъ родственникомъ».

Въ указѣ о *единонаслѣдіи* (именной указъ отъ 23 марта 1714 года, полн. собр. зак. № 2789) Петра Великаго указано, что черезъ введеніе единонаслѣдія «фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы;» **) напротивъ того «раздѣленіемъ имѣній послѣ отцевъ дѣтямъ недвижимыхъ, великой есть вредъ въ государствѣ . . . какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе». Посему постановлено: «вотчинамъ и помѣстьямъ, дворамъ и лавкамъ обращаться въ *родъ* слѣдующимъ образомъ: кто имѣетъ сыновей и ему же аще хощетъ единому дать недвижимое чрезъ духовную, тому въ наслѣдіе и

*) Въ семъ отношеніи мы всегда держались правила, что юридическій комментарій не можетъ быть правильнымъ безъ изученія *историческаго* происхожденія закона (соеса *sine historia* jurisprudentia).

**) Слово „фамилія“ очевидно означаетъ здѣсь родъ.

будетъ».... А буде при себѣ не опредѣлитъ, тогда опредѣлится *указомъ недвижимое по первенству большому сыну въ наслѣдіе*, а движимое другимъ равною частью раздѣлено будетъ; тожъ разумѣется и о дочеряхъ (п. 1).

Указъ о единонаслѣдіи отмѣненъ былъ при Аннѣ Іоанновнѣ именнымъ указомъ отъ 17 марта 1731 г. (полн. собр. законовъ № 5717) по слѣдующимъ соображеніямъ, въ немъ изложеннымъ: «понеже отцы, естественно сожалѣя своихъ дѣтей, всѣми образы тщилися, несмотря ни на какіе убытки свои и разоренія, дѣлить дѣтей своихъ *всѣхъ* по *равнымъ* частямъ и крѣпили имъ то продажи и закладами черезъ разныя руки, а которые того при себѣ учинить не могли, то другіе разные способы къ тому искали и подвергали дѣтей своихъ подъ великія клятвы, чтобы оставшее послѣ ихъ имѣніе, по смерти ихъ равно между собою дѣлили и тѣмъ какъ между дѣтьми, такъ и родственники не точію ненависти и ссоры произошли, но нѣкоторые отважа себя и до смерти побивали..... Посему повелѣно отцамъ и матерямъ дѣтей своихъ дѣлить по уложенію всѣмъ равно.»

Сенатскимъ указомъ отъ 16 февраля 1761 г. (№ 11210) «о наслѣдованіи единоутробныхъ сестеръ въ имѣніи ихъ матери» разъяснено, что «остались по ней (наслѣдодательницѣ) законныя наслѣдницы, рожденныя ею дочери, а хотя и отъ разныхъ мужьевъ, но по *ней, матери,* родныя между собою сестры, почему при нихъ и той матери ихъ перваго и втораго мужьевъ родственники наслѣдовать не должны.» Слѣдовательно разъяснено, что обѣ дочери рожденныя отъ разныхъ отцевъ, но отъ одной матери, принадлежатъ по матери къ одному роду.

Указомъ отъ 1 апрѣля 1763 г. (№ 11783) «о раздѣлѣ имѣній въ разные роды родственникамъ въ побочныхъ линіяхъ, послѣ бездѣтно умершаго владѣльца» постановлено, что «по всѣмъ законамъ между мужескими и женскими персоны—въ полученіи наслѣдства права имѣютъ прежде родные, а потомъ двоюродные»... Вотчины данныя изъ чужихъ родовъ, не только дочернимъ дѣтямъ и внучатамъ, но еслибъ *и далѣе по нисходящей линіи* обращались наслѣдственною линіею, по пресѣченіи той линіи, какъ они не того *рода,* и что кромѣ собственныхъ потомковъ того колѣна, отъ котораго они шли, другой никто наслѣдовать не можетъ потому указу непремѣнно принадлежитъ къ *возврату* въ тотъ *родъ,* чьи они были». Этимъ указомъ разъяснено: 1) что родъ существуетъ въ нисходящей линіи, не

ограничиваясь извѣстнымъ числомъ рожденій; 2) что подъ родомъ понимается происхожденіе отъ одного общаго родоначальника; 3) что отъ одного родоначальника можетъ быть нѣсколько поколѣній.

Въ указѣ отъ 16 октября 1791 г. (полн. собр. зак. № 16993) изложено, что «фамилія означаетъ не семейство только, ... а родство, яко то происшедшаго отъ одного *рода* родственника;.... фамилія и родство или родственникъ подъ однимъ равнымъ наименованіемъ означены.»

Указъ сената отъ 30 апрѣля 1815 г. (№ 25833) разъяснилъ, что «женскій полъ, перешедшій черезъ замужество въ другую фамилію,—можетъ быть допускаемъ къ выкупу имѣнія, проданнаго въ чужой родъ..... Женскій полъ не можетъ быть изъятъ отъ права на выкупъ по наслѣдству на томъ же самомъ основаніи, какъ предоставленъ выкупъ и для мужескаго пола, ибо дѣвица, вышедшая замужъ и *перемѣнившая фамилію*, ни мало не теряетъ чрезъ то наслѣдственныхъ правъ своего рода вмѣстѣ съ происшедшимъ отъ нея потомствомъ.»

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 12 августа 1818 г. (полн. собр. зак. № 27468) объяснено, что: «нельзя иначе понимать слово фамилія, какъ семья и *родъ* (familia), а не прозвище или прозванье (nomen), что ясно доказывается 7-мъ пунктомъ того же указа 1714 года, гдѣ бездѣтный воленъ отдать свое имущество за неимѣніемъ мужской линіи, одной изъ своихъ родственницъ, которыя могутъ быть другаго совсѣмъ прозванія» .... Посему заключено «что при избраніи завѣщателемъ одного наслѣдника, не слѣдовало уже допускать никакихъ условій, которыя бы могли разрушать право наслѣдія, допущенное на основаніи закона и одному только лицу принадлежащее.»

Наконецъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 14 марта 1823 г. (полн. собр. зак. № 29357) рѣшенъ вопросъ: „слѣдуетъ ли право наслѣдованія по женскому колѣну, за пресѣченіемъ мужескаго ограничивать какою либо степенью, или предоставить сіе право нисходящимъ по женскому колѣну безъ всякаго ограниченія, какою бы то ни было степенью, подобно таковому потомственному праву колѣна мужскаго?“ Признано что: «сей вопросъ удовлетворительно разрѣшается въ пользу *неограниченности* права наслѣдованія женскаго колѣна разумомъ статей 2-й и 4-й XVII главы уложенія,

равно какъ и указомъ 1770 г. марта 15. Вслѣдствіе сего не допущено никакого ограниченія въ нисходящихъ степеняхъ наслѣдованія по женскому колѣну за пресѣченіемъ мужескаго.»

II. Приступая затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса «состоятъ ли въ одномъ родѣ лица, происходящія отъ лица *женскаго пола* (какъ ихъ общаго родоначальника), мы должны замѣтить, что въ 1817 году правительствующій сенатъ по одному частному дѣлу (№ 26867 полн. собр. зак.) привелъ соображеніе, что въ уложеніи 1649 г. «ни мало не содержится того правила, чтобы братья, рожденные отъ одного отца, но только отъ разныхъ матерей, въ степени и линіи родства были между собою неравны: *ибо самая линія родства происходитъ не отъ матери, а отъ отца*, почему и дѣти рожденныя отъ разныхъ матерей, но отъ одного отца почитаются между собою не иначе, какъ родными: поелику они *одного и того же рода* и не наслѣдуютъ только въ имѣніи своихъ мачихъ, какъ *другаго* уже съ ними рода.»

Напротивъ того въ другомъ указѣ сената, состоявшемся, (какъ уже приведено выше) 16 февраля 1761 г. (полн. собр. зак. № 11210) указано, что дѣти принадлежатъ и къ роду матери, и слѣдовательно что линія родства происходитъ не отъ одного отца, но и отъ матери: именно буквально сказано слѣдующее: «остались по ней (наслѣдодательницѣ) законныя наслѣдницы, рожденныя ею дочери, а хотя и отъ *разныхъ мужьевъ*, но *по ней матери родныя* между собою сестры, почему при нихъ и той матери ихъ перваго и втораго мужьевъ родственники наслѣдовать не должны.»

Съ своей стороны мы полагаемъ, что если держаться буквальнаго смысла ст. 196 и 1112 зак. гр., то съ перваго взгляда можно бы признать, что къ одному роду принадлежатъ *только* лица происходящія отъ родоначальника *мужескаго* пола, ибо въ упомянутыхъ статьяхъ говорится о происхожденіи всѣхъ членовъ рода *«отъ одного общаго родоначальника»* (а не родоначальницы), хотя бы они и не носили его имени или прозванія.

Затѣмъ по нашему мнѣнію вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ различно, смотря по тому: разсматривать ли его съ точекъ зрѣнія А) *личныхъ, генеалогическихъ правъ* или Б) *имущественныхъ правъ.*

А) относительно *личныхъ правъ* оказывается, что мужъ сообщаетъ женѣ своей, если она по роду принадлежитъ къ состоя-

нію низшему, всѣ права и преимущества, сопряженныя съ его состояніемъ, чиномъ или званіемъ (ст. 100 зак. гражд.). Дѣти наслѣдуютъ права состоянія и фамилію ихъ отца (ст. 136). Изъ соображенія этихъ узаконеній съ ст. 196 и 1112 зак. гр. можно заключить, что съ точки зрѣнія *генеалогической* (сословныхъ и личныхъ правъ) принадлежность къ роду частныхъ лицъ обусловливается исключительно происхожденіемъ отъ одного общаго родоначальника *мужескаго* пола.

Б) Но совершенно къ другому заключенію мы придемъ, если сообразить опредѣленіе „рода" въ томъ видѣ, какъ оно сдѣлано въ нашемъ законодательствѣ, въ отношеніи *наслѣдственныхъ, имущественныхъ* правъ.

Опредѣленіе рода помѣщено въ ст. 1112 зак. гражд., то есть въ раздѣлѣ, гдѣ говорится „о наслѣдствѣ по закону вообще". Наслѣдство можетъ открыться (ст. 1127) послѣ отца и *матери.* По ст. 1118 близость линій побочныхъ опредѣляется происхожденіемъ ихъ отъ общаго родоначальника. Ближайшія побочныя линіи суть тѣ, кои происходятъ отъ отца и *матери,* за ними слѣдуютъ тѣ, кои происходятъ отъ дѣда и *бабки* и такъ далѣе; «слѣдовательно ст. 1118 именно разъясняетъ, что *родоначальникомъ* можетъ быть какъ лице мужескаго пола, такъ и лице *женскаго пола.* Далѣе по статьѣ 1138 «въ боковыхъ линіяхъ имѣнія родовыя переходятъ: отцовское всегда въ родъ отца, материнское въ *родъ матери.*» Итакъ законъ признаетъ, что можетъ быть родъ матери, и что лица отъ нея происходящія, принадлежатъ къ ея роду.

Сообразивъ вышеизложенное, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

1) Въ отношеніи наслѣдственныхъ, имущественныхъ правъ подъ «родами» нужно понимать происхожденіе нѣсколькихъ лицъ отъ одного общаго родоначальника, независимо отъ пола сего послѣдняго. Съ этимъ согласенъ и профессоръ Мейеръ (см. русское гражд. право, изд. Вицына, 1868 г. стр. 68), который полагаетъ «что родство установляется не только происхожденіемъ отъ общаго родоначальника, лица мужескаго пола, а также происхожденіемъ отъ общей родоначальницы, лица женскаго пола.»

б) Понятіе рода (въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено въ ст. 196 и 1112) должно быть примѣнено въ каждомъ данномъ

случаѣ въ отношеніи къ *наслѣдодателю*, чтобы опредѣлить какія лица имѣютъ право получить послѣ него наслѣдство.

в) Затѣмъ соображеніе заключающееся въ указѣ сената 1817 года (№ 26867 п. св. зак.), будто лица происходящія отъ лица женскаго пола не принадлежатъ къ одному роду, не выдерживаетъ критики.

г) Въ отношеніи сословныхъ и генеалогическихъ правъ къ роду должны быть причислены только лица, имѣющія своимъ родоначальникомъ лице мужескаго пола.

III. Вопросъ о томъ: «можетъ ли одно и тоже лице быть причислено къ двумъ родамъ—мы разрѣшаемъ утвердительно. Такъ какъ право законнаго наслѣдованія принадлежитъ дѣтямъ не только послѣ ихъ отца, но и послѣ ихъ матери, а также послѣ ихъ дѣда и бабки, то оказывается что каждое лице въ отношеніи своихъ имущественныхъ правъ можетъ принадлежать къ нѣсколькимъ родамъ. Сынъ и отецъ по отношенію къ имуществу наслѣдованному первымъ отъ матери, принадлежитъ къ *разнымъ* родамъ. На основаніи сего правительствующій сенатъ въ 1816 г. (№ 26202 п. св. зак.) рѣшеніемъ по частному дѣлу призналъ имущество, купленное отцемъ у сына дошедшее къ сему послѣднему отъ матери—имуществомъ благопріобрѣтеннымъ.

IV. Понятіе рода *) не ограничено ни извѣстнымъ числомъ линій и степеней, ни принадлежностью лица къ одному сословію съ родоначальникомъ, ибо по статьѣ 1111 зак. гр. «право наслѣдованія въ порядкѣ, законами опредѣленномъ, простирается на всѣхъ членовъ рода, одно кровное родство составляющихъ *до совершеннаго прекращенія онаго*, не токмо въ мужескомъ, но и въ женскомъ поколѣніи», а на основаніи ст. 1105 «лица, кровнымъ родствомъ съ умершимъ соединенныя, допускаются къ наслѣдованію безъ всякаго различія *состояній*.» Къ этому нужно прибавить, что какъ изложено выше, государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ отъ 14 марта

---

*) Профессоръ Неволинъ (т. III, стр. 386 и 37) полагаетъ, что родъ въ смыслѣ *природномъ* обнимаетъ собою лицъ, которыя происходятъ отъ одного общаго родоначальника и сознаютъ свое общее происхожденіе и при томъ всѣ эти лица, но и только эти лица, а не другія. Въ смыслѣ *юридическомъ* родъ не простирается далѣе тѣхъ лицъ, между которыми законъ признаетъ извѣстныя права и обязанности родства.

1823 г. (№ 29357) постановилъ: «не допускать никакого ограниченія въ нисходящихъ степеняхъ наслѣдованія по женскому колѣну за пресѣченіемъ мужескаго.

V. Женщина, перешедшая черезъ замужство въ другую фамилію, причисляется ли къ роду, къ коему она принадлежитъ по рожденію? Въ указѣ сената отъ 30 апрѣля 1815 г. (№ 25833) какъ уже замѣчено выше признано, что *«дѣвица вышедшая замужъ и перемѣнившая фамилію*, ни мало не теряетъ черезъ то наслѣдственныхъ правъ *своего рода*, вмѣстѣ съ происшедшимъ отъ нея потомствомъ.» Въ статьяхъ 196 и 1112 зак. гр. сказано, что къ роду причисляются лица, хотя бы они и не носили имя или прозваніе родоначальника; слѣдовательно вступленіе въ бракъ лица женскаго пола и перемѣна имъ фамиліи не могутъ лишить его ни наслѣдственныхъ правъ (ст. 1130 и 1137 зак. гр.), ни права принадлежать къ прежнему роду. Въ ст. 1137 зак. гражд. постановлено, что наслѣдуютъ сестры какъ не замужнія, такъ и замужнія. Слѣдовательно вопросъ разрѣшается утвердительно и женщина вышедшая замужъ причисляется къ первоначальному роду, по своему рожденію.

VI. Наконецъ по вопросу: братья и сестры неполнородные (единокровные и единоутробные) принадлежатъ ли къ одному роду или къ разнымъ родамъ? Мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: братья и сестры полнородные суть тѣ, которые имѣютъ общими какъ мать, такъ и отца, то есть обоихъ родоначальниковъ, потому это родство называется также двуроднымъ. Эти лица имѣютъ право наслѣдованія послѣ ихъ обоихъ родителей, а слѣдовательно имѣютъ общими двухъ родоначальниковъ. Напротивъ того братья и сестры неполнородные имѣютъ общими только одного родителя и суть или: а) единокровные (consanguini), когда происходятъ отъ одного отца, но разныхъ матерей, или б) единоутробные (interini), когда происходятъ отъ родной матери но разныхъ отцевъ. Братья и сестры единокровные и единоутробные *) наслѣдуютъ каждый

---

*) Профессоръ Мейеръ (русское гражд. право, стр. 68) полагаетъ, что для опредѣленія степени родства между двумя данными лицами все равно происходятъ ли они отъ обоихъ общихъ родоначальниковъ (родоначальника и родональницы) или они имѣютъ только одного общаго родоначальника или одну общую родоначальницу. Такъ братья единоутробные и единокровные

послѣ своихъ родителей (ст. 1127), а въ боковой линіи наслѣдуютъ по правиламъ изложеннымъ въ ст. 1140 зак. гражд.

Затѣмъ нужно признать, что братья и сестры неполнородные (единокровные и единоутробные) между собою принадлежатъ: къ одному роду по отношенію къ тому изъ родителей, котораго они имѣютъ общимъ родоначальникомъ и къ разнымъ родамъ по отношенію къ другому родителю, чѣмъ опредѣляются и ихъ наслѣдственныя права. *)

Александръ Любавскій.

родственники второй степени, точно также какъ и братья родные. Но происхожденіе отъ обоихъ общихъ родоначальниковъ предполагаетъ родственную связь болѣе тѣсную, потому и юридическое дѣйствіе ея въ извѣстныхъ случаяхъ значительнѣе, и именно въ правѣ наслѣдованія.

*) Замѣтка эта составляетъ часть изготовляемой нами къ печати статьи: *„уничтоженіе различія между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными.“*

Вслѣдствіе заявляемыхъ вопросовъ о томъ, имѣются ли книжки Юридическаго Вѣстника за прежніе годы, Редакція имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что требованія лицъ, желающихъ получить журналъ за прошедшее время, могутъ быть удовлетворены.

